

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Нальчик • 2015

УДК – 80(2Р=512.142)
ББК – 80(2Р=Кара)
А – 43

Печатается по решению Ученого совета ФГБНУ
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Редколлегия:

Дзамихов К.Ф.
Улаков М.З. (ответственный редактор)
Махиева Л.Х.
Кумыкова Д.М.
Кучмезова Л.Б.
Гулиева (Занукоева) Ф.Х.

Актуальные вопросы карачаево-балкарской фило-
А– 43 логии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. с.

Данный сборник посвящен 75-летию со дня рождения известного российского ученого-тюрколога, доктора филологических наук, профессора КБГУ, лауреата Государственной премии КБР, академика Международной тюркской академии, члена Российского комитета тюркологов Жамала Магомедовича Гузеева. Издание включает научные статьи, в которых рассматриваются актуальные проблемы современной карачаево-балкарской и северо-кавказской филологии.

Материал, представленный в сборнике, адресован широкому кругу филологов – научным работникам, лингвистам-тюркологам, преподавателям вузов и школ, студентам и аспирантам.

ISBN

© КБИГИ, 2015

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH

**ACTUAL QUESTIONS OF
KARACHAY-BALKARIAN
PHILOLOGIE**

Nalchik • 2015

UDC – 80(2P=512.142)
BBK – 80(2P=Kapa)
A – 43

There are published according to the decision of the Scientific Council
of The Federal State Budgetary Science Establishment
the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research

Editorial board:

Dzamiyov K.F.
Ulakov M.Z. (the editor-in-chief)
Mahieva L.H.
Kumyкова D.M.
Kuchmezova L.B.
Gulieva (Zanukoeva) F.H.

Actual questions of karachay-balkarian philologies. –
A – 43 Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2015.

The given collection is devoted to the 75 anniversary from the date of a birth of the known Russian scientist-turkologist, Doctor of Philology, professor of KBSU, the laureate of State premium of KBR, the academician of the International Turkic academy, a member of the Russian committee of turkologists Jamal Magomedovich Guzeev. The edition includes research papers, in which actual problems of modern karachay-balkarian and north-caucasian philology are considered.

The material, presented in the collection, is addressed to the broad audience of philologists – to science officers, linguists-turkologists, teachers of high schools and schools, students and post-graduate students.

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

Вклад Ж.М. Гузеева в карачаево-балкарскую и общетюркскую лингвистику	8
<i>Гаджихамедов Н.Э.</i> Его призвание – тюркские языки	8
<i>Мусуков Б.А.</i> О монографии Ж.М. Гузеева «Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка»	13
<i>Махиева Л.Х., Локьяева Ж.М.</i> Къарачай-малкъар тил хазнабызны ёхтемлиги (Гузеланы Жамалны 75-жыллыгына) (Гордость карачаево-балкарского языкознания (к 75-летию Гузеева Жамала)	17
<i>Аптюев А.К.</i> Новатор тюркского языкознания	22
Тюркские языки: проблемы и перспективы. Общие закономерности и особенности истории развития национальных языков	27
<i>Текуев М.М., Газаева Г.Ж.</i> Временная семантика имен существительных къагъанакъ «младенец», сабий «ребенок» в карачаево-балкарском языке	27
<i>Улаков М.З., Локьяева Ж.М.</i> Генетически родственные омонимы в карачаево-балкарском языке как результат распада полисемии	32
<i>Гутов А.М.</i> Родной язык и государство	36
<i>Кумыкова Д.М.</i> Субстантивация: конверсия или транспозиция?	43
<i>Кетенчиев М.Б., Геляева Ж.А.</i> Вербализация концептов «муж» и «жена» в карачаево-балкарских паремиях	48

<i>Кетенчиев М.Б., Доттуева З.М.</i> Способы образования военной лексики карачаево-балкарского языка	53
<i>Мусуков Б.А., Магрелова Ф.А.</i> Функционально-семантическая парадигма числительных в карачаево-балкарских пословицах и поговорках	59
<i>Гаджихамедов Н.Э.</i> Личные имена как выразители национальной ментальности	66
<i>Эбзеева Ф.П.</i> Заимствованные зоонимы в карачаево-балкарском языке	76
<i>Додуева А.Т.</i> Репрезентация временных отношений в карачаево-балкарском языке	85
<i>Хуболов С.М., Малкандуева Л.М.</i> Структурные типы компаративных фразеологических единиц в карачаево-балкарском языке	90
<i>Хуболов С.М., Малкандуева Л.М.</i> Синтаксические функции компаративных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке	96
<i>Мизиев А.М., Бекулова Ж.С.</i> О фразеологизации словосочетаний в карачаево-балкарском языке	102
<i>Ахматова М.А.</i> Аспекты реализации концепта «гостеприимство» в карачаево-балкарском языке	107
<i>Боташева Ф.Т.</i> Особенности семантики бытовой лексики карачаево-балкарского языка в сравнении с другими тюркскими языками	112
<i>Хужева Л.К.</i> Общий лексический фонд кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков	118
<i>Гелястановая Т.С., Биттирова Ф.Х.</i> Способы выражения концепта «труд» в карачаево-балкарских поговорках	124
<i>Атабиева Л.Х.</i> Способы образования наречий в тюркских языках	129
<i>Бичекуева Т.Ю.</i> Системно-деятельностный подход на уроках карачаево-балкарского языка	133
<i>Ахматова Ф.Х.</i> Словообразовательная активность в карачаево-балкарском языке	138

<i>Девеева А.А.</i> Репрезентация обрядов сватовства и бракосочетания в карачаево-балкарском языке	144
--	-----

Литература народов Северного Кавказа: проблемы поэтики, методологии и сопоставительного изучения, жанровые особенности	149
---	------------

<i>Толгуров З.Х.</i> Рождение лирического героя в литературах народов Северного Кавказа	149
---	-----

<i>Тетугев Б.И., Губжева К.З.</i> Нравственная проблематика в повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда»	162
--	-----

<i>Кучукова З.А., Шурдумова М.С.</i> Вегетативные образы как ключ к художественной антропологии Федора Тютчева	168
--	-----

<i>Сарбашева А.М.</i> Языковые средства изображения характера в творчестве Жагафара Токумаева	174
---	-----

<i>Узденова Ф.Т.</i> Сатанай. Семантика образа (к теории архетипов)	179
---	-----

<i>Болатланы (Атабийланы) А.Д.</i> Суратлау белгини сёз искусствода тохташхан эстетика ангыламы (Художественный символ как эстетическая категория (устойчивые определения)	188
--	-----

<i>Кажарова И.А.</i> Ценностные доминанты романа С.Г. Канукова «Девушка из Ленинграда» в оригинале и переводе ...	199
---	-----

Фольклор и лингвофольклористика	206
--	------------

<i>Малкондугев Х.Х.</i> Волшебная сказка «Сын Ындырбая Махамет» и ее варианты	206
---	-----

<i>Берберов Б.А.</i> Почему стариков не стали изгонять (сравнительно-типологический анализ одного архетипического мотива)	212
---	-----

<i>Махиева Л.Х., Гергокова Л.С., Кучмезова Л.Б.</i> Лексико-грамматические особенности заимствованной лексики в карачаево-балкарском языке (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса)	219
---	-----

<i>Гулиева (Занукоева) Ф.Х.</i> К проблеме внутрижанровой классификации карачаево-балкарских народных сказок	226
---	-----

**ВКЛАД Ж.М. ГУЗЕЕВА
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКУЮ
И ОБЩЕТЮРКСКУЮ ЛИНГВИСТИКУ**

УДК – 811.512.14

Н.Э. Гаджихмедов

ЕГО ПРИЗВАНИЕ – ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Статья приурочена к 75-летию юбилею выдающегося ученого-тюрколога, лингвиста, внесшего значительный вклад не только в родную карачаево-балкарскую, но и в общетюркскую лингвистику.

Ключевые слова: лингвистическая тюркология, карачаево-балкарский язык, лексикология и лексикография, фонетика и фонология, фразеология, словообразование, орфография, орфоэпия.

*«Каждый настоящий ученый
привносит в свою специальность
нечто ценное, нечто свое, что движет
его науку все дальше и дальше».*

С.Е. Малов

Эти слова выдающегося тюрколога члена-корреспондента Академии наук СССР Сергея Ефимовича Малова в полной мере относятся к нашему юбиляру Жамалу Магомедовичу Гузееву. В небольшой статье трудно подробно развить тему о Ж.М. Гузееве, как ученом, всю свою жизнь посвятившем лингвистической тюркологии. Это предмет большого исследования, включающего в себя и анализ творческого пути ученого, и размышления о времени его становления ученым, о нем самом, как о научном деятеле, его характере, интересах и наклонностях. Остается только «фрагментарный» путь освещения названной темы, показав лишь некоторые моменты его научной деятельности.

Ответственно выполненные работы живут долго и не теряют своей актуальности, потому что они зиждутся на прочном фун-

даменте. Как тюрколог могу с полной ответственностью заявить, что даже первые монографические исследования Ж.М. Гузеева, опубликованные более 30 лет назад [5; 6; 8], по сей день являются фундаментальными трудами в области тюркской лексикографии. Сегодня, изучая лексикографические исследования Жамала Магомедовича, листая созданные им словари, получаешь полное представление о перспективах исследования жизни тюркского слова в Словаре и масштабах, размахе лексикографического направления в современном тюркском языкознании. Я опубликовал несколько словарей по кумыкскому языку, при их подготовке всегда опирался на лексикографические принципы, изложенные в трудах Ж.М. Гузеева.

«Толковый словарь карачаево-балкарского языка» [11], «Словарь омонимов карачаево-балкарского языка» [4] – монументальный итог многолетней кропотливой и плодотворной работы автора по «собираанию», редактированию и исследованию карачаево-балкарской лексики. Оба словаря составлены с учетом достижений современной тюркской лексикографии и представляют собой богатейшую сокровищницу наиболее употребительной лексики карачаево-балкарского языка, высококвалифицированное ее описание в виде надежного источника, создающего прочную основу для дальнейшего развития не только карачаево-балкарской лексикографии, но и общей лексикографии тюркских языков. Во многом эти словари будут подспорьем и образцом в составлении новых словарей других тюркских языков. Они широко отражают национально-культурную специфику карачаево-балкарской лексики. Словарные статьи оснащены интересным и убедительным иллюстративным материалом, фразеологией, пословицами и поговорками, которые почерпнуты из самых разнообразных устных и письменных источников и указывают не только на сферу употребления и на тончайшие оттенки значений слов, но и характеризуют этнографию и фольклор карачаево-балкарского народа. Сегодня получить представление о перспективах исследования жизни слова в тюркоязычных словарях невозможно без лексикографических трудов Ж.М. Гузеева.

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [1] дается такое определение слову «словарь»: это «книга, содержащая перечень слов, расположенных в определенном порядке». Воистину «только талант истинного лекси-

кографа и подлинного лингвиста способен создать не просто «перечень слов», а увидеть и показать сокровенные тайны жизни и бытия слова в языке, тонкие оттенки его судьбы в тексте и даже ее сложные метаморфозы в живой речи» [10, с. 149].

Научные интересы Жамала Магомедовича не ограничены лексикологией и лексикографией. Ему как ученому свойственны необычайная широта интересов, стремление проникнуть в глубинные свойства языковых явлений, скрытых от непосредственного наблюдения. В двух монографиях автор излагает теоретические основы фонетики и фонологии карачаево-балкарского языка, раскрывает сложные и далеко неоднозначные соотношения понятий «звук» и «фонема» [2; 3]. Оригинальные идеи ученого излагаются в единстве с осмыслением и обобщением традиций разработки данной проблематики в истории языкознания, в сочетании с критическим анализом результатов современных исследований. Данные исследования ученого расширяют и обогащают тюркскую фонетику и фонологию уникальной и неповторимой информацией, так необходимой для сравнительно-исторических исследований. Немало новых акцентов и конкретных интерпретаций мы находим и в суждениях автора о составе, позициях, дифференциальных и интегральных признаках фонем, их чередованиях. Оригинально излагает автор и сочетаемостные возможности фонем на примере карачаево-балкарского языка.

Немало нового и в размышлениях Ж.М. Гузеева о фразеологизации свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке. Примечательна, в частности, интерпретация формальных особенностей фразеологических единиц, образованных из свободных словосочетаний и предложений, и системных связей фразеологических единиц, образованных из свободных словосочетаний и предложений [9]. Раскрываются сложные и далеко неоднозначные толкования в современной лингвистике проблем, связанных с границами фразеологии, семантическими типами фразеологических единиц, образованных из свободных словосочетаний и предложений, системные связи фразеологических единиц, а также их социально-функциональные, стилистические и генетические особенности, источники и способы их развития.

Среди многочисленных работ Ж.М. Гузеева немало исследований, посвященных актуальным проблемам тюркского словообразования [7]. Автор затрагивает по меньшей мере два важных

аспекта лексикализации, существенно дополняющие сложившиеся представления о процессах лексикализации внутренней формы слова в тюркском языкознании. Во-первых, это идея о причинах, влияющих на степень лексикализации имен действия, причастий и деепричастий. Во-вторых, в целом удачное приложение к выдвинутым теоретическим основам лексикализации положений о разной степени лексикализации неличных форм глагола и его залоговых форм. Синтез этих двух подходов позволяет автору преодолеть инертность существующих взглядов в решении проблем лексикализации, заслуживающих нетривиальной интерпретации. В трудах по словообразованию акцентировано внимание и на установление общих и специфических особенностей между понятиями транспозиция и конверсия, субстантивация и адвербиализация в их отношении к лексикализации и конверсии.

Осмысливая исследовательскую деятельность Жамала Магомедовича, нельзя не отметить то, что он прошел путь от ученого-русиста в ранних своих исследованиях до тюрколога почти универсального профиля в трудах более позднего времени. К этому его привела широта его тюркологических интересов, любовь к различным аспектам тюркских языков и тюркоязычной культуры.

Лингвистический и человеческий талант Ж.М. Гузеева и профессионализм Ученого и Педагога помогли не одному поколению исследователей карачаево-балкарского языка, среди которых не один десяток докторов и кандидатов наук, нашедших свое место в жизни и научном сообществе тюркологов.

Разработанная Жамалом Магомедовичем методология и методика изучения проблем фонетики, фонологии, орфографии, орфоэпии, морфологии, словообразования и лексикографического описания языковых фактов имеют многочисленных последователей и единомышленников в современной лингвистической тюркологии. Одним из таких единомышленников юбиляра является автор этих строк.

Сердечно поздравляя Жамала Магомедовича Гузеева с 75-летием, желаю юбиляру новых творческих сил, творческого долголетия, талантливых учеников и здоровья для осуществления задуманного.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. 1536 с.
2. *Гузеев Ж.М.* Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 168 с.
3. *Гузеев Ж.М.* Карачаево-балкарская фонетика. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2009. 240 с.
4. *Гузеев Ж.М.* Къарачай-малкъар тилни омонимлерини сёзлюгю (Словарь омонимов карачаево-балкарского языка). М.: Эльбрусид, 2013. 496 с.
5. *Гузеев Ж.М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1984. 164 с.
6. *Гузеев Ж.М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 196 с.
7. *Гузеев Ж.М.* Семантический способ словообразования в тюркских языках. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 236 с.
8. *Гузеев Ж.М.* Теоретические основы составления толковых словарей тюркских языков: дис. ...д-ра филол. наук. М., 1987. 397 с.
9. *Гузеев Ж.М., Мизиев А.М.* Фразеология свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Принт Центр, 2013. 189 с.
10. *Колесникова М.С.* О жизни слов в словаре и словаре в жизни лексикографа (к юбилею профессора Валентина Дмитриевича Девкина) // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2005. № 4. С. 148–154.
11. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х томах / гл. ред. Ж.М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. I. 1018 с.; Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. II. 1172 с.; Нальчик: Эль-Фа, 2005. Т. III. 1160 с.

N.E. GADJIAHMEDOV

HIS CALLING – TURKIC LANGUAGES

Article is dedicated to the 75 th anniversary of prominent scientist-turkologist, the linguist, who has brought significant contribution not only in his native karachay-balkarian, but in common-turkic linguistics.

Keywords: linguistic turkology, karachay-balkarian language, lexicology and lexicography, phonetics and phonology, phraseology, word-formation, orthography, orthoepy.

Б.А. Мусуков

**О МОНОГРАФИИ Ж.М. ГУЗЕЕВА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОНОЛОГИИ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА»**

Статья посвящена исследованию смысловозначительной функции гласных и согласных фонем карачаево-балкарского языка и различных фонетических трансформаций на основе анализа монографии Ж.М. Гузеева «Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка» (Нальчик, 2010).

Ключевые слова: инвентарные единицы языка, фонема, аллофоны, позиционное чередование, сильная позиция, слабая позиция, редукция.

Исследование Ж.М. Гузеева «Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка» [1] посвящено малоизученному разделу тюркского языкознания. В работе на материале карачаево-балкарского языка впервые в тюркологии предпринята попытка системного описания фонологии как самостоятельного раздела языкознания, в котором главное внимание уделяется таким вопросам, как позиции фонем, их чередования, дифференциальные и интегральные особенности и сочетания.

В монографии описание смысловозначительной функции превалирует над описанием фонетических явлений и акустико-артикуляционных особенностей звуков языка. Особое внимание, в отличие от фонетики, изучающей звуковую сторону языка, уделяется анализу смысловозначительных функций фонем в пределах инвентарных (фондовых) единиц – двусторонних компонентов морфологии: слов, словоформ, морфем. Если в исследованиях по фонетике рассматривается акустическая и анатомо-физиологическая стороны звуков языка, то в работе Ж.М. Гузеева они изучаются с точки зрения их функций в процессе коммуникации. Предметом фонологического исследования являются система фонем, их функции и закономерности позиционного употребления.

В работе отмечается, что фонема как результат членения морфем на звуковые оболочки, являясь минимальной единицей языка, линейно не членимой, потенциально связанной со значением, существует независимо от звуковых единиц слов и морфем. Фонема различает разные слова, их формы и морфемы, способствует отождествлению одних и тех же слов, их форм и морфем. Фонема образует звуковые оболочки значимых единиц языка и способна их дифференцировать. Аллофоны, в которых реализуется фонема, в зависимости от позиции в слове, словосформе и морфеме, являются оттенками фонемы.

Исследуя позиции фонем и их чередования, Ж.М. Гузеев обращает внимание на первичные необусловленные дифференциальные особенности согласных фонем по месту образования; на вторичные дифференциальные признаки фонем, выделяющиеся в морфемах, точнее вариантах морфем (морфах). Кроме того, автор анализирует большое число безвариантных морфем типа **къол** 'рука', **таш** 'камень', к которым невозможно подобрать слова с дифференциальным признаком звонкости.

Определяя сильные и слабые позиции фонем, Ж.М. Гузеев отмечает, что нельзя считать любой начальный слог слова для гласных фонем сильной позицией, исходя из того, что случаев «сильной редукции» узких гласных в первом предударном слоге довольно много.

Рассматривая позиционные чередования гласных (в аффиксах, корнях) и согласных (в аффиксах, корнях), автор считает, что в карачаево-балкарском языке чередования звуков обусловлены законом сингармонизма, ассимиляции и диссимиляции согласных, явлением синдохии, синкопой (выпадением согласного в середине слова), элизией гласных (выпадением в конце слова) и другими фонетическими явлениями.

Анализируя актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка, исследователь обращает внимание на дифференциальные и интегральные признаки фонем и звуков, выявляет фонемы, различающиеся по одному, двум, трем признакам.

Изучая чередования звуков, Ж.М. Гузеев подчеркивает чередования гласных звуков, чередования гласных с нулем звука и нуля звука с гласным, чередования согласных звуков, чередования звонких и глухих согласных звуков, чередования кратких и долгих согласных звуков, чередования согласных звуков по месту образования, чередования согласных звуков по способу образо-

вания, чередования согласных с нулем звука и нуля звука с согласными.

Исследуя сочетания фонем, автор приводит следующие их разновидности: сочетания согласных фонем, встречающиеся только на границе слов (в пределах фонетического слова), дистантная сочетаемость гласных фонем, сочетания согласных фонем с гласными фонемами (в позиции начала корня, в середине корня, в конце корня, на стыке корня и аффикса, на стыке компонентов в сложных словах), сочетания согласных фонем, интервокальные сочетания согласных фонем (сочетания из двух согласных, сочетания из трех согласных), конечные сочетания согласных фонем.

В заключении Гузеев Ж.М. подводит общие итоги исследования в рамках данной монографии в виде краткого карачаево-балкарско-русского словаря фонологических оппозиций (оппозиции гласных фонем, оппозиции согласных фонем) и формулирует перспективы дальнейших исследований. Главный вывод этой работы заключается в том, что автор теоретически аргументированно и логически последовательно формулирует результаты комплексного исследования позиций фонем, их чередований, дифференциальных и интегральных особенностей, сочетаний фонем.

Работа выполнена на высоком научно-теоретическом уровне, сочетающем последние достижения теоретических и практических исследований.

Литература

1. Гузеев Ж.М. Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 168 с.

B.A. MUSUKOV

**ON THE MONOGRAPH BY J.M. GUZEEV
«ACTUAL PROBLEMS OF MORPHOLOGY
OF KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE»**

The article is devoted to the study of the distinctive features of vowels and consonants karachay-balkarian language and of various phonetic transformations based on the analysis of the monograph J.M. Guzeev «Actual problems of morphology of Karachay-Balkar language» (Nalchik, 2010).

Keywords: inventory unit of language, the phoneme, the allophones, positional alternation, a strong position, weak position, reduction.

Махийланы Л.Х., Локияланы Ж.М.

**КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР
ТИЛ ХАЗНАБЫЗНЫ ЁХТЕМЛИГИ
(Гузеланы Жамалны 75-жыллыгына)**

Бу статья белгили россей тюрколог, филология илмуланы доктору, профессор, Къабарты-Малкъар кырал премияны лауреаты, Къабарты-Малкъарны илмусуну сыйлы кьулдукъчусу, битеудуния тюрк академияны члени Гузеланы Магометни жашы Жамалгъа жораланнганды.

Ол къарачай-малкъар тилни эм битеу тюрк тилни илмусуна да айырма юлюш кьошхан алимледен бириди.

Баш магъаналы сёзле: алим, къарачай-малкъар тил, лексикография, фонетика, семантика, фонология, тилни тарыхы

Белгили тюрколог, Халкъла аралы тюрк академияны академиги, филология илмуланы доктору, профессор Гузеланы Магометни жашы Жамал 1940 жылда Черек районну Огъары Жемтала элинде туугъанды. Аны сабийлиги, жашлыгы да туугъан жеринден кенге, Орта Азияда Къыргъызстанда ётгендиле.

Алай Жамал сабийлей окъуна окъургъа, билим алыргъа кёл салгъан инсанладан эди. 1957 жылда, малкъар халкъны миллет азатлыгы къайтарылгъандан сора, аналары Зарият юч сабийи бла туугъан элине, Огъары Жемталагъа къайтады. 1959 жылда Жамал да, аны эгиз къарындашы Кемал да Тёбен Жемталада кёчюнчюлюкден къайтханлагъа ачылгъан интернат-школну бошاپ, Жамал Къабарты-Малкъар кырал университетни орус-малкъар бёлюмюне, Кемал а математика бёлюмюне окъургъа киредиле.

1964 жылда уа Жамал университетни жетишимли бошاپ, Огъары Жемталаны школунда немец тилден устаз болуп бир жыл чакълы ишлейди. Къысха заманны ичинде ол школну ди-

ректоруну экинчиси болуп урунады эм орус тил бла литературан устазлыкъ этеди. Алай Жамал, билимин андан ары айнытыргъа умутда, 1970 жылда Къыргъызтанны къырал университетини орус тилден аспирантурасына кирип, анга берилген замандан бир жыл алгъа, 1972 жылда, «Сопоставительная фонетика русского и карачаево-балкарского языков» деген кандидат диссертациясын къоруулап, къарачайлыланы бла малкъарлыланы араларында орус тилден филология илмуланы биринчи кандидаты болуп республикабызгъа къайтады.

Ол жыл окъуна Къабарты-Малкъарны илму-излем институтуна илму къуллаукъчу болуп киреди, кѣп да турмай, къарачай-малкъар тилни бѣлюмюне таматалыкъ этип башлайды. Тутхан ишин тынгылы тамамларгъа фахмусу, билими да болгъан алим, ол жетишимлери бла чекленмей, «Теоретические основы составления толковых словарей тюркских языков» деген доктор диссертациясын Москваны тил бла байламлы институтунда жетишимли къоруулап, малкъар халкъны биринчи докторларыны ал сатырына чыгъады. Керти алим, Гузеланы Жамал, илму ишлени жазууну, къарачай-малкъар тилни сѣзлюклерин, окъуу китапланы, устазлагъа бла студентлеге, окъуучулагъа дерсликлени жарашдырыуну къолгъа алады.

Болсада, алыкъын тил билимде этиллик ишле аслам эдиле. Аланы тамамлар ючюн алимле керек болгъанларын кимден да уста ангылап, миллет къайгырыулукъну баш борчуна санайды да, халкъыны тил хазнасын ёсдюрюрча алимле хазырлап башлайды. Ол хазырлагъан докторла бла кандидатла къарачай-малкъар тилни илму кюзгюсю болуп, Къабарты-Малкъарны бла Къарачай-Черкессияны бийик билим берген окъуу юйлеринде эм илму-излем институтларында жетишимли урунадыла: Текуланы Мусса, Алийланы Тамара, Эбизеланы Фатимат, Мызыланы Ахмат, Ахматланы Мариям, Аппайланы Фатима, Хачирланы Елена, Созайланы Азамат, Гелястанланы Танзиля, Киштикланы Люба, Трамланы Зухура, Таукенланы Жаннета, Черкесланы Захура, Абайханланы Альфия, Ахматланы Фатима эм б.

Тилни тазалыгъын сакълап, аны тюз жазылыуун толу чертип ангылар ючюн, миллетге тюз жарашдырылгъан сѣзлюкле керек болгъанын ангылап, Гузе улу «Малкъар тилни школ орфография сѣзлюгюн» (1982 ж.), кеси илму редакторлукъ этип, Къабарты-Малкъар гуманитар тинтиулени институтуну къарачай-малкъар тил бѣлюмюню алимлери бла бирге «Къарачай-малкъар тил-

ни ангылатма сёзлюгюню» ючтомлугъун (1996; 2002; 2005 жж.), «Малкъар тилни окъуу орфография сёзлюгю» (Созайланы Борис бла бирге) (1999 ж.), «Малкъар тилни школ ангылатма сёзлюгю» (2000 ж.), «Малкъар-орус школ сёзлюгю» (2003 ж.), «Къарачай-малкъар тилни омонимлерини сёзлюгю» (2013 ж.) эм «Къарачай-малкъар тилни малкъар (Ц/3) диалектини кысха сёзлюгю» (Махийланы Людмила бла) (2015 ж.) жарашдыргъанды. Ала барысы да миллет тилибизни, бай хазнабызны, таркъаймаз байлыгыбызны алтын кюбюрчеги болуп, окъуучуланы, устазланы, жазыучуланы, илму къуллукъчуланы да къууандыргъандыла.

Гузеланы Жамалны 15 монографиясы: «Сопоставительная фонетика русского и карачаево-балкарского языков» (1976 ж.), «Основы карачаево-балкарской орфографии» (1980 ж.), «Проблематика словника толковых словарей тюркских языков» (1984 ж.), «Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков» (1985 ж.), «Бусагъатдагы къарачай-малкъар литература тил. I-чи кесеги» (1998 ж.), «Къарачай-малкъар тилни тинтиуню тарыхы эм проблемалары» (2002 ж.), «Школда малкъар тилни окъутууну проблемалары» (2005 ж.), «Бусагъатдагы къарачай-малкъар литература тил. 2-чи кесеги. Морфемика, морфонология, сёз къурау» (2006 ж.), «Проблемы полисемии и омонимии в карачаево-балкарском языке» (2007 ж.), «Семантический способ словообразования в тюркских языках» (2009 ж.), «Карачаево-балкарская фонетика» (2009 ж.), «Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка» (2010 ж.), «Фразеология свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке» (Мызыланы Ахмат бла) (2013 ж.), «Проблемы внутрислогового словообразования в карачаево-балкарском языке» (Таукенланы Жаннета бла) (2013), «Однокоренные синонимы в карачаево-балкарском языке» (Ахматланы Мариям бла) (2014 ж.) эм 30 жуукъ окъуу-методика бла байламлы иши энчи китапла болуп чыкыгъандыла. Жамалны тёрт жүзден артыкъ илму эм публицистика халда жазылган статьялары эм очеркleri тюрлю-тюрлю журналда эм газетледе басмаланнгандыла.

Белгили алим, биринчи болуп тюркологиягъа «фонология», сёз къураутъа уа «семантика» деген бёлюмлени кийиргенди, орфографиябызны илму мурдорун жарашдыргъанды. Бу белгиленген затланы юсюнден аны энчи монографиялары бардыла.

Жамалны фахмусуну чеги барды деп айтхан кыйынды. Ол къалам сынауну назмулада, сёз ючюн, аны талай назмусу га-

зетледе, журналлада, басмалана тургъандыла, китап болуп да чыкыгъанды «Жууукъларым, тынгылагъыз!» (1993 ж.). Алай ол аланы хар заманда да кеси аты бла угъай, Жеммал-эддин, Мухаммат улу, Къоркъмаз улу эм дагъыда башха жашырын атла бла басмалагъанды.

Жыйырма жылдан аслам заманны Гузе улу Къабарты-Малкъар кырал университетде устаз болуп ишлегенди, профессор атха жетишгенди. Аны студентле, устазла да бирча ариу кёредиле, бюгюн-бюгече да жюрек ыразылыкъларын билдиредиле.

2008 жылдан башлап, бюгюнлюкге дери ол Къабарты-Малкъарны гуманитар тинтиулени бардыргъан институтуну къарачай-малкъар филология бёлюмюне таматалыкъ этеди. Ол бусагъатда да алимлерибизни асламысына илмуну жол чырагъы болгъанлай турады. Ишлеген жеринде аны сыйы, намысы уллуду. Жамал хар этген ишин адамлыкъ ёлчемге сыйындыра жашагъан алимледен бириди. Аны жашау жолу энчи жолду, ол керти фахмуду адамны илму жолуду. Къарачай-малкъар миллетге аллай алимни табийгъат кеси саугъа этип бергеннге ушайды.

Ол къарачай-малкъар халкъны тил байлыгъын озгъан ёмюрню 70-чи жылларындан башлап, къолунда ариу жүрютген, ол байлыкъны кёбейте, уста хайырлана, миллет хазнабызны жүрютюрюк, айнытырыкъ алимлени хазырлай билген, миллетин чексиз сүйген, аны тамбласына къайгъыра, сагъая жашагъан алимди.

Бу кюнледе Гузеланы Жамал 75-жыллыкъ юбилейин белгилейди. Биз аны Къабарты-Малкъар гуманитар тинтиулени бардыргъан институтуну филология бёлюмюню атындан алгышлай, ишингден къууана, жангы жетишимле болдура кёп жылланы жаша, жүрек тынчлыкъ, саулукъ-эсенлик, иш кёллюлюк хар заманда да биргеннге болсунла, узакъ ёмюрлю бол, дейбиз!

**ГОРДОСТЬ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(к 75-летию Гузеева Жамала)**

Статья посвящается юбилею известного российского ученого-тюрколога, языковеда, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки КБР, лауреата Государственной премии КБР, академика Международной тюркской академии, члена Российского комитета тюркологов Жамала Магомедовича Гузеева. Как ведущий языковед, ученый, он внес огромный вклад не только в карачаево-балкарское, но и в общетюркское языкознание.

Ключевые слова: ученый, карачаево-балкарский язык, лексикография, фонетика, фонология, семантика, история языка.

**L.H. MAHIEVA, J.M. LOKJAEVA
THE PRIDE
OF KARACHAY-BALKARIAN LINGUISTICS
(to 75 anniversary of Guzeev Jamal)**

Article is devoted to anniversary of the known Russian scientist-turkologist, linguist, Doctor of Philology, professor, the honored worker of science of KBR, the laureate of State premium of KBR, the academician of the International Turkic academy, a member of the Russian committee of turkologists Jamal Magomedovich Guzeev. As the leader linguist, the scientist, he has brought the huge contribution not only in karachay-balkarian language, but also in common-turkic linguistics.

Keywords: the scientist, karachay-balkarian language, a lexicography, phonetics, phonology, semantics, history of language.

А.К. Аптеев

НОВАТОР ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ (к 75-летию Ж.М. Гузеева)

Данная статья посвящена 75-летию доктора филологических наук, профессора, ведущего карачаево-балкароведа, известного тюрколога, заведующего отделом балкарской филологии Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, академика Международной тюркской академии, заслуженного деятеля науки КБР Жамала Магомедовича Гузеева.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, фонология, лексикология и лексикография, теория орфографии, морфемика и морфонология, словообразование, диалектология, история языка.

Юбиляр родился в 1940 г. в с. Верхняя Жемтала. В 1959 г. закончил интернат при Жемталинской средней школе для детей балкарцев, вернувшихся из ссылки. После окончания школы поступил на отделение русского языка и литературы и балкарского языка и литературы историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета. Успешно окончив его, был направлен в школу родного села, где в 1964–1970 гг. работал завучем и учителем русского языка и литературы.

В 1970 г., успешно сдав вступительные экзамены, Жамал Магомедович поступил в очную аспирантуру Киргизского государственного университета на кафедру русского языка. В 1972 г. досрочно защитил диссертацию по лингвистическим проблемам обучения русскому произношению учащихся балкарцев и карачаевцев и стал первым кандидатом наук среди балкарцев и карачаевцев по специальности «Русский язык». Он устраивается младшим научным сотрудником сектора балкарского языка в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. В то время в институте началась работа по сбору материала для составления

трехтомного толкового словаря карачаево-балкарского языка. Ж.М. Гужев активно включается в эту работу, быстро усваивает теоретические принципы составления толкового словаря.

В 1973 г. он становится старшим научным сотрудником, а через год избирается заведующим сектором. В этой должности ученый проработал около 16 лет. Все это время, составляя словарные статьи, редактируя рукописи томов словаря, руководя работой сектора, Ж.М. Гужев изучал принципы составления толковых словарей славянских, финно-угорских, романо-германских, кавказско-иберийских и других языков с целью разработки теоретических основ толковых словарей тюркских языков. Он опубликовал свыше 20 статей и 2 монографий «Проблематика словника толковых словарей тюркских языков» (1984 г.), «Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков» (1985 г.), которые легли в основу его докторской диссертации «Теоретические основы составления толковых словарей тюркских языков», защита, которой состоялась в 1987 году в Институте языкознания АН СССР. Такие крупные лингвисты, как академик АН СССР Б.А. Серебрянников, члены-корреспонденты АН СССР А.М. Щербаков, К.М. Мусаев, Э.Р. Тенишев, профессора Н.А. Баскаков, З.Г. Ураксин и другие дали высокую оценку исследованию Ж.М. Гужева, посчитав его новым направлением в теории тюркской лексикографии.

Его всегда волновали теоретические проблемы орфографии родного языка. Несмотря на то, что правила орфографии балкарского языка, пересматривались и неоднократно переиздавались (в 1960, 1964, 1970 гг.), многие слова продолжали писаться по-старому, двояко, заимствованные слова и собственные имена не имели четких правил правописания. Это затрудняло преподавание родного языка. Необходимо было не только декларировать то или иное написание слов, но разработать теоретические принципы орфографии. Этим и занимался вплотную Ж.М. Гужев в свободное от плановой работы время. Им опубликован ряд проблемных статей по теории орфографии родного языка в журнале «Советская тюркология», а в 1980 г. – монография «Основы карачаево-балкарской орфографии». На базе этого труда Жамалом Магомедовичем составлены унифицированные правила балкарской орфографии, которые используются с 1991 г. по настоящее время.

В 1989 г. по просьбе руководства Кабардино-Балкарского государственного университета Ж.М. Гужев был переведен в

университет доцентом кафедры балкарского языка и литературы, а через месяц избран ее профессором. Ж.М. Гузеев впервые создал учебник для студентов Кабардино-Балкарского государственного университета «Современный балкарский литературный язык». Часть 1. (1998 г.).

Научные интересы Ж.М. Гузеева связаны с фонетикой, фонологией, лексикологией, теорией орфографии, морфемикой и морфонологией, словообразованием, историей и диалектологией карачаево-балкарского языка, фонологией, лексикографией, словообразованием тюркских языков, сопоставительной фонетикой русского и родного языков, лингвистическими основами обучения русской орфоэпии в карачаево-балкарских школах. По всем этим разделам языкознания им изданы монографии.

Ж.М. Гузеев имеет высокий уровень специальных знаний, создал научную школу, специализирующуюся на комплексном исследовании лексической и словообразовательной семантики тюркских языков. Он автор фундаментальных исследований в тюркологии и сопоставительном языкознании. Только за последние годы он опубликовал ряд научных работ: «Лингвистические основы обучения русской орфоэпии в балкарской школе» (2009), «Карачаево-балкарская фонетика» (2009), «Семантический способ словообразования в тюркских языках» (2009), «Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка» (2010), «Основные факторы и условия, способствующие многозначности слов (на материале карачаево-балкарского языка)», «Зоонимические омонимы в карачаево-балкарском языке» (2011), «Проблемы внутриглагольного словообразования в карачаево-балкарском языке» в соавторстве с Таукеновой Ж.М. (2013), «Фразеологизация свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке» в соавторстве с Мизиевым А.М., «Словарь омонимов карачаево-балкарского языка» (Москва, 2013), «Однокоренные синонимы в карачаево-балкарском языке» в соавторстве с Ахматовой М.А. (2014).

Монографии Гузеева Ж.М. по данным и другим проблемам являются оригинальными в тюркологии. Проекты «Семантический способ словообразования в тюркских языках» (2008) и «Актуальные проблемы карачаево-балкарской фонологии» (2010) поддержаны Российским гуманитарным научным фондом.

Его концепция семантического словообразования признана ведущими тюркологами страны и зарубежья, что обеспечивает

ему высокий уровень цитирования и широкое признание созданной им научной школы.

Он принимает активное участие в работе научных конференций и симпозиумов по проблемам тюркского и сопоставительного языкознания. Ученый часто выступает оппонентом при защите кандидатских и докторских диссертаций по тюркским языкам. Гузеев Ж.М. является главным редактором «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» (1996, 2002, 2005), научным редактором более 20 монографий и научных сборников, членом редколлегии журнала «Вопросы тюркологии», «Вестника Института гуманитарных исследований».

В 2008 г. по просьбе руководства Института гуманитарных исследований Ж.М. Гузеев был переведен в Институт заведующим отделом балкарской филологии, где под его руководством завершено коллективное исследование «Современный карачаево-балкарский язык» в двух частях, «Словарь синонимов карачаево-балкарского языка». Он высококвалифицированный специалист, успешно сочетающий научную и педагогическую деятельность: руководитель и соавтор новых «Концепций преподавания балкарского языка в средней школе» (2008), «Государственного образовательного стандарта по балкарскому языку» (2008).

Говоря о разносторонней и многоаспектной деятельности Жамала Магомедовича, следует отметить одну её важную составляющую: он подготовил 12 кандидатов и четырех докторов наук по современному русскому языку, тюркской семантологии, лексикологии и тюркско-русскому, тюркско-английскому сопоставительному языкознанию. В настоящее время руководит аспирантами и докторантами. С 1984 по 2007 гг. руководил Учебно-методическим советом по карачаево-балкарской филологии при Министерстве образования и науки КБР. Он является членом диссертационного совета Кабардино-Балкарского государственного университета по защите докторских диссертаций. Опубликовал 3 вузовских и 3 школьных учебника, 22 учебных пособия для вузов и школ КБР и КЧР, 3 школьных словаря.

Ж.М. Гузеев – автор более 250 научных трудов, в том числе 16 монографий. Около трети этих трудов опубликовано в центральных изданиях и посвящено общетюркологическим проблемам. Он входит в состав 250 ведущих тюркологов и монголоведов мира, известен среди отечественных и зарубежных линг-

вистов исследованиями по актуальным проблемам карачаево-балкарского, общетюркского и сопоставительного языкознания.

Его отличают требовательность и принципиальность, в то же время он очень прост и доброжелателен, всегда готов помочь студенту, аспиранту, молодому ученому – каждому интересующемуся вопросами карачаево-балкарской лингвистики. С ним легко и интересно работать, он открыт и демократичен, толерантен. Это привлекает к нему самых разных по своему социальному статусу и мировосприятию людей, притягивает аспирантов, соискателей, докторантов.

Его невозможно представить вне его работы, которая является основным компонентом его жизни. Друзья, коллеги и ученики Жамала Магомедовича поздравляют его с 75-летним юбилеем и желают ему, ведущему карачаево-балкароведу, новатору тюркского языкознания, доброго здоровья, долгих лет жизни и дальнейшей успешной работы.

А.К. АРПОВ

THE INNOVATOR
OF TURKIC LINGUISTICS
(to 75 anniversary of J.M. Guzev)

Given article is devoted to the 75 anniversary of Doctor of Philology, the professor, leading karachay-balkarian linguist, known turkologist, the head of department of balkarian philology of the Kabardino-Balkarian institute of humanitarian researches, the academician of the International Turkic academy, the honored worker of science of KBR Jamal Magomedovich Guzev.

Keywords: karachay-balkarian language, phonology, lexicology and lexicography, the theory of spelling, morphemics and morphonology, word-formation, dialectology, history of language.

**ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.
ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ
ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ**

УДК – 811.512.142

М.М. Текуев, Г.Ж. Газаева

**ВРЕМЕННАЯ СЕМАНТИКА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
КЪАГЪАНАКЪ «МЛАДЕНЕЦ», САБИЙ «РЕБЕНОК»
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматривается возрастная характеристика двух самых наименьших разрядов людей – къагъанакъ «младенец» и сабий «ребенок». Определяются их словообразовательные возможности в карачаево-балкарском языке.

Ключевые слова: концепт, картина мира, время, темпоральность, модель, функция.

Картина мира представляет собой конгломерат различных явлений, в том числе и темпоральных – со своими составляющими, свойствами, единицами измерения (в зависимости от того, где данная модель используется) [5, с. 69]. Существуют две модели времени: циклическое и линейное. Циклическое время универсально, потому что имеет внеязыковые, внепсихологические, внечеловеческие основания – оно связано с природой, с деятельностью солнца и ее отражением на земле [4, с. 17]. Но первобытный человек различал прошлое, настоящее и будущее, оперировал им в своей практической деятельности, что было связано с историей [1, с. 51]. В карачаево-балкарском языке, как и во всех языках, возрастные особенности людей, животных и растений отмечаются определенными номинативными единицами. Например, возьмем для иллюстрации этого положения два возрастных названия людей (самые наименьшие): *къагъанакъ* «грудной ребенок» и *сабий* «ребенок вообще». Только что родившегося ребенка в карачаево-балкарском языке называют *къагъанакъ* [3, с. 458]: «младенец (только что родившийся ребенок)». Но

в некоторых лексикографических источниках *кѳагѳанакъ* дается, как слизь (на теле новорожденного теленка, ягненка) [2, с. 372], т.е. здесь обозначается время, когда у ребенка, или теленка, или ягненка спадает слизь. Если логически рассуждать, второе название – совпадение слизи было первоначальным, а потом метафорически это перенесли на название ребенка. В фольклоре карачаево-балкарского языка и в языке вообще возраст *кѳагѳанакъ* занимает от рождения до тех пор, пока не слезет с люльки (это от рождения до 2-лет). Примеры: *Тилегин этип, кѳагѳанакъны буз тешике салып, Алауган юйюне кѳайтды* («Нартла») – «Алауган, выполнив просьбу, положив младенца в расщелину льда, возвратился домой». Иногда это название может употребляться в переносном, уничижительном смысле: *Ашыкъма, жашчыкъ. Сен алыкѳа кѳагѳанакъса мени кѳатымда* (Ж. Залиханов). «Подожди, мальчик: ты еще младенец около меня», может употребляться в сравнительных оборотах: *Кѳѳюрегине кѳысып тургѳанлай, жангы туугѳан кѳагѳанакъ, эмчек излеп, анасын тюртгенча, Байдыматны юреге уруп*: – *Бу багѳалы адамгѳа бир хыянат жетмеге эди, – деген кѳоркъууда, бурулуп, эл таба кѳарап, жюгюн кѳтюргенлей, мукъут болуп чегетге айланды* (Х. Аппаев). «У Байдымат сердце ёкнуло, как будто младенец, ища грудь, толкнул ее и, решив, как бы этому доброму человеку не наделали глупостей, оглянувшись кругом, устремилась в сторону села».

Слово «*кѳагѳанакъ*» может употребляться в позиции определения: «младенческий»: а) связанный с периодом младенчества / *кѳагѳанакъ заман бла байламлы: Бешике бѳленип тургѳанлай, Сен кѳѳрюрге дуня жарыгѳын, кечеле шошлугъу тумалай, озарла кѳагѳанакъ жылларын* (И. Бабаев). «Запеленатый в люльку, ты, стремясь увидеть свет, а ночью, окружив тебя тишиной, пролетят младенческие годы»; б) переносно может употребляться в значении «зачаточный, незрелый»: *жангы кѳурала баишланган, кѳарыусуз: Малкъар литература критикагѳа отуз жылдан кѳѳ бола эсе да, алыкѳа, жарсыугѳа, кѳагѳанакъ кезиунден терен айнымагѳанды* «Балкарская литературная критика, несмотря на то, что прошло более тридцати лет, к сожалению, не преодолела младенческий возраст».

Значение «детёныш» распространялось, видимо, сначала на плод животных. В [3, с. 459] дается такое пояснение: *кѳагѳанакъ* «детёныш» животных, еще сосущих мать, новопоявившийся на свет теленок или ягненок: *Бу таулула жыйгѳандыла малларын, Кѳыш айны аллы бла баулагѳа, хорлай келедиле алдырмай кѳагѳа-*

накъ Уручугъа, ач бёрюге, жаулагъа (С. Шахмурзаев). «Эти горцы собирали свой скот в базы перед зимой и не дают воровать молодняк ни вора, ни голодным волкам, ни врагам».

Слово «къагъанакъ» участвует в словопроизводстве карачаево-балкарского языка: къагъанакъ + лыкъ = младенчество / Къагъанакъ заман: Къагъанакълыкъны ким эсинде тутады, Аны заман, жашау унутдурады (Фольк). Кто помнит младенчество, оно забывается со временем». Таулу интеллигент Назир деген жаш къагъанакълыкъдан окъуна бир къыйынлыкъ сынамагъанды (газ. «Коммунизмге жол»). «Горский интеллигентный парень Назир с самого рождения не встречал трудностей».

Во всех приведенных примерах существительного это или прилагательное, в прямом значении употребляется или в переносном – всегда присутствует темпоральное значение. Слово *сабий* «ребенок» в языковой картине мира выполняет разнообразные функции. В прямой номинации обозначает «ребенок, дитя, малыш [3, с. 13]. Слово это заимствовано из арабского языка *sabi* «дитя, ребенок, мальчик» [6, с. 509].

«Система ценностных установок задается потребностями познающего субъекта» [7, с. 141]. Поэтому в картине мира слово это выполняет различные функции, начиная с номинативного, кончая словообразовательными. При этом темпоральное значение сохраняется во всех словоупотреблениях. Слово это в возрастной иерархии идет за словом *къагъанакъ*. Обычно карачаевцы и балкарцы употребляют слово *сабий*, когда ребенок начинает ходить, говорить, примерно от 2 до 10–12 лет. Приведем примеры употребления слова *сабий* в прямом значении: *Сабийи болмагъан бир къыйынлыкъ, ёксюз къалгъан эки къыйынлыкъ* (посл.) «Не иметь ребенка – одна беда, оставить сиротой – две беды»; («Жулдузхан а») *Кюндюз, ишден, арып келип, Кече жюн тарай эди, Къарыусуз сабийлерине, ышанмай къарай эди* (Б. Гуртуев). «А Жулдузхан днем, устав от работы, ночью пряла пряжу и смотрела за слабыми детьми». Слово «*сабий*» может сочетаться с *къагъанакъ* – *къагъанакъ сабий* «маленькое дитя», а обратное сочетание невозможно.

Слово «*сабий*» может употребляться в функции определения: детский: а) предназначенный для детей: *сабий кийим* «детская одежда»; *сабий литература* «детская литература»; *сабий ундурукъ* «детская кровать»; б) свойственный ребенку, такой как у ребенка: *сабий къол хат* «детский почерк», *сабий жаш* «подросток 12–16 лет»: *Къасай, ары жанындагъы ташха айланyp къарады да,*

сабий жаш этгенлей, чартлап, эшикге чыкьды, мычымай, ташны айланнганы да тохтады (Ж. Залиханов). «Касай, повернувшись, посмотрел на камень, как мальчик выскочил наружу и верчение камня тоже прекратилось». **Сабий жаш**, терк ёюн, жашауну кёп затларын ангылап башлайды («Шуёхлукъ») «Ребенок быстро рос и хорошо стал понимать многое в жизни». **Сабий къыз** тоже представляет собой обозначение девочки 12–16 лет: **Сабий къыз**, ана кёкюрегине къапланып, болгъан ишни бек ачыкь ангыланьырча айтды (А. Теппеев) «Девочка, прильнув к груди матери, ясно и понятно рассказала все. **Сабий къылыкъ** «несвойственное взрослому, ребяческий, детский поступок; **сабий сезим** «детское понятие». **Сабий-балий** обозначает совокупность детей (детвора): **Къатынла бла бирге сабий-балий да кёрюнеди** (Б. Гуртуев) «Вместе с женщинами видны и дети»; (Ахмат Саниятха): **Къалай турасыз, сабий-балий да саумудула?** (Ёзденев А.) «Как живете, у детворы все хорошо?».

Слово «**сабий**» участвует в словообразовании разных частей речи: **сабий+лик=сабийлик** «детство»: **Сабийликде юйренмесенг, улуу болсанг, тюзелмезсе** (посл.). «Если в детстве не научишься, то повзрослев, не получится»; **Къыш къар бла жууду тенгим бетими, сабийлигимдеча тёздюм оюннга, къагъып, тереннге кийдим бёркюмю. Бетими къар ийис этгенин сездим** (М. Мокаев) «Зимой снегом намылил мой друг меня, как в детстве я вытерпел шутку, стряхнув, глубоко одел шапку на голову и почувствовал запах снега на лице».

От слова «**сабий**» также образуются глаголы: **сабийлен** «притвориться маленьким, прикидываться ребенком»: **Сабийленме, тап тут кесинги** «Не притворяйся ребенком, води себя хорошо». **Сабийлик эт** «проявить ребячество, вести себя, как ребенок»: **Кертиси да, ёксюзлюгюн билипми, огъесе, киши жеринде сабийлик этерге** заман болмагъанданмы, **Баблина хар жумушну да тири эте эди** (А. Теппеев) «Баблина или из-за того, что ребячествовать не было времени, или из-за того, что она знала свое сиротство, всякое дело делала быстро». **Сабийсиз** – прилагательное «бездетный»: **Сабийсиз тиширыу – кёгетсиз терек** (посл.) «Бездетная женщина – дерево без плодов». **Мени шуёхум бла аны къатыны сабийсиз эдиле, шахарны къыйрында кеси юйчуклеринде жашай эдиле** («Шуёхлукъ») «Мой друг и его жена были бездетными, и жили они на краю города в своем домике».

Сабийсизлик «бездетность»: **Сабийсизлик Темботну жүрегии къыйнайды, кёзюн жъарытмайды** (Ж. Текуев) «Бездетность огорчает Тембота, не радует его». **Сабийсин** «считать кого ребенком»:

Аны, *сабийсинит*, жашла кеслерине кьошмадыла (Ж. Текуев) «Они, посчитав его за ребенка, не взяли его с собой». *Сабий-субюй* – обозначает совокупность детей, группу детей: Элни *сабий-субюйю*, адетдеча, жолоучулань тегерегине жыйылдыла (Э. Гуртуев) «Как и положено, сельская детвора собирались около туристов»; Уучула, малчыла эм башха *сабий-субюйле* былайгъа къалияр къазаргъа келиучюдюле (З. Зокаев) «Сюда приходят охотники, пастухи и всякая детвора копать черемшу».

Таким образом, во всех вышеприведенных примерах, будь то существительное или глагол, или прилагательное, образованное от слова «сабий» в своей семантике содержит темпоральное значение.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка. М.: Индрик, 2003. С. 3–10.
2. Къарачай-малкъар-орус сёзлюк (Карачаево-балкарско-русский словарь) М.: Рус. яз., 1989. 832 с. (КБРС).
3. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюкю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х тт. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. II. 1172 с. (ТСКБЯ).
4. Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. 352 с. (ЛАЯ).
5. Михеева Л.Н. Измерение времени в русском языке: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. 2004. № 2. С. 69–78.
6. Турецко-русский словарь / сост. Д.А. Мазаник; под ред. В.А. Гордлевского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац-ных словарей, 1945. 705 с. (ТПС)
7. Жекеева Е.З. Габуния З.М., Улаков М.З. К проблеме оценочного характера пословичной картины мира // Известия КБНЦ РАН. 2011, № 2 (40). С. 140–147.

М.М. TEKUEV, G.ZH. GAZAEVA

TEMPORARY SEMANTICS OF NOUNS KAGANAK «BABY» AND SABIY «CHILD» IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

The article deals with age characteristic of two the least categories of people – kaganak «baby» and sabiy «child». Their word-formation opportunities in karachay-balkarian language are determined.

Key words: concept, worldview, time, temporality, model, function.

М.З. Улаков, Ж.М. Локьяева

ГЕНЕТИЧЕСКИ РОДСТВЕННЫЕ ОМОНИМЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАСПАДА ПОЛИСЕМИИ

Статья посвящена исследованию отдельных аспектов способа расщепления значений слова, промежуточных явлений между многозначностью и омонимией, критериев разграничения этих явлений, «разрыва семантических связей».

Ключевые слова: полисемия, омонимы, лексические единицы, карачаево-балкарский язык.

В 60-е годы XX в. большинство лингвистов считало, что омонимами являются только самостоятельные слова в пределах различных частей речи. В настоящее время никто не сомневается в наличии в любом языке и других омонимов, образованных от разных значений слов, т.е. генетически родственных лексических омонимов. В толковых словарях карачаево-балкарского языка нередко наблюдается путаница в разграничении полисемии и омонимии. К примеру, в КБРС [2] и ТСКБЯ I [3] лексемы **апчы** – *‘теряться, приходить в замешательство, оторопеть’* и **апчы** – *‘понести урон; разориться’* квалифицированы как значения одного и того же слова. В ТСКБЯ I [3] значения слов **бич** – *‘кроить и ‘кастрировать’*, **атыл** – *‘лопаться, разрываться’* и *‘взрываться’* – как омонимы. Подобных отклонений и в словарях других тюркских языков довольно много. Объясняется это тем, что теоретические основы выделения генетически родственных лексических омонимов пока что не разработаны.

А.А. Юлдашев отмечает, что «проблема непосредственно связана с определением семасиологических границ слова, что, несмотря на многочисленные попытки ее теоретического

осмысления на материале самых различных языков, продолжает оставаться во многом неясным и спорным» [9, с. 283].

Как аргументированно считает М.З. Улаков, в карачаево-балкарском языке «разработаны проблемы разграничения полисемии и омонимии ФЕ, а также синонимии и вариантности ФЕ. Однако семантические отношения в системе ФЕ не ограничиваются указанными явлениями (синонимия и вариантность, полисемия и омонимия)» [6, с. 174].

Наряду с активностью и продуктивностью способа расщепления значений слова специалисты указывают в то же время и на большие трудности определения завершенности и незавершенности этого процесса. Основная сложность, по их мнению, заключается в том, что расхождение значений, т.е. утрата ими общих семантических элементов, обычно осуществляется постепенно. А это предполагает, как они считают, «...промежуточные явления между многозначностью и омонимией ..., во многих случаях можно говорить о процессе омонимизации значений слова, когда они уже не обнаруживают прочной, регулярной связи, но еще не стали настоящими омонимами» [5, с. 53]. Такие явления могут быть «...в языке в каждый период его существования...» [8, с. 87].

Например, глаголы карачаево-балкарского языка **ая** – ‘жалеть, щадить кого-что’ и ‘экономить, расходовать экономно’, **аяз** – ‘проясняться (о погоде)’ и ‘трезветь’, **бадыра** – ‘наливаться (о вымени коровы перед отелом)’ и карач. ‘распускаться, раскрываться (о растениях)’, **гыллыуда** – ‘качаться, шататься, колебаться’ и ‘бежать трусцой’, **жар** – ‘колоть, раскалывать что’ и ‘оперировать (больного)’, **къатыши** – ‘смешиваться, перемешиваться’ и ‘участвовать в чем» [3; 4] по смысловому соотношению своих значений стоят как бы на грани распада на омонимы. Однако большинством носителей языка значения этих слов не поддаются однозначной квалификации, поэтому отнесение их к числу собственных омонимов, с нашей точки зрения, нецелесообразно. Поиски объективных критериев оценки завершения процесса омонимизации связаны с указанными трудностями.

Почти по всем тюркским языкам, включая и карачаево-балкарский, имеются исследования, посвященные образованию омонимов. Однако в них генетически родственные лексические омонимы-глаголы, как правило, не рассматриваются. В лучшем случае их авторы приводят примеры лишь на имена существи-

тельные. При этом критерии разграничения полисемии и омонимии, выдвигаемые лексикологами, касаются лишь отдельных аспектов этой проблемы или являются общими. В большинстве случаев в этих исследованиях не учитывается семантическая структура конкретных языков. Так, О.С. Ахманова предлагает следующий критерий разграничения указанных явлений: наличие связи между значениями – полисемия, отсутствие ее – омонимия [1, с. 113]. Однако когда дело доходит до определения конкретных случаев разрыва, лексикографы испытывают значительные затруднения, потому что эти случаи не определены. Понятие «разрыв семантических связей» истолковывается по-разному. Это приводит к тому, что в разных словарях, как уже указывалось, настоящие семантические омонимы оцениваются как значения одного слова, а в других – наоборот. Во избежание этого, надо помнить, что «факт разрыва семантических связей слов – явление индивидуальное, требующее в каждом конкретном случае строгого подхода и решения», следовательно, вопрос о том, могут или не могут быть соединены данные семантические различия в одном слове, возможно решить «только исходя из особенностей семантической структуры именно данного языка» [7, с. 51].

Большинство исследователей данной проблемы единодушны в том, что при выделении семантических омонимов важен учет не только разрыва смысловой связи между значениями слова и их сочетаемостных различий, но и соотношения слова в своем производном значении с другими словами. «Неумение выявлять компонентный состав фразеологических единиц приводит к ошибочному признанию одной из них за две и более самостоятельные единицы» [10, с. 186]. Такие случаи наблюдаются почти во всех словарях тюркских языков.

Материал карачаево-балкарского языка показывает, что ненормативность слова в его производном значении не служит препятствием для его квалификации как омонима по отношению к исходному значению, если это значение (производное) в других отношениях удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нему как омониму.

Лексические единицы карачаево-балкарского языка свидетельствуют о том, что основными критериями разграничения полисемии и омонимии, в т.ч. в глаголах, являются следующие: 1) обособленность производного значения слова от всех других его значений, 2) способность его употребляться как самостоя-

тельная лексема, 3) осмысленность этих двух фактов большинством носителей языка.

Литература

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957. 352 с.
2. Къарачай-малкъар-орус сёзлюк (Карачаево-балкарско-русский словарь). М.: Русский язык. 1989. 832 с. (КБРС).
3. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. 3-томлукъ. I-чи тому (Толковый словарь карачаево-балкарского языка в трех томах. I том). Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1016 с. (ТСКБЯ I).
4. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. 3-томлукъ. II-чи тому (Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В трех томах. II том). Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1168 с. (ТСКБЯ II).
5. Новиков Л.А. и др. Современный русский язык. Теоретический курс: Лексикология. Москва: Рус. яз., 1987. 160 с.
6. Улаков М.З. К вопросу о фразеологической антонимии в карачаево-балкарском языке // Улаков М.З. Избранные труды. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2010. С. 174–178.
7. Шарафутдинова К.А. Раскрытие значений слова в двуязычном словаре. Ташкент: Фан, 1968. 84 с.
8. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука. 1973. 280 с.
9. Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.
10. Гужев Ж.М., Улаков М.З. Фразеология современных тюркских языков и проблемы ее словарной разработки // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: Сб. ст. в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур. 2010. С. 177–186.

M.Z. ULAKOV, J.M. LOKYAEVA
GENETICALLY RELATED HOMONYMS
IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE AS A RESULT
OF THE COLLAPSE OF POLYSEMY

The article is devoted to research of separate aspects of a way of splitting of word meanings, the intermediate phenomena between a polysemy and a homonymy, criteria of distinction of these phenomena, «break of semantic links».

Keywords: polysemy, homonyms, lexical units, karachay-balkarian language.

Гутов А.М.

РОДНОЙ ЯЗЫК И ГОСУДАРСТВО

Статья посвящена проблеме сохранения и функционирования языков народов Кавказа. В условиях современной интеграции культур это особенно актуально, поскольку языки, на которых говорят всего несколько сотен или даже десятков тысяч человек, оказываются под угрозой исчезновения. На данный процесс может оказать решающее влияние государственная система образования. Утверждается, что забота о сохранении языков народов региона не только конституционная обязанность государства, а еще и один из факторов его укрепления и благополучия.

Ключевые слова: интеграция, глобализация, государственная политика в области языка, образовательная система.

Учитывая причину подготовки настоящего сборника, грех было бы не затронуть вопрос о судьбе родного языка, то есть того предмета, который является объектом научных изысканий уважаемого юбиляра. Как известно, языки многих народов Кавказа в настоящее время оказались в положении легендарной шагреновой кожи: сфера их функционирования искусственно сужается, а образовательная система, ныне внедряемая в стране, только способствует ускорению этого процесса. Понятно, что в числе тех языков, полнокровное функционирование которых подвергается угрозе, находится и тот, изучению и преподаванию которого посвятил свою жизнь Ж.М. Гузеев. Не хочется даже в мыслях допускать, что его самоотверженный огромный труд, как и труд многих таких, как он, окажется бесполезным, и балкарский язык, а с ним кабардинский, осетинский, аварский и многие другие, просто так выйдет из обихода. В будущем не только не появятся новые кайсыны кулиевы и алимы кешоковы, но даже прежних кулиевых, кешоковых, гамзатовых читать будет уже

некому. И это, без сомнения, проблема не только профессора, занимающегося языками немногочисленных народов большой страны, не только писателей, которые создают свои произведения на языках, которые «дальше Прохладного не доведут».

Мы являемся очевидцами происходящей информационной революции, вследствие которой иногда ученик так называемой общеобразовательной школы может по некоторым вопросам превосходить не только своего учителя, но иногда и самого автора учебника, по которому он призван постигать знания. С другой стороны, все-таки более часты случаи, когда выпускники средней школы не знают многих элементарных вещей, и это бывает не смешно, а довольно драматично. Мы не без основания говорим о многократно возросших требованиях к школе в целом, к учителям, родителям и самим учащимся, пресса муссирует тему все возрастающих непосильных для детского сознания интеллектуальных нагрузок. В свете сказанного под угрозой не в первый раз оказывается предмет нашего внимания, родной нерусский язык в образовательной системе. Говоря откровенно, когда очередная команда реформаторов ищет, за счет какой из дисциплин разгрузить школьника, находится, кому защитить другие гуманитарные дисциплины, а голос защитников родной словесности очень часто оказывается настолько слабым, что его можно не принимать в расчет. Как это обернется в действительности, зависит от многих причин. Но прежде чем в них разбираться, считаю важным определиться относительно коренного вопроса: надо ли вообще ломать копыя ради сохранения этнического и языкового многообразия или же следует идти по пути поступательной унитаризации общества, что предлагают и фактически реализуют в своей практике некоторые весьма влиятельные государственные деятели? Вопрос не риторический и ответ на него дать не так легко, как может показаться. Неслучайно в свое время в среде кабардинцев родилось это ироническое выражение: «*Кабардинский язык дальше Прохладного не увезет*». Если отставить эмоции, это – повод призадуматься над тем, каковы в реальной жизни функции таких языков. С трибун Организации Объединенных наций эти языки не звучат, для исследований в области квантовой механики они не годятся, в интернет-пространстве активно не используются, даже для общения на улицах города с полиэтническим населением они чаще всего непригодны. Иногда даже с соседом по лестничной площадке на этих языках не объяснишься. Еще важнее

тот всеохватный процесс в современном мире, который пришел вместе со словом *глобализация*. В нем не находится должного места не только языкам народов малочисленных, но в перспективе и таким, на которых в настоящее время говорят десятки миллионов человек. Так стоит ли искусственно поддерживать языки, которые представляются все равно обреченными? Вопрос не праздный.

Видимо, в поисках путей облегчения нагрузок на учащихся высокими лицами, которым вверено регулировать сферу науки и образования, предлагались разные способы – вплоть до сокращения количества часов по определенным школьным дисциплинам. Но при этом естественные и точные науки трогать не стали, а из гуманитарных например, историки и словесники-русисты хоть и вынуждены были чем-то поступиться, все же основные позиции сумели отстоять. Остается так называемый национально-региональный компонент.

Одно из непреложных условий успешного функционирования любого государства заключается в его устойчивости. Она же достигается, прежде всего, не суровостью законов, не многочисленностью и профессионализмом силовых структур всех видов, не успехами в войнах или экономике и даже не высоким уровнем культуры и образования. Все это, конечно, важно, но оно не исключает ощущения отчужденности в сознании рядового гражданина перед лицом государства со всей его сложной и далеко не всегда родной для человека структурой. Требуется, чтобы каждый гражданин осознавал государство как свое и ощущал бы себя полностью равноправным со всеми своими согражданами, а значит – равным образом ответственным за его благополучие. Но каким образом можно это обеспечить, особенно если население страны многоязычно, поликонфессионально и далеко неоднородно по антропологическим параметрам? Самый заманчивый вариант – искусственно сформировать моноэтническое общество, то есть избрать вектором своего движения девиз *«Один царь, одна вера, одно государство»*, который был популярен в среде убежденных монархистов времен самодержавия. Однако возврат к тем временам ни для одного государства просто немыслим. В эпоху принципов толерантности и гуманизма, с которыми приходится считаться даже самым тоталитарным режимам, не найти даже в ряду стран, унитарных по своему устройству. По этой причине для достижения полного взаимопонимания между гражданами и государством, а также между согражданами одного государства

четырёх арифметических действий, мягко говоря, недостаточно. Хотя, надо признать, для последовательного соблюдения принципов подлинного федерализма отнюдь не требуется сложных разысканий в области высшей математики; для этого достаточно здравого смысла и объективности. Иное дело – насколько наши федеральные и региональные властные структуры понимают это и прислушиваются к голосу здравого смысла.

На эмоциональном уровне мы, разумеется, готовы со всей возможной энергией отстаивать необходимость сохранения наших родных языков. Но что мы можем противопоставить неумолимой логике очевидных фактов, если у сторонников тихо идущей языковой «глобализации», кажется, просто убийственные аргументы. В конце концов, и языки, и сами их носители функционируют по законам живого организма, а в нем естественны перманентные процессы: что-то новое рождается, что-то набирает силу и влияние, а что-то неизбежно отмирает. Конечно же, в истории известно немало случаев того, как с этнополитической карты планеты исчезали целые народы и как языки, на которых они говорили, из разряда живых переходили в мертвые. Но от этого со всем человечеством вроде бы ничего ужасного не происходило – оно продолжало существовать. Вероятнее всего, что при этом людская масса никуда не денется, если, разумеется, ее намеренно или же ненароком не уничтожить, как в свое время цивилизованными колонизаторами уничтожались туземные племена. Люди останутся как будто те же, но вполне вероятно их перерождение, потому что поменяется язык, вместе с ним трансформируется вся система обозначений, возникнет новый ракурс мировосприятия, следом неузнаваемо изменятся или совсем исчезнут многие этнические культуры с их многообразными атрибутами уникальных духовных и материальных ценностей. Нет никакой надежды, что на месте утраченного непременно возникнет нечто более репрезентативное и в формационном плане более продвинутое. Как правило, на месте утраченного, которое нарабатывалось веками, а то и тысячелетиями, более вероятен не очередной цивилизационный скачок всего общества, а откат, регресс, то есть актуализация какой-либо бесцветной и бесформенной массы, не имеющей особой ценности.

Полагаясь на то, что нет надобности убеждать читателя в необходимости обучения детей родной словесности, считаем необходимым привести ряд самых простых контраргументов.

Во первых, глобальные процессы наподобие изменений в области духовной культуры и языка происходят отнюдь не одновременно, как это представляется при поверхностном ознакомлении. Они требуют не просто смены некоторых признаков, лежащих на поверхности. Можно сравнить это с процессом выплавки стали, где непременно требуется соблюдение всех обязательных процедур, протекающих во времени и в строго определенной последовательности. Ускорить его невозможно, ибо форсирование хотя бы одной операции неизбежно приведет к браку конечного продукта и выходу из строя самого плавильного агрегата. Следовательно, во избежание новых катаклизмов не следует искусственно ускорять этноязыковые процессы. *Во вторых*, национальная идентичность – явление настолько консервативное, что и при весьма жестко регулируемой советской тоталитарной системе, когда многие вопросы было реально возможно решать волевым распоряжением сверху, руководители государства не решались пойти далее апелляции к сознанию граждан страны: дескать, чем скорее мы все сольемся в единое языковое сообщество, тем скорее придем к коммунизму. Народы, казалось бы, объединенные общей благородной идеей, не захотели, однако, сливаться в безликую массу. Видимо, здесь косвенно действует общий закон природы, предполагающий гармонию вместо глобальной унификации: для существования жизни на земле нужны и горы, и равнины, и леса, и пустыни, и самые разнообразные их обитатели, и произрастающая в разных местностях многообразная флора. Точно так и в человеческом сообществе необходимо разнообразие языков, культур, антропологических типов, родов занятий. В этом свете стремление к любого рода унификации не вписывается в общие законы эволюции. *В третьих*, конституционное устройство нашего государства предполагает федеративное объединение не только территорий, но и их разнородного населения. Соблюдение прав и свобод этого населения, этнической, языковой, конфессиональной идентичности каждой из его больших и малочисленных групп – не только конституционно закрепленная обязанность самого государства, но и неперемнное условие подлинного единства государства-нации как феномена.

Поэтому представляется особенно важным сейчас определить то самое главное, за которое можно было бы крепко ухватиться, чтобы можно было впоследствии оттащить страну от

пропасти, причем от пропасти в области не только экономической, но, что гораздо важнее, – нравственной, политической, идеологической, культурной. Мы не берем на себя смелости претендовать на обладание истиной. Однако считаем, что здесь будет уместно вспомнить вопрос, которым мучился герой романа Василия Гроссмана с символичной фамилией Иконников: «Есть ли добро общее, применимое ко всем людям, ко всем племенам, ко всем положениям жизни? Или мое добро в зле для тебя, добро моего народа в зле для твоего народа?». Много десятилетий назад писатель, ассоциируя себя со своим персонажем, мучился этим вопросом. А в наше время это оказалось, как мне представляется, даже актуальнее, чем в те времена, когда создавался роман. Нам, современному российскому обществу, предстоит незамедлительно решить одну дилемму: или мы найдем формулу «добра общего, применительно ко всем людям», или же откажемся к принципам жизни первобытного стада, в котором, как писал более сотни лет назад английский антрополог и этнограф Эдуард Тэйлор, «человек знал долг относительно своего соседа, но не все люди были его соседями». Говоря иначе, первобытный человек не имел моральных обязательств перед людьми иного круга, и относительно чужого все было дозволено. Нам же для благополучия родного государства, именуемого Российской Федерацией, необходимо выработать ясные и обязательные для всех к соблюдению принципы признания за каждым из сограждан статуса *соседа*, то есть *человека, равного с вами во всех отношениях*. И это нужно сделать относительно всякого, даже не согражданина, а вообще жителя планеты, независимо от рода занятий, вероисповедания, этноязыковой и всякой прочей принадлежности. Ныне действующая Конституция РФ, будто бы, гарантирует такой статус. Но дело в том, что ее соблюдение, толкование ее уложений, а более всего практика ее применения настолько отошли от ее же духа и буквы, что именно сейчас настало время вспомнить и о них, и о международных правовых документах, и просто об элементарном здравом смысле относительно национально-государственного устроения.

И вот здесь требуется обратить внимание на принцип проведения государством национальной политики. Почему предлагается апеллировать к государству – вопрос не праздный. Прежде всего, так издавна повелось, что в нашей стране всякое ответственное решение завязано на Центре, как бы он ни назывался.

Кроме того, от правильного решения этого вопроса во многом зависит подлинная прочность государства.

Можно понять, каковы могут быть мотивы, движущие некоторыми деятелями государственного масштаба, призывающими расчертить страну на регионы без учета этноязыковых факторов. При достаточном напряжении ума можно понять и многих родителей, которые всячески стремятся избавить своих детей от совершенно излишней, как им представляется, нагрузки в виде изучения родной словесности. Первым мнится, будто вытасченный из нафталина девиз «*Один царь, один язык, одна вера*» способен спасти Россию от всех навалившихся на нее напастей. Вторые уверены, что их чадам путь к вершинам знаний заслоняют уроки родного языка. По сути, и то, и другое – не что иное, как проявления недалёковидного, негосударственного мышления. Огромные массы людей, отчуждаемых таким образом от родных корней, не могут в одночасье органически перестроить свое сознание и превратиться в людей другого языка, другой культуры, другой ментальности. Не говоря уже о гуманистических и общекультурных аспектах проблемы, порочная языковая политика грозит духовным отчуждением миллионов граждан страны от своего государства, и это может стать трагедией для всей Российской Федерации. Поэтому настоятельно требуется разработать программу или несколько программ сохранения и полноценного функционирования языков всех коренных народов страны.

A.M. GUTOV

MOTHER TONGUE AND THE STATE

Article is devoted to a problem of conservation and functioning of languages of people of Caucasus. In conditions of modern integration of cultures it is especially actual, as languages on which speak all some hundreds or even tens thousand person, appear under threat of disappearance. On the given process can render decisive influence the state education system. Affirms, that care of conservation of languages of people of region not only the constitutional duty of the state, but also one of factors of its strengthening and well-being.

Keywords: integration, globalization, a state politics in the field of language, educational system.

Д.М. Кумыкова

СУБСТАНТИВАЦИЯ: КОНВЕРСИЯ ИЛИ ТРАНСПОЗИЦИЯ?

Статья посвящена исследованию соотношения конверсии и транспозиции на примере субстантивации в кабардино-черкесском языке. Анализируется понимание данных терминов в специальной литературе. Отстаивается позиция, согласно которой конверсия – это частное проявление транспозиции.

Ключевые слова: части речи, субстантивация, конверсия, транспозиция, дефиниция

Одной из проблем современного языкознания, занимающей центральное место в сфере научных интересов профессора Ж.М. Гузеева, является словообразование в тюркских языках. Анализируя частные вопросы словообразования карачаево-балкарского языка, Ж.М. Гузеев проводит параллели с фактами других языков и приходит к важным выводам относительно теоретических проблем конверсии [4].

Настоящая статья посвящена исследованию соотношения понятий конверсии и транспозиции на примере субстантивации в кабардино-черкесском языке. В силу того, что данные понятия в специальной литературе имеют самые разнообразные дефиниции, проблема их соотношения остается все еще нерешенной и привлекательной для исследователей.

Все многообразие существующих точек зрения по данному вопросу можно условно разделить на три: конверсия признается как разновидность транспозиции [7], [8], [12]; конверсия противопоставляется транспозиции [11]; термины «конверсия» и «транспозиция» взаимозаменяемые [3].

Кратко рассмотрим проблему дефиниции этих понятий и попытаемся, обосновав собственную позицию, определить их роль в процессе субстантивации в кабардино-черкесском языке.

Оба термина имеют широкую и узкую трактовку. Так, в широком смысле транспозиция понимается как перенос любой языковой формы (например, транспозиция времен – использование настоящего времени вместо прошедшего или будущего; или транспозиция коммуникативных типов предложения – употребление вопросительного предложения в значении повествовательного). Под транспозицией в узком смысле подразумевается употребление слова в функции другой части речи или его перевод из одной части речи в другую. При этом выделяются этапы (ступени, степени) данного процесса. Обобщая различные мнения по данному вопросу, можно согласиться с авторами, различающими следующие разновидности данного процесса: 1) *функциональная* (неполная, или синтаксическая) транспозиция, при которой изменяется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения её принадлежности к части речи; 2) *функционально-семантическая* (полная, или морфологическая) транспозиция, при которой образуется слово новой части речи.

В понимании транспозиции мы придерживаемся точки зрения, согласно которой она рассматривается как порождение нового категориального значения в условиях изменения синтактики. При этом «материально тождественные грамматические слова или отдельные словоформы транспонируются в различные синтаксические позиции, характеризующие разные части речи, и именно синтаксическая позиция является конституентом нового категориального значения» [6, с. 11]. Результатом транспозиции являются единицы, сохраняющие фонемный состав и звучание исходной единицы и, как вторичный знак, с другой классной принадлежностью, чем исходная, выступающие в качестве своеобразных омонимов последним. Такие производные единицы в специальной литературе получили название «функциональные омонимы» [1]. Транспозиционные процессы – явления, происходящие в высказывании, в речи. Поэтому вполне закономерно, что между исходной единицей и конечной позицией (функциональными омонимами) возможны синкретичные, промежуточные образования, характеризующиеся синтезом дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи [2].

Подходы к определению конверсии различаются в зависимости от того, как оценивается соотношение мотивирующего и

мотивированного слов. При широком понимании конверсии к ней относят случаи совпадения только **основ** мотивирующего и мотивированного слов, что сближает ее с аффиксальным словообразованием.

При узкой трактовке конверсии отмечается полное совпадение мотивирующего и мотивированного **слов**. Так, Ю.С. Степанов понимает конверсию как способ образования лексических единиц, характеризующийся переходом слова из одной части речи в другую без изменения своего морфологического состава [12, с. 75]. Е.С. Кубрякова, В.А. Гуреев рассматривают конверсию как «особую разновидность процессов транспозиции. ...Конверсия оказывается при этом представителем процесса транспозиции безаффиксальной, т.е. происходящей при полном отсутствии какой-либо специальной аффиксальной морфемы, свидетельствующей о средствах осуществления этого процесса. Главный признак конверсии как словообразовательного процесса – это формирование нового обозначения с новым содержанием» [8, с. 33]. Особенность данного явления видится в «переосмыслении мотивирующей основы, в «повороте» основы и ее рассмотрении под новым углом зрения». Важнейшим условием конверсии признается обязательное тождество исходного и результативного слов, т.е. тождество мотивировавшей процесс единицы с единицей, ею мотивированной [8, с. 33].

При всем разнообразии определений конверсии существенным в доминирующей точке зрения следует признать то, что она является термином дериватологии, подразумевающим способ образования нового слова через перевод лексической единицы в другую часть речи. Результатом конверсии является слово как факт словаря.

Общим и для конверсии, и для транспозиции является «начальный этап» перевода слова одной части речи в другой класс слов, а именно, – несвойственная синтаксическая позиция. Конечные же результаты этих процессов различны: при транспозиции образуются формы, вступающие с исходной лексемой в отношение функциональные омонимии, при конверсии – функционально-семантической омонимии.

В соответствии с приведенными выше рассуждениями субстантивацию следует рассматривать как с точки зрения транспозиции, так и с точки зрения конверсии, представляющей частный случай транспозиции. При таком подходе, необходимо раз-

личать и результаты данных явлений. Такие примеры, как: *плъыр* «сторож» (< причастие *плъыр* «тот, кто сторожит»), *щыгъын* «одежда» (< инфинитив *щыгъын* «быть надетым (об одежде)»), *къитхъ* «борона» (< форма повелительного наклонения *къитхъ* «поцарапай») [5, с. 117] – являются результатом конверсии. Это лексические единицы, полностью «открепившиеся» от исходных (мотивирующих) слов и в современном языке вступающие с ними в отношения функционально-семантической омонимии. Случаи, когда формы прилагательного в условиях отсутствия (опущения) определяемого имени существительного, занимая несвойственные им синтаксические позиции, употребляются в речи с предметным значением и при этом не переходят в имена существительные [5, с. 117], – очевидно, следует рассматривать в рамках процесса транспозиции, при которой образуются смешанные, гибридные единицы со сложной когнитивной структурой, объединяющей «два и более категориальных значения в их определенных взаимодействиях друг с другом» [8, с. 37]. Например: *Хуабэ гуэр щытлэгъэн хуейщ.* – Надо надеть что-нибудь **теплое**. В семантике формы *хуабэгуэр* наряду с семой *хуабэ* «теплое» содержится дополнительная сема *щыгъын* «одежда». Здесь проявляется метонимический сдвиг: «признак/свойство» → «предмет, обладающий этим признаком/свойством». При этом доминирует предметное значение. (Об этом ранее мы писали в [9], [10]). Восстановление определяемого существительного *щыгъын* «одежда» не меняет содержания предложения: *Щыгъын хуабэ щытлэгъэн хуейщ.* – Надо надеть **теплую одежду**. Более того, присутствие существительного в данном случае не является обязательным, оно информационно избыточно и не играет какой бы то ни было роли для коммуникативных целей приведенного высказывания. В этом случае не происходит полного «расщепления» лексемы *хуабэ* на прилагательное и существительное, сопровождающегося их функционированием в качестве самостоятельных лексем. Исходные лексемы и производные единицы выступают здесь как функциональные омонимы.

Подводя итог нашим наблюдениям, отметим, что конверсия как способ образования нового слова путем перевода лексемы в другую часть речи в современном языке представляет собой процесс в стадии завершения, в то время как транспозиция – процесс продолжающийся, сопровождающийся образованием

гибридных, синкретичных единиц, в разной степени наделенных характеристиками взаимодействующих частей речи.

Литература

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957.
2. Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1983. № 5. С. 42.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. 763 с.
4. Гузев Ж.М. Теоретические проблемы конверсии в тюркских языках: словообразовательный аспект // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4. С. 110–116.
5. Кабардино-черкесский язык. Т. 1. Нальчик, 2006.
6. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент, 1978. 227 с.
7. Кубрякова Е.С. Теория номинации и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 222–304.
8. Кубрякова Е.С., Гуреев В.А. Конверсия в современном английском языке // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 33–38.
9. Кумыкова Д.М. К вопросу субстантивации прилагательных в кабардино-черкесском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4. С. 136–140.
10. Кумыкова Д.М. Субстантивация как вид транспозиции в русском и кабардино-черкесском языках // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы VII Международной научной конференции. Майкоп, 2010. С. 106–107.
11. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. Минск, 1985. 157 с.
12. Степанов Ю.С. Французская стилистика: в сравнении с русской. М., 2006. 360 с.

SUBSTANTIVIZING: CONVERSION OR TRANSPOSITION?

The article is devoted to the study of the relationship between the concepts of conversion and transposition to the example of substantivizing in the Kabardian-Circassian language. Analyzes the understanding of these terms in the literature. Advocated the position that conversion is an expression of transposition.

Keywords: parts of speech, substantivizing, conversion, transposition, definition.

М.Б. Кетенчиев, Ж.А. Геляева

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «МУЖ» И «ЖЕНА» В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПАРЕМИЯХ

Данная статья посвящена карачаево-балкарским паремиям, отражающим семейные отношения. В частности в ней рассматриваются вопросы, связанные с карачаево-балкарской паремиологической картиной мира, ориентированной на репрезентацию микроконцептов «муж», «жена». В статье представлены основные характеристики супругов, наиболее релевантные для традиционного карачаево-балкарского общества.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, паремиология, лингвокультурология, концептуализация, супруги.

Современная парадигма лингвистики тесно связана с изучением языковой картины мира, которая интерпретируется как «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях информации о мире» [7, с. 68]. В этой связи важным представляется полиаспектный анализ макроконцепта «человек». Данный концепт в специальных лингвистических исследованиях интерпретируется как ключевой концепт языковой картины мира, представляющий «собой макросистему (макроструктуру), состоящую из различных понятийных блоков, связанных как с врожденными, так и приобретенными его свойствами. Различаясь по своей когнитивной и информативной вместимости, эти блоки вкпе составляют понятие «человек» как природно-социальное явление» [4, с. 67–68]. Этот феномен неплохо представлен в паремиях в различных ипостасях, в основном в контексте интерперсональных отношений, в том числе и семейно-родственных.

Различные характеристики человека, отражающиеся в пословицах карачаевцев и балкарцев, нашли свою нишу в целом ряде научных статей последних лет. В этих работах рассматриваются паремии, связанные с трудовой деятельностью человека [5], его бытом [2], животным миром, окружающим человека [6], пространственными реалиями [3] и т.д.

Исходя из этого, можно говорить о микроконцептах внутри макроконцепта, основу которых составляют такие понятия, как «мужчина», «женщина», «отец», «мать», «муж», «жена», «сын», «дочь», «жених», «невеста» [1, с. 20]. Представлены они в карачаево-балкарском паремиологическом фонде в основном оппозитивно. Ниже попробуем рассмотреть основные составляющие некоторых из них.

В паремиях в сфере концепта «мужчина» нами обнаруживаются традиционные для карачаево-балкарской культуры составляющие, связанные с возрастными особенностями, семейно-родственными и общественными отношениями. Это же можно сказать относительно другого оппозитивного концепта «женщина».

Паремический материал показывает, что мужчина и женщина характеризуются двумя противоположными началами-стихиями (огонь и вода): *Эр киши – от, тиширыу – суу* «Мужчина – огонь, женщина – вода». В данной паремии актуализируются психологическое начало мужчины и предназначение женщины. Иначе говоря, мужчина по своей природе вспыльчив, и только женщина может его успокоить, т.е. огонь тушится только водой. Здесь важным представляется то, что огненная стихия имеет мужское начало, а водная стихия – начало женское.

Женщина, согласно карачаево-балкарской ментальности, как правило, олицетворяет собой дом, семью, в силу чего она олицетворяет их облик: *Тиширыу юйню чырайыды* «Женщина – лицо дома».

Отрицательная характеристика женщине дается в основном по уму: *Тиширыуну чачы узун да, акъылы къысха* «У женщины волосы длинные, а ум короткий». Данная паремия детерминирована влиянием восточной культуры, в частности ислама.

В ряде паремий наличествует в целом двойственное отношение к женщине по линии созидания и разрушения: *Юй этген да – тиширыу, кюл этген да – тиширыу* «Женщина и дом обустраивает, и испепеляет».

В пословицах и поговорках часто внимание акцентируется на неразрывной связи мужа и жены, о муже судят по жене,

а о жене – по мужу: *Эр бла къатын боюнса бла чомача кибикдиле* «Муж и жена словно ярмо и штырь»; *Къатын деген* – боюн, *эр деген* – *баиш* «Жена – шея, муж – голова»; *Иги къатын эрни къанаты* «Хорошая жена – крылья мужчины»; *Къатын къанаты* – *эр* «Крылья жены – муж»; *Къатыны иги жашдан-жаш болур*, *къатыны аман къартдан-къарт болур* «Имеющий хорошую жену с каждым днем молодеет, имеющий плохую жену с каждым днем стареет»; *Къатыны иги къартаймаз, эри иги элгенмез* «Имеющий хорошую жену не постареет, имеющая хорошего мужа не испугается»; *Къатынны сыйы эрине кёре* «Честь жены – по мужу». Как видим, в данных паремиях налицо корреляты: а) боюнса «ярмо» – чомача «штырь», б) боюн «шея» – баиш «голова» (они не-отделимы друг от друга). Кроме того, актуализируется взаимосвязь супругов по линии поддержки друг друга, благодаря чему проявляется их статус в социуме, а также физическое здоровье.

Супругу вменяется забота о жене, что репрезентируется в императивной форме: *Къатынынгы къарынын тылы эт, юсюн-баишын жылы эт* «Желудок жены наполни тестом, ее саму оберни в теплую одежду».

Согласно этикету, муж не должен поднимать руку на жену, вмешиваться в процесс подготовки пищи, разводиться с женой, хулить жену после развода и т.д.: *Къатынына къол кётюрген къатындан башха туююлдоу* «Поднимающий руку на жену не отличается от женщины»; *Ушхууургъа, ашха-суугъа къатышсанг, атынг аманнга чыгъар* «Будешь указывать, как готовить еду, уронишь свою честь»; *Эр кишиге бек улуу эки бедииш* – *къатынын къойса бла къатыны айып этсе* «Для мужчины два великих позора – бросить жену или когда его стыдит жена»; *Ашагъан ашынгы тёкме, къойгъан къатынынгы сёкме* «Не изрыгай съеденную пищу, не порочь женщину, с которой развелся».

Многие паремии репрезентируют оценку супруги по тем или иным качествам по шкале хорошая/плохая. Хорошая жена должна иметь следующие характеристики: а) она должна быть покладистой; б) не должна приставать к мужу по мелочам; в) обязана быть внимательной по отношению к мужу. Указанное отражается в паремиях следующего плана: *Ахшы къатын эрине жууап этмез, нек этдинг деп сюелмез* «Лучшая жена мужу не перечит, отчета не требует»; *Ахшы къатын эрине ууакъ-ууакъ сормаз* «Лучшая жена по пустякам мужа не беспокоит»; *Иги къатыны болгъан киши жолгъа азыкъсыз чыкъмаз* «Имеющий хорошую

жену в путь без еды не отправится»; *Эри келип жатхынчы, иги къатын тѣшек этип тынчаймаз* «Пока муж не вернется и не ляжет спать, хорошая жена в застеленной постели не отдохнет».

Для плохой же жены релевантны следующие качества: а) слезливость; б) обыкновение говорить проклятия в адрес мужа; в) злость; г) наличие однообразного и бедного меню. Ср. в этом отношении следующие пословицы и поговорки: *Аман къатын жиямугъу бла къоркъутур* «Плохая жена слезами напугает»; *Эрине къаргъыш этген эрин къабар* «Проклинающая мужа без него останется»; *Къатынынз огъурсуз болса, арбазынга ит да кирмез* «Если у тебя злая жена, в твой двор и собака не зайдет»; *Аман къатынны билген ашы не как болур, не къуймакъ болур* «Плохая жена умеет готовить или мамалыгу, или яичницу».

Противопоставление плохой и хорошей жены имеет место часто в рамках одной паремии, представленной, как правило, сложносочиненным предложением со значением сопоставления: *Иги къатынны кюбюрю толу болур, аман къатынны кѣзю гыржынлада болур* «У хорошей жены сундук будет полон, у плохой жены глаза на хлебе»; *Иги къатын эрин тизгинли этер, аман къатын эрин изгилтин этер* «Хорошая жена мужа опрятным сделает, плохая жена мужа от дома отвадит»; *Ахшы къатын аман эрин эр этер, аман къатын иги эрин сер этер* «Лучшая жена плохого мужа делает настоящим мужчиной, плохая жена хорошего мужа делает придурком»; *Ахшы къатын эрине сорур, аман къатын элине сорур* «Лучшая жена с мужем советуется, плохая жена – со всем селом». В них противопоставление хорошей и плохой жены проводится по таким критериям, как отношение к мужу и благополучию.

Как видно из проанализированного выше фактологического материала, в карачаево-балкарских пословицах и поговорках уделяется значительное внимание репрезентации интерперсональных отношений, что имеет непосредственное отношение и к таким существенным для карачаево-балкарской ментальности концептам «муж», «жена». Эти концепты в паремиях представлены оппозитивно и во взаимосвязи, отмечаясь при этом различными функциональными характеристиками и широким спектром дидактических значений.

Литература

1. *Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К.* Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 130 с.
2. *Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б.* Полиаспектный анализ названий одежды в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20. С. 10–13.
3. *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. 2014. № 5 (73). С. 79–86.
4. *Геляева А.И.* Человек в языковой картине мира. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2002. 177 с.
5. *Кетенчиев М.Б.* Вербализация деятельности в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 311–315.
6. *Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К.* Этнокультурная составляющая зоолексемы «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 2. С. 106–109.
7. *Попова З.А., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад; АСТ, 2007. 320 с.

M.B. KETENCHIEV, J.A. GELYAEVA

VERBALIZATION OF THE CONCEPTS «HUSBAND» AND «WIFE» IN THE KARACHAY-BALKARIAN PROVERBS

This article is devoted to the karachay-balkarian proverbs that reflect family relationships. In particular, it discusses the issues related to the karachay-balkarian paremiological picture of the world focused on the representation of microconcepts «husband», «wife». The article presents the main characteristics of married couples which are the most relevant for the traditional karachay-balkarian society.

Key words: the karachay-balkarian language, proverbs, linguoculturology, conceptualization, married couples.

М.Б. Кетенчиев, З.М. Доттужева

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена военной лексике карачаево-балкарского языка. В частности в ней рассматриваются вопросы, связанные со словообразовательными возможностями слов, входящих в состав лексико-семантической группы «военное дело». В статье представлены базовые словообразовательные модели, которые релевантны для карачаево-балкарской военной терминологии.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, военная лексика, словообразование, способы образования военных терминов.

В деле изучения лексики карачаево-балкарского языка в целом достигнуты значительные успехи, что связано, прежде всего, с именами таких ученых-языковедов, как М.А. Хабиचेv, Х.И. Суюнчев, Ж.М. Гузеев, И.М. Отаров, С.Я. Байчоров и др., которые проанализировали ее с позиций семасиологии, с применением различных методов языка, актуальных для структурной лингвистики. Это имеет непосредственное отношение и к отраслевой терминологии. В последние годы в связи с изменением парадигмы лингвистики намечаются и другие подходы к изучению лексики карачаево-балкарского языка, которые связаны с такими направлениями лингвистики, как лингвокультурология, когнитивная лингвистика и т.п. Об этом свидетельствуют работы некоторых языковедов, посвятивших свои работы следующим аспектам лексики: а) полиаспектный анализ названий одежды [2]; б) вербализация деятельности [5]; в) концептуализация лексики [3]; г) выявление этнокультурных характеристик лексики [6]. Вместе с тем в карачаево-балкарском языкознании все еще остается много лакуv, сопряженных именно с отраслевой лексикой, в частности с лексикой, отражающей военную

терминологию. Исключение составляет работа Х.М. Акбаева, представляющая собой первый опыт составления историко-этимологического словаря [1].

В данной статье предпринимается попытка осветить лишь один из аспектов традиционной военной лексики карачаево-балкарского языка, а – именно ее связь с системой словообразования.

В рассматриваемом аспекте особого внимания заслуживает аффикс *-чы/-чи (-чу/-чу)*, который признается одним из высокопродуктивных в тюркских языках в целом. Данный аффикс, присоединяясь к именам, способствует образованию целого ряда военных терминов субстантивного плана: *аскерчи* «военный; воин, солдат», *атчы* «ординарец», *байракъчы* «знаменосец», *гёзетчи* «караульный», *дауурбасчы* «барабанщик», *жакъчы* «защитник», *жасакъчы* «сборник дани», *жаячы* «лучник», *иррейчи* «дружинник», *къачхынчы* «дезертир, беженец», *къазанчы* «кашевар, повар», *мараучу* «снайпер, наводчик», *окъчу* «стрелок, лучник», *тасхачы* «разведчик; лазутчик», *таучу* «егерь», *топчу* «артиллерист», *чапчы* «посыльный», *чекчи* «пограничник», *ызчы* «следопыт». Все эти лексемы объединяет следующая семантика: лицо, занимающееся той или иной деятельностью, сопряженной с военным делом. Правда, здесь можно говорить и о целом ряде частных значений. Так, например, для слова *дауурбасчы* «барабанщик» актуальна семантика «лицо, играющее на инструменте, обозначенном производящей основой» [4, с. 287].

В словообразовании военной лексики значительна роль и аффикса *-лыкъ/-лик (-лукъ/-люк)*, который в специальных лингвистических исследованиях, посвященных словообразованию тюркских языков, интерпретируется как многозначный аффикс, характеризующийся высокой продуктивностью. В пользу этого свидетельствует и материал карачаево-балкарского языка: *къуллукъ* «служба», *жигитлик* «героизм», *сатлыкъ* «предатель», *эркинлик* «свобода, независимость», *башлыкъ* «башлык», *къоллукъ* «рукавицы, перчатки», *беллик* «двухметровый суконный кушак, подвязываемый поверх нательной рубашки», *тобукълукъ* «металлический или кожаный наколенник», *бармакълыкъ* «кожаный напалечник для стрельбы из лука», *кезлик* «нож», *отлукъ* «порошок ископаемой селитры» и др. Для большинства указанных лексем релевантна сема «предназначенность».

Словообразовательный маркер *-лы/-ли* присоединяется, как правило, к именам и образует существительные: *атлы* «всадник,

кавалерист», жаралы «раненый», ётлю «смелый, отважный, решительный, удалой, отчаянный».

Для карачаево-балкарской военной лексики характерно и употребление лексем, образованных малопродуктивными аффиксами. К таковым например, относится аффикс *-макъ/-мек*: *тутмакъ* «пленный», *токъмакъ* «боевой молот, палица, дубина».

Другим малопродуктивным аффиксом является маркер, присущий для слов типа *къарауул* «дозор, караульный, часовой», *бегеуул* «стражник, караул, судебный исполнитель», *жортууул* «набег на чужие земли, поход; конная атака».

В редких случаях лексемы рассматриваемого пласта лексики образуются посредством словообразовательного маркера *-р*, ср. *къаугъар* «воин, боец».

Значительным функциональным потенциалом в карачаево-балкарском языке отмечены термины военного дела, образованные путем словосложения. Они характеризуются целым рядом словообразовательных моделей, основными из которых являются следующие:

«имя существительное в основном падеже + имя существительное в основном падеже»: *аскер бёлек* «военный отряд, подразделение, часть», *аскер керек* «воинская выкладка, экипировка», *аскер къуллукъ* «военная служба», *аскер кийим* «военная форма одежды», *атлы аскер* «кавалерия», *жау аскер* «вражеская армия», *чериу аскер* «профессиональная армия», *таракъ балта* «зубчатый топор», – *бичакъ жара* «ножевая рана», *окъ жара* «огнестрельная рана», *бичакъ уруш* «сабельная рубка», *чекчи къарауул* «пограничный пост» и др. Все они образованы по образцу свободных словосочетаний, представляющих собой 1-ый тип изафета.

«имя существительное в нулевой форме родительного падежа + имя существительное в основном падеже с посессивным аффиксом»: *аскер башы* «командующий, полководец», *жюз башы* «сотник», *минг башы* «командующий тысячным войском», *он башы* «десятник», *тюмен башы* «темник» и др. Для терминов данного ряда присуща модель 2-го типа изафета.

«имя существительное + имя действия»: *аскерге алыу* «призыв в армию; мобилизация», *аскерге барыу* «добровольная военная служба», *аскерден къайтыу* «демомобилизация», *аскерден къачыу* «дезертирство», *байракъ чанчыу* «водружение знамени», *бетжан тутуу* «оборона по всему фронту», *бой салыу* «покорение, повиновение», *илишаннга алыу* «прицеливание», *тизгин атыу* «стрель-

ба залпом», *харягъа кириу* «стремительный, быстрый рукопашный бой» и др. Как видно из этих примеров, первый их компонент варьируется по линии падежа. Для них характерны формы дательно-направительного, винительного и исходного падежей.

«имя прилагательное + имя существительное в основном падеже»: *акъ аскер* «белая армия», *къызыл аскер* «красная армия», *къынгыр бичакъ* «ятаган», *улли бичакъ* «сабля, пашка», *уулу ушкок* «ружье, стреляющее отравленными пулями», *сарыкъулакъ бичакъ* «разновидность сабли», *къара къама* «боевой кинжал (меч)», *улли къама* «большой кинжал», *гитче къама* «малый кинжал», *ду-мада къама* «разновидность боевого кинжала» и т.п.

«причастие + имя существительное в основном падеже»: *сакълагъан аскер* «прикрытие», *сууурулгъан бичакъ* «кривая сабля», *жатхан къама* «изогнутый кинжал», *бителмез жара* «незаживающая рана», *ашлангъан жара* «открывшаяся рана», *жатхан къылыч* «разновидность ятагана», *чырмалгъан къылыч* «гибкий меч в народных сказаниях», *созулгъан къылыч* «удлиняющийся меч в героических сказаниях» и др.

Все представленные выше сложные термины представляют собой отдельные написания с точки зрения орфографии. Однако есть и сложные термины со слитным написанием. К ним относятся лексемы типа *бийнӕгер* «личная дружина князя», *жилянкъап* «ритуальный нож-змеевик», *сарыкъулакъ* «меч нартов в героическом эпосе», *экижан* «боевой двухклинковый кинжал», *алтынкъулакъ* «разновидность старинного ружья; мушкет», *солтанжая* «в нартском эпосе большой лук для стрельбы несколькими стрелами разом; самострел», *айбалта* «секира», *къочхарбаи* «таран, стенобитное орудие», *алтатар* «револьвер», *бешатар* «пятизарядное ружье», *къылкъыяр* «имя острого меча в героических сказаниях» и т.п.

Ср. слова *сауут-саба* «военное снаряжение», *сауутлу-сабалы* «вооруженный», *сауут-садакъ* «вооружение, снаряжение», *сауутлу-садакълы* «вооруженный». Подобные слова в предложенном сочетании представляют лексемы с собирательным значением, компоненты которых связываются между собой сочинительной связью.

В рамках данной статьи небезынтересны лексемы, относящиеся к лексико-семантической группе «военное дело», которые образовались семантическим способом от различных грамматических форм слов. Они также имеют ряд разновидностей:

лексикализованные (субстантивированные) имена действия: *кючлеу* «захват», *къоруулау* «защита, оборона, охрана», *къаушатыу* «разгром, уничтожение, сокрушение», *марау I* «слежка», *марау II* «прицеливание, наводка», *хорлатыу* «поражение», *чулгъау* «атака кавалерии по кругу», *ыхтырылыу* «отступление», *атышыу* «перестрелка», *атылыу* «выстрел, взрыв» и др.;

лексикализованные (субстантивированные) формы взаимно-совместного залога глагола: *уруш* «битва, война», *согъуш* «битва», *сермеш* «схватка, бой», *токъуш* «битва, сражение» и т.п.

Важным представляется и тот факт, что слова, которые относятся к традиционной военной лексике карачаево-балкарского языка, обладают значительным функционально-семантическим потенциалом и в составе фразеологических единиц, о чем свидетельствуют следующие примеры: *сауут ал* «вооружиться, взяться за оружие», *сауут ат (ташла)* «сдаться, сложить оружие», *сауут бет ал* «принять грозный, злой, воинственный вид», *сауут кётюр* «воевать».

Таким образом, как видно из рассмотренного выше фактологического материала, военная терминология карачаево-балкарского языка характеризуется значительным функционально-словообразовательным потенциалом. Имея целый ряд словообразовательных моделей, военная лексика карачаево-балкарского языка отмечена широким спектром значений, изучение чего релевантно для тюркского языкознания в целом.

Литература

1. Акбаев Х.М. Карачаевская военная терминология и оружие (историко-этимологический словарь). Ставрополь: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2011. 203 с.
2. Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б. Полиаспектный анализ названий одежды в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20. С. 10–13.
3. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. 2014. № 5 (73). С. 79–86.
4. Ганиев Ф.А. Татарская грамматика. Казань, 1995. Т. 1. 583 с.
5. Кетенчиев М.Б. Вербализация деятельности в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 311–315.

6. Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К. Этнокультурная составляющая зоолексемы «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 2. С. 106–109.

M.B. KETENCHIEV, Z.M. DOTTUEVA

**THE METHODS OF FORMING OF MILITARY VOCABULARY
IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE**

This article is devoted to the military vocabulary of karachay-balkarian language. Particularly in the article are discussed the questions concerning – derivational features of the words included in the lexical-semantic group «military science». The basic word-formation models are presented in the article which are – relevant for the karachay-balkarian military terminology.

Keywords: karachay-balkarian language, military language, word-formation, the methods of forming military terms.

Б.А. Мусуков, Ф.А. Магзрелова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Статья посвящена исследованию функционально-семантических особенностей числительных в карачаево-балкарских пословицах и поговорках, отличающихся наличием устойчивых стилевых признаков. В ней рассматривается функционирование количественных и собирательных числительных, как инвентарных (фондовых) единиц языка, двусторонних компонентов морфологии, в пословицах и поговорках с учетом их лексико-семантических, словообразовательных, синтаксических особенностей. В работе анализируются случаи образования усилительных конструкций с помощью моделей трансформационного повтора.

Ключевые слова: пословичное противопоставление, оппозитивная конструкция с отрицанием, контекстуальное окружение, числительные первого десятка, количественное числительное, собирательное числительное.

Различные разряды числительных в карачаево-балкарском языке, включая и другие тюркские языки, также как и остальные знаменательные части речи, участвуют в построении пословичной картины мира, в лексико-семантических процессах, вносят дополнительные оттенки в общую структуру предикативных конструкций, отличающихся наличием устойчивых стилевых признаков. К числу основополагающих признаков пословиц и поговорок как типа эпического творчества, выполняющего дидактические функции, относится свойство **«обобщать ситуацию»** или **«рекомендовать определенные действия»** с помощью числительных. К числу различных дифференциальных особенностей пословиц и поговорок относится обязательное употребление в них количественных, собирательных, неопределенно-количественных числительных. Структурной особенностью пословиц и поговорок является то, что они имеют в основном как простую, так и сложную структуры, состоя-

щие либо из одной или из двух частей, из одного или из двух предложений, как сложносочиненных, так и сложноподчиненных. В обеих частях пословиц простой структуры отмечается противопоставление числительных, в котором в основном участвуют количественные числительные **бир** 'один', **эки** 'два', **жети** 'семь', **жюз** 'сто', **минг** 'тысяча': **Бир** ууучха **эки** харбыз сыйынмаз «В одной ладони два арбуза не поместятся»; **Эки** макъа **бир** батмакъгъа сыйынмаз «Две лягушки в одном болоте не поместятся»; **Бир** атны кючюнден **минг** ат суу ичер «Благодаря одной лошади тысяча лошадей напьются воды»; **Бир** атха **эки** хомут салынмаз «Одну лошадь в два хомута не запрягают»; **Жюз** адам ишлегенни **бир** адам бузар «Построенное сотней людей может разрушиться одним человеком».

Количественные числительные в карачаево-балкарских пословицах и поговорках показывают не только количество предметов и абстрактных понятий, но и участвуют в образовании пословичных противопоставлений с отрицательным значением.

Количественное числительное в пословицах и поговорках в определительной функции предшествует определяемому, определяемое же при этом выступает в форме единственного числа и составляет словосочетание: **Бир** атны 'одну лошадь', **бир** атха 'к одной лошади', **бир** кюн 'один день'. Словосочетание **бир** кюн в зависимости от контекстуального окружения может выступать в функции обстоятельства времени со значением «однажды». Количественные числительные в пословицах и поговорках сочетаются и с глаголами: **Минг** ёнчеле да, **бир** кес «Измерь тысячу раз, отрежь один раз»; с причастиями: **Бир** абынган, **минг** сюрюнюр «Споткнувшийся один раз, пошатнется тысячу раз».

В пословицах и поговорках с простой структурой, относящихся к оппозитивным конструкциям, можно встретить самые различные формы пословичных противопоставлений. Простейшая из них – оппозиция с явно выраженным отрицанием, основанная на прямом отрицании одного из членов. Характерно, что таким членом выступает глагол. Отрицание отвергает определяющее равенство: **Бир** таматагъа **эки** баш жарты жетмез «Одному тамаде две половины головы (имеется в виду бараньей головы при обрядовом делении во время угощения за столом) не достаются»; **Бир** бёрк бла **эки** башны жапмазса «Одной шапкой две головы не закроешь»; **Бир** къазанда **эки** баш бишмез «В одном казане две головы не сварить»; **Бир** къой **эки** союлмаз «Одну овцу дважды не зарежут»; **Эки** къама **бир** къыннга сыйынмаз «Два кинжала в одни ножны не поместятся»; Тюлкю къап-

ханнга **эки** кере тюшмез «Лиса в капкан дважды не попадетсЯ»; **Юч** жыл жетмей, ат кезиуне келмез «Не достигая трех лет, лошадь не наберет силы»; **Бир** чабырны **эки** аякѳга киймезе «Одну рабочую мужскую обувь в две ноги не наденешь». В рассмотренных пословицах и поговорках с простой структурой оппозицию с ярко выраженным отрицанием составляют количественные числительные первого десятка, определяющие числовой аспект культурной реальности: **бир-эки** 'один-два' (в шести пословицах), **эки-бир** 'два-один'. Малые числительные (1, 2) практически всегда являются точными. Функцию отрицания в пословичных противопоставлениях выполняют глаголы с весьма широкой дистрибуцией: **жетмез** 'не достанетсЯ', **жапмаз** 'не закроет', **союлмаз** 'не зарежется', **сыйынмаз** 'не поместитсЯ', **келмез** 'не наберет силы', **киймез** 'не оденет', **келмез** 'не придет', **болмаз** 'не будет', **чыкѳмаз** 'не выйдет', образованные соответственно от производящих основ **жет** 'доставатсЯ', **жап** 'закрывать', **союл** 'резатсЯ', **сыйын** 'поместитсЯ', **кел** 'приходить', **кий** 'одевать', **бол** 'быть', **чыкѳ** 'выходить' и модифицирующих аффиксов отрицания **-маз /-мез**, придающих глагольным основам оттенки значения. В глаголах с отрицательным значением, так же как и в глаголах с утвердительным значением, существует определенность семантической структуры. Во всех рассмотренных пословицах и поговорках отмечается сочетание глаголов с существительными. Для всех глаголов с отрицательным значением, так же как и для глаголов с утвердительным значением, одинаково вероятным оказывается быть точным и модифицированным. В данных предложениях глаголы с конкретным и абстрактным значениями с точки зрения формообразования часто выступают производными словами.

Можно выделить некоторые глаголы, оказывающиеся точными словарными единицами, как **тюшмез** 'не попадет' и **жетмез** 'не достанетсЯ'. Они составляют довольно широкий класс глаголов, обозначающих действие или состояние, свойственные одушевленному предмету. Производящие глаголы, сочетаясь с модифицирующими аффиксами со значением отрицания, оказываются почти всегда преобразованными.

Характер преобразований у глаголов, так же как и у прилагательных, является значительно определенным. Больше всего глагол называет действие или состояние, похожее на истинное. «Категория языковой оценки находит выражение на уровнях языковой системы» [7, с. 145].

Количественные числительные в карачаево-балкарском языке участвуют в образовании оппозиций и сложной структуры с явно выраженным отрицанием, основанном на прямом отрицании одного из членов. В них также подобным членом выступает глагол: *Минг эшитген, бир кёргенге жетмез* «Слышавший тысячу раз не равен тому, кто один раз увидит»; *Эки тели бир болсала, юй болмазла* «Если два дурака будут вместе, то не будет семьи»; *Бир тамычыдан кёл болмаз, бир терекден юй болмаз* «Из одной капли озеро не образуется, из одного дерева не будет дома».

В карачаево-балкарском языке в пословичных противопоставлениях как простой, так и сложной структур, с явно выраженным отрицанием, основанном на прямом отрицании одного из членов, наряду с количественными числительными, участвуют и собирательные числительные первого десятка, образованные от количественных числительных с помощью аффикса *-еу*: *Биреу амалсыз, биреу иймансыз* «Кто-то беспомощен, а кто-то без веры». В данных конструкциях собирательное числительное, лексикализуясь, выступает в функции неопределенного местоимения.

«Теоретически указанные аффиксы могут прибавляться к основе любого числа, однако практически в карачаево-балкарском языке они прибавляются к основам первого десятка.

Сохраняя количественный признак, карачаево-балкарские собирательные числительные являются столько же именами существительными, сколько числительными и близки к местоимениям» [1, с. 168].

Соотносительность собирательных числительных с существительными и местоимениями проявляется в том, что они не сочетаются с последними, не выполняют атрибутивно-определятельной функции. Так, нельзя сочетать *экеу китап, биреу кьалам* [5, с. 220].

В приведенных пословицах лексическое значение модифицированных основ *экеу* 'двое', *биреу* 'один' зависит не от словообразовательного значения аффикса *-еу*, а от контекстуальной детерминированности лексических единиц. В самостоятельном употреблении без синтагматического окружения данные основы выступают в значении собирательного числительного.

Числительные *биреу, экеу* не сочетаются и с существительными, обозначающими лица. Нельзя, к примеру, образовать сочетания *ючеу адам* 'трое человека', *тёртеулен эркиши* 'четверо мужчина', *экеу сабий* 'двое детей'. В данном и других случаях правильнее будет если сказать: *ючеу* 'двое людей', *тёртеулен* 'четверо людей'.

Употребление собирательных числительных *биреу*, *экеу* в функции неопределенного местоимения со значением 'кто-то' следует рассматривать как разновидность синтаксической трансформации, в которой образная часть остается неизменной. Собирательные числительные *биреу*, *экеу*, употребляясь в контекстуальном окружении, приобретают категориальные особенности другой части речи – местоимения, и выступают в предложении в синтаксической позиции дополнения: *Биреу къапталын жуугъанда, биреу да тонун жууа эди* «Когда кто-то свой казакин стирает, кто-то стирает свой тулуп»; *Биреу ашдан ёле эди, биреу да аны къоюнунда жёрме излей эди* «Кто-то с голоду умирает, а кто-то ищет в его пазухе жёрме (кушанье из измельченного нутряного сала жирных кишок мелкого рогатого скота, завернутых в куски из стенок желудка животного, сваренное в котле)»; *Биреу къатын келтире, биреу атын ёлтюре* «Кто-то женится, а кто-то лошадь убивает». Собирательное числительное в карачаево-балкарском языке в пословицах и поговорках не имеет собирательного значения, а выступает в значении другой части речи, выявляя соответственно другие синтаксические функции. Собирательное числительное в пословицах и поговорках в определительной функции предшествует определяемому, определяемое же при этом употребляется в форме единственного числа и составляет словосочетание: *биреу амалсыз* 'кто-то беспомощен'; *биреу иймансыз* 'кто-то без веры'; *биреу къапталын* 'кто-то свой казакин'; *биреу да тонун* 'кто-то свой тулуп'; *биреу ашдан* 'кто-то с голоду'; *биреу къатын* 'кто-то жену'; *биреу атын* 'кто-то лошадь'.

Рассматривая способы глагольного действия с точки зрения аспектуальности, М.М. Текуев и М.З. Улаков отмечают, что среди множества концептов выделяется и концепт единичность, обозначающий количественную характеристику действия и состояния способом указания на единичность его проявления в связи с темпоральностью: *бир кере биз шахаргъа баргъанда* 'однажды, когда мы ездили в город'. В этом примере события случаются однажды с помощью словосочетания *бир* 'один' + *кере* 'раз' – *бир кере* 'однажды' [6, с. 220-221]. Данный концепт употребляется и в пословицах и поговорках, обозначая временные особенности протекания действия: *бир кере туз гыржынын ашагъан юйюнге къыркъ кере хурмет эт* «окажи почтение сорок раз тому дому, в котором ты однажды ел хлеб с солью» [4, с. 141].

С точки зрения функциональной классификации, пословицы и поговорки, в которых зафиксированы различные разряды числительных, различаются интеллектуальные и информативные.

Исследуя употребление различных разрядов числительных в пословицах и поговорках, следует отметить два подхода: структурный и функциональный.

Алан Дандис, изучая пословицы, приводит собственный подход, основанный на предположении о том, что существует тесная связь между структурой пословицы и структурой загадки, несмотря на то, что между этими двумя жанрами имеются серьезные функциональные расхождения (а именно: загадки ставят в затруднительное положение, тогда как пословицы что-то разъясняют). Главным образом, и пословица, и загадка имеют конструкцию «тема – толкование». Односоставные пословицы (простые) или загадки (простые) состоят из одного дескриптивного элемента. Другими словами, каждая единица заключают в себе одну «тему» и одно «толкование». Если в загадках о смысле дескриптивного элемента нужно догадываться, то в пословицах его смысл известен заранее. Принципиальное различие между пословицами и загадками, являющееся структурным, заключается именно в этом, что хорошо прослеживается на примере «*оппозитивных загадок*». Если в загадках видимое противоречие разрешается за счет разгадки смысла загадываемого, то в пословицах, которые также построены на оппозиции, противоречия остаются неразрешенными. Если в загадках противоречия бывают не подлинными, мнимыми, т.е. псевдопротиворечиями, то в оппозитивных пословицах, напротив, противоречия истинные, и их нелегко разрешить, если вообще можно разрешить [2, с. 21].

Структура карачаево-балкарских пословиц и поговорок, употребляющихся с числительными, может иметь разную степень сложности: есть пословицы и поговорки простые с одним дескриптивным элементом, неопозитивные, без отрицания. Например, *Бир* жилтинден эл кюер «От одной искры загорится все село» [3]. И есть пословицы и поговорки простые с двумя дескриптивными элементами, употребляемые в виде однородных членов предложения, оппозитивные, без отрицания одного из членов конструкции. Например, *Бир* кюн базар, бир кюн къазар «Один день базар, один день – наказание». Во втором предложении пословичной конструкции количественное числительное *бир* 'один', выступая в контекстуальном окружении, употребляется в значении прилагательного.

тельного 'другой', например 'один день базар, другой день – наказание'.

Таким образом, можно утверждать, что исследование опыта построения функционально-семантических моделей количественных и собирательных числительных в пословицах и поговорках как частной семиотической системе немотивированных знаков указывает не только на количество предметов, понятий, на значение лексикализованной собирательности, но и манифестирует степень афористичности паремии, ее глубинную смысловую структуру.

Литература

1. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1976. 571 с.
2. Дандис А. О структуре пословицы // Паремиологический сборник. М., 1978. С. 13–34.
3. Къарачай-малкъар нарт сёзле (Карачаево-балкарские пословицы и поговорки) / сост. Х.Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005. 192 с.
4. Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки). Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. 207 с.
5. Современный казахский язык. Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1962. 452 с.
6. Текуев М.М., Улаков М.З. Аспектуальность и средства ее верификации в карачаево-балкарском языке: когнитивный аспект // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2012. № 3(47). С. 218–225.
7. Жекеева Е.З. Габуния З.М., Улаков М.З. К проблеме оценочного характера пословичной картины мира // Известия КБНЦ РАН. 2011, № 2 (40), С. 140–147.

В.А. MUSUKOV, F.A. MAGRELOVA

FUNCTIONAL-SEMANTIC PARADIGM OF THE NUMERALS IN KARACHAY-BALKARIAN PROVERBS

The article is devoted to the study of functional-semantic peculiarities of numerals in karachay-balkarian proverbs, characterized by the presence of sustainable style features. It discusses the performance of the various digits of numerals, as inventory (stock) of language units, as components of bilateral morphology in proverbs and sayings with their lexical-semantic, derivational, and lexical features. The work investigates the case of the formation of reinforcing structures using models of transformational replay.

Keywords: proverb's opposition, oppositional design with negation, contextual environment, the first ten numerals, numeral, quantitative, collective numeral.

Н.Э. Гаджихмедов

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КАК ВЫРАЗИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Статья посвящена изучению национально-культурных особенностей личных имен кумыков. Личные имена отражают особенности менталитета каждой нации. Существуют языковые характерологические признаки определенной яркости для концептуализации ментальных признаков, представленных в системах личных имен. Кумыкская система личных имен несет в себе неповторимую национальную образность мышления, которая наиболее ярко проявляется во внутренней форме семантически прозрачных личных имен. В наибольшей степени национальная специфика проявляется при анализе личных имен с прозрачной внутренней формой и имен, образованных в результате метафорических переносов.

Ключевые слова: личные имена, антропонимы, кумыкские имена, лингвокультурология, этноментальность, язык и культура.

Язык – не только инструмент коммуникации, но и инструмент познания, и коллективное национальное творение – «дом бытия духа народа», которое призвано отражать и сохранять для последующих поколений национальную языковую картину мира. Для человека, стремящегося проникнуть в тайны национальной ментальности, важны именно эти нюансы, а вовсе не перечни возможных структурных схем предложений или парадигмы грамматических форм [6, с. 133].

В наибольшей степени национальная специфика проявляется при анализе структуры именослов с прозрачной внутренней формой. Антропонимы с прозрачной мотивацией отражают образность мышления нации, которая является составной частью национального менталитета. Всякая более древняя стадия развития языка является более прозрачной, чем стадия новейшая, ибо в ней присутствует дух, подчиняющийся живой речи, подсознательным схематическим законам.

У каждого народа есть свой фонд личных имен, национально окрашенный и отличный от всех других. Каждый народ располагает своей логикой, своим представлением об истине, своим набором ментально-лингвальных ценностей, картой понятий, бестиарием (зверинцем) и набором предметов и понятий. Имена собственные во многих случаях отражают ценностную картину мира народа, говорящего на данном языке. В них также фиксируются стереотипы мужественности и женственности, свойственные всем культурам, но по-разному акцентуированные в каждой из них.

Кумыкские мужские имена связаны с понятиями высокого социального статуса, силы, богатства. В старокумыкском и в древнерусском языке много так называемых «княжеских» имен. В именах *Султан, Мурза, Герей, Хан, Бек, Амир, Паша, Шагь* явно выражена эта центральная, организующая и регулирующая роль княжества. У адыгов более 30 «княжеских» женских имен [2], а у кумыков – более 50.

Женские имена, как правило, соотнесены с семантическим полем «внешность», а также с полем вкусовых и тактильных ощущений. В ряде семантических областей мужские и женские имена идентичны. В германских именах преобладает военная символика: и мужские и женские имена смещены в сторону поля «мужественность». При сопоставлении лексико-семантических особенностей личных имен удалось выявить блоки нарицательной лексики, которым отдавалось предпочтение при образовании личных мужских имен. К таковым принадлежат обозначения ведения военных действий, борьбы, названия оружия и его частей, название свойств и признаков человека, именование людей по их социальному положению, роду занятий, месту жительства. В кумыкских и русских именах наблюдается значительно меньше соотнесенность с военной сферой.

Звуковую символику и значения кумыкских и русских женских имен можно также интерпретировать как смещение в сторону концепта «женственность», особенно это касается уменьшительных форм.

Номенклатура современных кумыкских личных имен представляется своеобразной, весьма причудливой мозаикой, составленной из именований древних и новых, исконно кумыкских и заимствованных, традиционных и придуманных, отличающихся друг от друга по структурным и семантическим признакам.

На семантическом уровне некоторые кумыкские сложные имена предстают как своеобразные экзоцентрические композиты. Значение некоторых не выводится из суммы значений составляющих их компонентов: *Айтувгъан*, *Айгелди*, *Алыпкъач*, *Ашагъмат*, *Багъымбек*. Значение других кумыкских сложных имен современный читатель может легко понять. Эти имена представляются уже эндоцентрическими или неидиоматическими сложными словами: *Алтынчач* «золотая коса», *Пашманханым* «грустная, печальная», *Женнеткъыз* «райская девушка», *Тавбий* «князь гор», *Тавбийке* «княгиня гор» и др.

Компоненты сложных имен черпались из особого фонда именных слов. Кумыки верили в магические свойства «благожелательных» именных слов дарить носителю имени защиту и покровительство, богатство, здоровье, благополучие, отвагу, славу, почет и т.д. Сюда относятся, например, следующие слова: *яхшы* «хороший, добродетельный; благоприятный; полезный, подходящий; умелый; добро, дар», *бай* «могущественный; высокого звания; богатый; власть», *таш* «камень», *арив* «красивая», *гёзел* «прекрасная», *асил* «благородная, драгоценная, дорогая», *сююнч* «радость», *гюл* «роза», *чечек* «цветок», *нюр* «луч», *бал* «мед», *сыйлы* «уважаемая», *жан* «душа», *болат* «сталь», *батыр* «герой», *мурат* «цель», *байрам* «праздник». Как красиво звучат имена, образованные на основе этих слов: *Аривжан*, *Гюлкъыз*, *Сыйлыкъыз*,

У тюрков есть множество женских имен с корнем *арив* // *сылу* «красивая»: кум. *Арив* «красивая», *Аривай* «красивая как луна», *Ариват* «красивое имя», *Аривбет* «красивое лицо», *Аривжан* «красивая душа», *Аривзат* «красивая вещь, нечто», *Аривкъыз* «красивая девушка», *Гюнарив* «прекрасное солнце, день», *Жанарив* «красивая душа», *Мингарив* «тысячкратно красивая»; узб. *Сулув*, *Ойсулув*; башк. – *Акһылыу*, *Айһылыу*; татар. *Нурсылу*, *Сылу*, *Сылубикэ*, *Сылуниса* и др. Подобные имена являют собой не предметы, а концепты, они ценностно окрашены. Следовательно, они представляют собой не столько физическую субстанцию, сколько духовную.

Наиболее популярным и часто встречающимся в структуре кумыкских женских сложных имен элементом, отражающим эмоциональный, ласкательный оттенок, является слово *гюл* «роза, цветок». Впрочем, элемент *гюл* «роза, цветок» в составе женских имен широко употребителен не только у кумыков, но и у других тюркских народов, главным образом Средней Азии.

Эпитет *гюл* «роза» часто встречается в сложных женских именах у туркмен [7, с. 77–78], каракалпаков, узбеков [1, с. 138]. Широко распространен он и у казахов [9, с. 75]. В кумыкском языке данный компонент занимает в основном препозицию: *Гюлкъыз*, *Гюлбет*, *Гюлбике*, *Гюлжамал*, *Гюлханум*, *Гюлгъайбат*. Из 140 женских имен с компонентом *гюл* только в шести именах *гюл* занимает постпозицию. Это имена *Айгюл*, *Айгюлю*, *Алмагюл*, *Сюйгюл*, *Асилгюл*, *Къызылгюл*.

Еще больше «розовых» имен в восточно-лезгинских языках, которые испытали сильное влияние азербайджанского языка. Однако в других дагестанских языках такого количества имен с антропокомпонентом *гюл* нет.

Как видно из перечисленных выше женских кумыкских имен, элемент *гюл*, входящий в их структуру, несет не только смысловую, но и формальную, отвлеченную от прямого своего значения *гюл* «роза, цветок» семантику эмоционального, нежного, ласкательного оттенка, придаваемого основному имени. В этих эпитетах сложных женских имен отражаются национальные черты народа, его отношение к женщине. Все это свидетельствует о повышенной эмоциональности, сентиментальности, сердечности кумыкской души, кумыкского национального характера.

Причиной возникновения у древних тюрков столь необычных красивых имен был особый взгляд на слово вообще. По их убеждению, слово могло обладать чудесной силой. Вера в особую магическую силу слова наделяла и личные имена особыми, сверхъестественными свойствами влиять на характер человека и, следовательно, на его судьбу. В некоторые имена закладывалось как бы будущее их носителей. На антропонимическом уровне в качестве оснований для различения можно использовать феномен чрезмерного преобладания оценочно окрашенных личных имен у кумыков.

В другую группу имен входили такие, которые должны были в соответствии с намерениями родителей помочь воспитать в ребенке ту или иную положительную черту характера или просто сулили обладателю этого имени успех и благополучие. Здесь можно встретить такие понятия, как мудрость, доброта, сила, справедливость, благочестие, слава: *Алим* «ученый», *Асил* «благородная», *Асилгюл* «благородный цветок», *Батыр* «мужественный», *Эрболат* (*эр* «мужчина» + *болат* «сталь», *Атлыгиши* «всадник», *Хангиши* «ханская персона».

Названия диких и домашних животных занимают значительное место в именниках разных народов. Эти имена, очевидно, возникли в тот период, когда люди верили в магическую силу слова (имени) и старались придать имени то качество, которое хотели видеть в своем ребенке: здоровье, крепость, силу, ум, находчивость и др. Поэтому преимущественно применялись в качестве имени названия сильных, могущественных зверей: *Арслан* «Лев», *Къаплан* «Тигр» и тотемных животных, как *Бёрю* «Волк», *Лачин* «Соколенок», *Жайран* «Лань». Но кумыки никогда не называли своего ребенка именем *Къаз* «Гусь», *Жымчыкъ* «Воробей», *Къоян* «Заяц», *Мишик* «Кошка», *Къаргъа* «Ворона», *Эркеч* «Козел», *Къой* «Баран», *Сыйыр* «Корова», *Бабиш* «Утка», *Хораз* «Петух» и т.п.

«Птичий» элемент в фамилиях действительно сильнее названий других представителей живой природ. «В России птицы всегда пользовались большой любовью, и множество фамилий произошли от их названий», – пишет Б.О. Унбегаун [10, с. 148]. Однако у зверей в русских фамилиях на каждую положительную характеристику или ассоциацию, приходится минимум 3 отрицательных. У птиц же эти различия более-менее сглажены. Даже в процентном отношении резко видны отличия. Количество положительных характеристик у птиц на 10% превышает такой же показатель у зверей, в то время как отрицательных характеристик птицы имеют на 12% меньше. В кумыкском языке нет ни одного имени с отрицательной характеристикой птицы. Сопоставление одноименных антропосистем в разных национальных языках наиболее ярко демонстрирует различие, несовпадение признаков, которые кладутся в основу номинаций. Такие контрастивные описания – суть демонстрации национально-индивидуального отображения единого содержательного инварианта.

Наименования растений в именнике кумыков встречаются исключительно редко. В русских же фамилиях большое место занимают помимо названий растений названия злаковых и овощей (*Пшеничников*, *Огурцов*, *Морковин* и др.).

Нет в кумыкских именах и названий насекомых.

В антропонимической языковой картине мира очень важную роль играет цвет. Цвет небес – синий или голубой – это цвет постоянства, вечности: им обозначалась принадлежность к небесным, богоизбранным и «осененным» племенам (голубые тюрки), ханам, каганам или животным [5, с. 159]. Вторым основным

цветом для тюрков является белый. Белый цвет, наряду с красным и желтым, составляет символику огня и солнца. Эти цвета – синий, белый и черный, несмотря на отрицательную значимость последнего (злые духи, смерть, угроза, измена), являются основными в классической тюркской древности, а бело-голубая гамма и в современной Турции престижна и универсально респектабельна – это цвет жилых массивов, мебели, особенно в приморских городах, цвет яхт, катеров и отелей [11, с. 79]. В кумыкском именнике заслуживает внимания только два цвета *къара* «черный» (18 имен) и *акъ* «белый» (25 имен). Другие цвета встречаются исключительно редко. Данный фрагмент языковой картины по количеству цветов значительно богаче представлено в русском именнике. Однако если сравнить два цвета – белый и черный – в кумыкском и русском языках в содержательном плане эти концепты в кумыкском выглядят значительно богаче. *Акъбий*, *Акъболат*, *Акъгъз*, *Акъкъыз*, *Акъмурза*, *Акътай*, *Акътемир*, *Акъбет*, *Акъбийке*, *Акъкъыз*, *Акъпатимат* и *Къара*, *Къарача*, *Къарабатыр*, *Къарабек*, *Къарабий*, *Къарагиши*, *Къарагъач*, *Къарамурза*, *Къарахан*, *Къарачай* и др. Антропокомпонент *къара* «черный» в женских именах не используется.

Таким образом, существуют языковые характерологические признаки определенной яркости для концептуализации ментальных признаков, представленных в системах личных имен.

Приведенных примеров достаточно, чтобы почувствовать особенность восточного мировосприятия и мирооценки. Особенное заключается в общей стилистической тональности. Прежде всего, заметна разница в «строительном материале» сопоставляемых антропосистем. Восточные имена тяготеют к возвышенному стилю, к поэтичности, что как нам, кажется, вполне соответствует самому статусу имен национальной языковой картины мира: статусу нравственно-ценностных оценок любых социально значимых жизненных ситуаций и определенных моделей поведения человека в них, статусу информера коллективного опыта; предписаний поведения человека, формирующих национальную иерархию ценностей [6, с. 273]. Возвышенная поэтическая стилистика выражения столь значимого для любого народа ценностного смысла вполне оправдана. Стилистика же русских идеологом ценностного смысла в одноименных фрагментах языковой картины мира оказывается явно сниженной, многие из них отмечены иронией, другие просто оскорбительны (*Косой*,

Дурак, Умник, Щука, Нечай, Меньшак, Пьянов и др.). В ономастической литературе отмечается, что подобные прозвища давались из суеверия, но они отражают и определенные мироощущения и мировосприятие русского человека, его обреченность и пассивность.

В тюркских именниках мы не обнаружили имен-числительных. Зато они практиковались у русских, у славян вообще, а также у других народов мира. Например, у римлян: *Квинт* – пятый, *Секст* – шестой, *Сентимий* – седьмой, *Октавий* – восьмой, *Ноний* – девятый; у арабов: *Вахит, Ахат, Саня, Рабига*. От корней русских имен числительных образовались такие фамилии, как *Первушины, Третьяковы, Десятовы* и им подобные. По именам *Меньшик* и *Меньшой* (младшие в семье) впоследствии возникли фамилии *Меньшиковых* и *Меньшовых*, а по имени первенца – *Старшиновы*. Сопоставление одноименных антропосистем в разных национальных языках наиболее ярко демонстрирует различие, несовпадение признаков, которые кладутся в основу номинаций. Такие контрастивные описания – суть демонстрации национально-индивидуального отображения в одном из фрагментов языковой картины мира.

В кавказском менталитете существует феномен чрезвычайно уважительного, почтительного отношения к родственникам и людям старшего возраста. Это почтительное отношение, очевидно, можно даже назвать культом, а уж считать кавказской культурно-этнической доминантой можно, вне всякого сомнения. Так, у многих народов Кавказа младший брат не обращается к старшему брату или старшей сестре по имени. Для этого существуют специальные термины родства. Невестка, по старым обычаям многих народов Кавказа, не имела права называть по имени мужа, а также свекровь свекра и т.д. Невестку близкие родственники жениха называют не по имени, а *гелиним* «моя невестка», *алтыным* «мое золотце», *гюлюм* «мой цветок», *айдай* «словно Луна». Многочисленные подтверждения табуированию имен находим и в других этносах. Закрепление за именем определенной коннотации – это явление данной культуры, результат сложных ассоциаций, характеризующих именно данный национальный менталитет.

В кумыкском языке, как и в других тюркских языках, существует постоянная потребность соотносить любое имя или предмет с лицом: *анам* «моя мама», *сюнгеним* «моя любимая», *ула-*

ным «мой сын» и т.д. В основе этой категории лежит идея обладания одного объекта другим. Хотя в системе личных имен трудно представить обладание предметом, т.к. сам носитель имени является его обладателем, тем не менее, в кумыкской антропологии мы обнаруживаем показатели принадлежности первого и третьего лица: *Абум, Агъавум, Агъайым, Акъаышым, Атавум; Агъасы, Мамасы, Абасы, Абусу*. В менталитете тюркского человека изначально заложено стремление подчеркнуть принадлежность предмета определенному лицу. Без конкретизации такой принадлежности предметы как бы не существуют. Для тюркского менталитета все вокруг должно кому-то принадлежать [4, с. 127].

Понятие «*сабурлукъ*» («степенность, неторопливость») стоит близко к понятиям «терпение», «тяжесть». Все эти качества особенно ценятся в ситуациях действия и общения, принятия решений, в народной дипломатии и т.д. Отношение к понятию «терпение» явствует из имен *Сабур // Сабир, Сабурхан, Сабуртдин* и др.

Личные имена *Денгиз* «море», *Денгизбий* (денгиз «море» + бий «князь»), *Тавбий* (тав «гора» + бий «князь», *Тавболат* (тав «гора» + болат «сталь»), *Элбий* (эл «страна» + бий «князь»), *Элсюер* (эл «страна» + сюер «полюбит»), *Элтувгъан* (эл «страна» + тувгъан «родился») репрезентируют и пространство, и время, это категория текучести и безбрежности, получившая метафизическую обработку еще в античности [3, с. 73].

В наибольшей степени национальная специфика проявляется при анализе личных имен с прозрачной внутренней формой и имен, образованных в результате метафорических переносов. Имена с прозрачной мотивацией и имена-метафоры отражают образность мышления нации, которая является составной частью национального менталитета. Имена являют собой не предметы, но концепты, они ценностно окрашены. *Бийке* «госпожа» в именах *Акъбийке* «белая княгиня», *Тавбийке* «княгиня гор», *Айбийке* «лунная княгиня», *Байбийке* «богатая княгиня», *Гъайранбийке* «изумительная княгиня» представляет собой не столько физическую субстанцию, сколько духовную [3].

Метафоризация значения имени *Гюмюш* «серебро» содержит элементы пожелания: «драгоценный металл белого цвета» — «символ внутренней чистоты, невинности» [8, с. 116], позднее, в женских именах — «белотелая девушка (женщина)».

Как и любая другая специфика, специфика национально-го менталитета выявляется путем различного рода сопостави-

тельных описаний, каждое из которых имеет собственные цели. Один и тот же фрагмент информационного континуума может члениться логико-понятийным компонентом разных языковых сознаний совершенно по-разному. Вот основные типы подобных различий: несовпадение объемов значений концептов (*ср.* концепт «роза», в тюркских, восточно-лезгинских и других дагестанских языках); различная степень дифференциации значений одноименных концептов (*ср.* концепт «растительный мир» или «бестиарий» в личных именах русских и дагестанцев); лексические лакуны, обнаруживаемые только на фоне других языков (*ср.* «княжеские имена» в антропонимиконе дагестанцев). Лексические лакуны становятся очевидными только при сопоставлении с другими языками. Вне сопоставления они не осознаются носителями языка. Определенным концептам того или иного языка в других языках может не находиться даже приближительных соответствий, т.е. определенные информемы в одних языках, становясь поименованными, переходят в разряд концептов, а в других – нет [6, с. 128].

Личные имена отражают особенности менталитета каждой нации. Практически любая система личных имен несет в себе неповторимую национальную образность мышления, которая наиболее ярко проявляется во внутренней форме семантически прозрачных личных имен. Антропонимикон каждого языка – огромная «кладовая» иллюстративного лингвистического материала для подтверждения тех или иных черт национального характера, один из языковых источников знания о национальном характере и менталитете. При таком подходе языковая картина мира – это база данных, на основании исследования которых только и можно делать заключения об особенностях национального мировидения.

Таким образом, в системах личных имен можно обнаружить специфические черты, которые играют важную роль в формировании национального характера и национального менталитета. Думается, что обилие изобразительных именослов в языках народов Кавказа свидетельствует о такой ментальной черте народа как наблюдательность; от спокойно-пытливого взгляда кавказца не ускользнет ни малейшая деталь, связанная с имяназванием.

Литература

1. Баскаков Н.А. Элемент гул «цветок», «роза» в составе каракалпакских женских имен // Ономастика Средней Азии. М.: Наука. Гл. редакция вост. лит., 1978. С. 138–142.
2. Блягоз З.У., Тхаркахо Ю.А. Адыгейские фамилии и имена. Майкоп: Адыгея, 2002. 204 с.
3. Гаджихмедов Н.Э. Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. Махачкала: ООО «Дагпресс Медиа», 2008. 184 с.
4. Гаджихмедов Н.Э., Гусейнов Г.-Р.А.-К. Кумыкские личные имена, происхождение и значение. Введение в кумыкскую антропонимику. Словарь. Махачкала: ДГУ, 2004. 170 с.
5. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник – 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
7. Сапарова Г. Женская антропонимия туркмен хасарли // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 77–80.
8. Саттаров Г. Ф. Татар антропонимикасы. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. 278 с.
9. Султаньяев О.А. Об основах положительной экспрессии в казахских именах // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 74–77.
10. Унгебаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
11. Урусбиева Ф. Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза. М.: Сергиев Пасад, 2003. 215 с.

N.E. GADJIAHMEDOV

PERSONAL NAMES AS SPOKESMEN OF NATIONAL MENTALITY

Article is devoted to studying of national-cultural features of personal names of kumyks. Personal names reflect features of mentality of each nation. There are exist language characterological signs of the certain brightness for conceptualize the mental signs, presented in systems of personal names. Kumyk's system of personal names bears in itself unique national figurativeness of thinking, which is most brightly shown in the internal form of semantically transparent personal names. To the greatest degree national specific character is shown at the analysis of personal names with the transparent internal form and the names, formed as a result of metaphorical carries.

Keywords: personal names, anthroponomy, kumyk names, linguokulturology, ethnomentality, language and culture.

Ф.П. Эбзеева (Эркенова)

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЗООНИМЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена особенностям процесса обогащения карачаево-балкарского языкового фонда за счет заимствования зоонимической лексики из других языков (арабского, персидского, осетинского, русского и др.). В ней выявляются факторы, способствовавшие интенсификации данного процесса, особенности его протекания.

Ключевые слова: зоонимы, заимствования, карачаево-балкарский, монгольский, арабский, персидский, венгерский, осетинский, русский языки.

Как и другие группы слов, из одного языка в другие заимствуются и зоонимы. Это обусловлено определенными социально-историческими факторами: развитием экономики, расширением и углублением международных контактов, особенно в сфере торгово-промышленных связей. Факт заимствования зоонимов, как и других слов, из других языков был проявлением способности карачаево-балкарского языка обогащаться в процессе языковых контактов карачаевцев и балкарцев с другими народами на разных этапах исторического развития и продолжает оставаться им. Эти заимствования, как и другие, нисколько не вредят самобытности заимствующего языка, потому что, при этом сохраняется основной состав слов, неизменным остается, присущий ему грамматический строй и не нарушаются внутренние законы языкового развития.

Заимствованные зоонимы подразделяются на ранние и поздние. К первым относятся заимствования из монгольского, арабского, персидского, венгерского, осетинского языков, вторым – из русского языка и через его посредство из других иностранных языков.

Заимствование зоонимов, за исключением русских и из других языков через русский язык, прекратилось давно. При этом ранние заимствования претерпели значительные фонетико-фонематические и некоторые семантические изменения, потому что они в абсолютном большинстве своем проникли в данный язык через живое общение, т.е. устным путем.

В последние два-три десятилетия количество зоонимов, заимствованных через русский язык, значительно увеличилось. Это в основном за счет таких морских и хищных животных, как карп, кит, тюлень, морж, дельфин, леопард, пантера, гиена и др., а особенно калек, типа, *бызылдауукъ* «жужелица», *тёрели лемур*, «обыкновенный лемур», *боюнбур* «вертишейка», *акъ тюлю* «песец», *мюйюзбурун* «носорог». Из языков других соседних кавказских народов (сванов, грузин, адыгейцев, армян, чеченцев, ингушей и пр.) в словарях карачаево-балкарского языка ни один зооним не зафиксирован.

Заимствования из монгольского языка

Носители тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, начиная с самих древних времен, вступали друг с другом в длительные и интенсивные соприкосновения, в результате чего, безусловно, оставались следы в их словарном составе, в т.н. зоонимах. Не составляет исключения в этом отношении и карачаево-балкарский язык, в котором насчитывается около 800 слов, параллельно существующих в монгольских и карачаево-балкарском языках, из которых около 100 являются зоонимами, т.е. названиями животных и частей их тела, естественно, подавляющее большинство их имена существительные. Однако к зоонимам относятся и некоторые имена прилагательные, связанные с мастью животных (ср. *бурул* I *буурул* «чалый» (монг. *буурал* / *буурл* «седой, чалый»), *кюрен* «темно-рыжий, темно-коричневый, бурый» (монг. *хурэн* / *хюрэн* / *хюри*(я) «бурый, коричневый»), *кьаратор* (у) «гнедой, вороной» (монг. *харабтур* / *харавтар* / *харвтр* «бурый, черноватый»), *кьолан* «пегий, пестрой окраски, рябой» (монг. *хула* / *хул* «саврасый»), *кьонгур* «темно-бурый, бурый, смуглый» (монг. *хонгор* «светловолосый, светлорыжий; желтая, саврасая игренева масть»), *кьуба* «светло-бурый, светло-желтый, песочный цвет» (монг. *хува* / *хуа* «светложелтый») и др., а также глаголы (*кётлеширге* «сесть на лошадь вдвоем один за другим»

(монг. *хѣтлѣх*), *къантарыгъа* «поставить коней рядом головами в разные стороны и накинуть повод одного на луку седла другого» (монг. *хантайрах* «туго натягивать за что-либо (напр. поводья)», *къыркъаргъа* «стричь» (монг. *хиргаха* / *хяргах*), *чочургъа* «брыкаться, лягаться (о лошади)» (монг. *цочоох* «пугать», *цочих* «пугаться»), *юркерге* «пугаться, шарахаться (о животных)» (монг. *юргэх* / *юргэхэ* и др.)

Зоонимы – имена существительные подразделяются на названия:

крупного рогатого скота: *бугъа* «бык», *ѣгюз* «вол», *кунаджин* «корова-трехлетка», *тууар* «скотина», *марал* «олень, марал»;

мелкого рогатого скота: *къой* «овца», *теке* «козел», *ирк-ирик* «валух», *джугъутур* «горный козел, тур», *джур* «косуля» и др.;

птиц: *джумарыкъ* «куропатка, фазан», *уку* «сова, филин», *дууадакъ* / *дудакъ* «дрофа», (и) *лячин* «сокол», *гугук* / *кукук* «кукушка», *къаргъа* «ворона» и др.

лошади: *ат* «лошадь, конь», *аджир* «жеребец», *байтал* «кобыла», *тай* «жеребенок»; *джоргъа* 1. «иноходец», 2. «иноходь».

При освоении карачаево-балкарским языком у одних зоонимов-монголизмов внешняя форма не изменилась, у других изменилась незначительно, а у третьих изменилась почти до неузнаваемости.

Первая группа – самая незначительная: *зур* – *джур* / *зур* (ц-диал.) «косуля», *къандагъай* – *къандагъай* «лось», *мал* – *мал* «скотина», *марал* – *марал* «олень», *суусар* – *суусар* «куница», *уйа* – *уя* «гнездо», *улов* – *улоу* «верховое или выючное животное, подвода, транспорт», *тэхэ* / *теке* – *теке* «козёл-производитель».

Вторая группа довольно большая: *ас(а)манн* – *азман* «неполноценный баран», *агт* – *ат* «конь, лошадь», *бедене* – *бѣдене* «перепел, перепелка», *тоодог* – *дууадакъ* «дрофа», *ирэг* – *ирк* / *ирик* «валух, кастрированный баран», *хюрен* – *хюрен* «темно-рыжий, темно-коричневый, бурый», *начин* – (и) *лячин* «сокол», *эмник* – *эмилик* «необученный, необъезженный, неприученный к упряже, седлу», *гуначжи* – *къунаджин* «телка по третьему году, трехгодовалая, трехлетка», *мэгэжэ* – *бегеджен* / *мегежин* «свинья, дикая свинья (самка)», *харсага* – *къартчыгъа* «ястреб», *силюгюсюн* – *сюлесин* «рысь» и др.

Третья группа – самая большая, зоонимы, входящие в которую, в количественном отношении в два-три раза превосходят зоонимов первых двух групп: *азрага(н)* – *аджир* «жеребец», *бырагу* – *бузоу* «теленка», *хѣхѣ* - *гугук* – *кукук* «кукушка», *жороо* – *джоргъа*

«иноходец, иноходь», *ухэр* – ёгюз «вол», *юнеэн* – ийнек «корова», *шагапай* – *сауусхан* «сорока», *хараазгай* -къарылгъач «ласточка», *хонъ* – къой «овца», *хуца* – къочхар «баран», *тэмэ* / *тэмгэ(н)* – тюе «верблюд», *ишиг* / *эшэгэн* – эчки «коза», *дагъарий* – *джауур* «нагнет, ссадина (на спине или холке лошади)», *хула* / *хул* – къолан «пегий, пестрой окраски; рябой», *юргэхэ* / *юргэх* – *юркерге* «путаться, шарахаться» и др.

Вышеприведенные заимствованные из монгольского языка зоонимы свидетельствуют о следующем:

монгольскому заднеязычному согласному Х в карачаево-балкарском языке в большинстве случаев соответствуют заднеязычные согласные КЪ, ГЪ и среднеязычный К, а в ряде случаев – среднеязычный звонкий Г: *хон-къой*, *хула-къол*, *хонгор-къонгур* (*х-къ*), *бух-бугъа*, *хорхой-ургъуй* «комар» (*х-гъ*), *тех-теке*, *хюрен-кюрен*, *хехёё-гугук/кукук* (*х-к*), *ухэр-ёгюз*, *нохта-ногт* «узденка» (*х-г*);

немало случаев оглушения монгольских звонких согласных: *бюгсэ-бёксюн* «часть тела Животного», *юргех-юркерге*, *эмниг-эмилик*, *ирег-ирк/ирик* (*г-к*), *дага-тай* «жеребенок» (*д-т*), *гуначжи-къунаджин*, *итоодок-дууадакъ* (*г-къ*);

другие соответствия согласных, а также гласных встречаются редко: *р-з* (*араа-азау* «клык, коренной зуб»), *д-дж* (*дэлэн(г)-джелин* «вымя»), *з-дж* (*азарга* / *азрага(н)-аджир*), *ц-ч* (*харцгай-къартчыгъа*), *н-д* (*начн-(и)лячин*, *мунда-мудла* «холка (лошади)»), *ш-ч* (*ишке-эчки* «коза»), *ю-ё* (*бюгсэ* / *бюхэ-бёксюн* / *бёксюн* «часть тела животного»), *о-ы* (*богино-быгъын* «короткое ребро»), *э-а* (*дэл-джал* «грива»), *э-е* (*дэлэн(г)* / *дэлэн-джелин* «вымя»), *о-у* (*тогоруу-турна* «журавль»), *ё-у* (*хёхёё-гугук* / *кукук*);

нередки случаи вставки гласных между согласными (*эмниг-эмилик*, *харцгай-къартчыгъа* «ястреб», *омруу-омурау* «позвонок», *гунжан-къунаджин*), а также прибавления их к концу слова, оканчивающемуся на согласный (*тюл-тёлю* «приплод», *тек-теке* «козел»).

Семантика заимствованных зоонимов также претерпела значительные изменения, которые сводятся к следующему:

многие зоонимы употребляются в другом значении: *асаман* «имеющее одно детородное яйцо» – *азман* «баран, кастрированный в возрасте старше года», *угуча* «хвостовая кость у животных, задница», *уча* «туша», *буга* «олень, изюбр» – *бугъа* «бык, бугай», *бююргэ* «вошь» – *бюрчэ* «блоха», *сэкигъэк* «первый желудок (у коровы)» – *санкъылчакъ* «книжка, третий желудок у коровы» и др;

у ряда зоонимов наблюдается сокращение значений: *ухэр* «вол, корова» – *ёгюз* «вол», *сээр* «круп, зад лошади, выделенная кожа из задней части осла, лошади, мула, юфть» – *сауру* «круп» и др.;

имеют место случаи утери у зоонимов собственного (т.е. зоонимического) значения (*хун(г)* «лебедь» – *кьуу* «пух») и становления не зоонима зоонимом (*цочих* «путаться») – *чочургъа* «брыкаться, лягаться (о лошади)».

Займствования из арабского языка

Проникновение арабских зоонимов, как и арабизмов вообще, исследователи относят ко времени «... задолго до принятия ислама карачаевцами и балкарцами, через посредство языка древнетюркских племен Северного Кавказа и Поволжья, участвовавших в их этногенезе» [2, с. 127].

Из двухсот с лишним арабских заимствований [2, с. 127] зоонимами являются лишь несколько: *боракъ* «животное, на котором Мухаммед якобы вознесся на небо», *мал* «скотина, домашнее животное, скот», «имущество, достояние, богатство (деньги, скот) и др.», *хайыуан* «животное, зверь, скотина», *кьундуз* «куница», *пил* «слон».

Займствования из персидского языка

По свидетельству исследователей, «... установить генетическую принадлежность того или иного слова к одному из этих двух (арабского или персидского – Ф.Э.) языков часто нет возможностей, так как очень многие из арабских и персидских слов являются общими для них обоих» [2, с. 170].

Исходя из этого, многие исследователи их не разграничивают, называют «арабскими» [2, с. 127–150] или арабо-персидскими [1, с. 56–69].

Однако мы решили выделить зоонимы, заимствованные из персидского языка в отдельную группу: *гаммеш* «буйвол, буйволица», *жаньуар* «животное», *кьадыр* «мул», *кьаплан* «тигр», *марал* «лань», *суусар* «куница», *хораз* (балк.) «петух», *чабакъ* «рыба», *булбул* «соловей».

Заимствования из венгерского языка

В современном карачаево-балкарском языке насчитывается свыше трех десятков венгеризмов. По мнению некоторых лингвистов, большая часть их является «... общим достоянием от языка древних носителей, которые участвовали как в формировании карачаевцев и балкарцев, так и венгров» [2, с. 150]. С нашей точки зрения, все эти слова в карачаево-балкарский язык попали через венгерский.

Среди них имеется несколько зоонимов: *okor-ëğюз* «вол», *serke-sirke* «гнида», *tyuk-тауукъ* «курица».

Заимствования из осетинского языка

Из двухсот с лишним общих осетино-карачаево-балкарских слов, возникших в период совместного проживания дигорцев и цокающее-зокающих балкарцев (XIII–XVI вв.), примерно третья часть является осетинской, из которых шестнадцать – зоонимы: *зырнэг-зурнук* (балк.) «лебедь», *дордонэ-дордан/ дёрден* «зоб (у птиц)», *зэбодур-джугъутур* «горный тур», *уг-уку* (балк.) «сова», *мэга* «бекас» – *мыга* «перепел», *зумаргъ-джумарыкъ* «горная индейка», *ду-зад* букв., «дважды рожавшая» – *узада* «овца трех лет», *биттир-биттир* «летучая мышь», *гэбу* «клещ» – *гыбы/ губу* «паук», *уэнык-ууанык* «бычок», *кэлэу* – *гылыу* «осленок», *зайэн* – *зайын* «яйцо-подкладыш, подклад», *газа/ гасса-гаджи* «сука», *къэвдх* – *габдеш/ къъуудыш/ гыбыдыш* (ц- диал.) «ясли, кормушка для скота», *хэмхоттэ* – *хамхот* «морда», *саскэ* «комар, мошка, вообще мелкое насекомое» – *саскы* «овод».

Большинство приведенных заимствований карачаевцами и балкарцами освоено в соответствии с фонетическими закономерностями их языка, а именно:

1) законом сингармонизма, согласно которому гласные слова (и словоформы) должны быть только одного ряда, переднего (и, е (э), ю, ё) или заднего (ы, а, о, у): *дордонэ* – *дордан/ дёрден*, *зырнэг* – *зурнук*, *уэныг* – *ууанык*, *гэбу* – *гыбы/губу* и др.;

2) разряжение гласным несвойственного сочетания согласного: *къэвдх* – *габдеш/ куудыш/ гыбыдыш*, *зумаргъ* – *джумарыкъ*;

3) нехарактерностью концу слова парных звонких согласных г, гъ, и заменой их в заимствованиях глухими парами: *уэныг* – *ууанык*, *зырнэг* – *зурнук*, *зумаргъ* – *джумарыкъ*.

Что касается замены начального *з* на *дж* (*зумаргъ* – *джумарыкъ*, *зэбодур* – *джугьутур*), то это объясняется несвойственностью началу слова *з*, *ч/дж* (опорному) диалекту карачаево-балкарского языка и заменой его согласным *дж* в тех случаях, когда в малкарском говоре слова начинается на *з* (ср. *зол* – *джол* «дорога, путь», *зыл* – *джыл* «год», *зара* – *джара* «рана», *зоритургъа* – *джортаргъа* «идти рысью (о коне)» и др.).

По сравнению с заимствованиями из монгольского языка в заимствованиях из осетинского языка семантических различий при их освоении значительно меньше; ср. *саскэ-саскы*, *ду-зад* – *узада*, *гэбу* – *гыбы* / *губу*.

Заимствования из русского языка

К русским заимствованиям мы относим и те, которые заимствованы русским языком из других языков (кроме тюркских), но вошедшие в карачаево-балкарский язык через русский.

Если общее количество заимствованных из русского языка слов доходит до трех-четырёх тысяч, то зоонимов среди них менее ста. Видимо этим можно объяснить тот факт, что некоторые исследователи карачаево-балкарской лексикологии, уделяя огромное внимание заимствованиям из русского языка, не приводят ни одного зоонима. Так, в монографии, посвященной лексикологии карачаево-балкарского языка, И.М. Отаров подробно охарактеризует сотни названий тканей, пищи, предметов, косметики, единиц измерения, школьных принадлежностей, средств связи, профессий, медикаментов, средств транспорта и др. Заимствования из русского языка, а также других языков через него, их освоение в карачаево-балкарском языке [1, с. 82–96]. Однако среди них нет ни единого зоонима.

В кандидатской диссертации Ш.А. Шаваевой, посвященной зоонимической лексике карачаево-балкарского языка, достаточное внимание уделено зоонимам, заимствованным из русского языка, и калькам как разновидности их [3, с. 9–10].

Однако значительная их часть непонятна карачаевцам и балкарцам, потому что являются кальками, полукальками, искусственно созданными: *сегизаякъ* «осьминог», *тенгиз джулдуз* «морская звезда», *балыкъджылан* «рыбозмей», *кавказ саламандра* «кавказская саламандра», *джитиджух макъа* «остромордая лягушка», *суу тауукъ* «водяная курица» и др.; *тау чаука* «галка

альпийская», *джыланбаиш макъа* «змееголовая лягушка», *акъ горилла* «горилла-альбинос», *тёрели лемур* «обыкновенный лемур», *акъ тюлкю* «песец», *къара какаду* «черный какаду» и др.; безгелдек «стрепет (птенец)», *сыркъылдакъ* «бормотушка обыкновенная», *батбадакъ* «дрозд серый», *бытылдакъ* «травник» (искусственно созданы по образцу *дууадакъ* «дрофа»), *пил балыкъ* «морж», *турна балыкъ* «щука», *чайкъар* «крачка лесная», *джууулдар* «сверчок», *къанкъууда* «гагара», *къалтакъарын* «кенгуру», *себей ракой* «енот-полоскун», *чумгъа* «нырок (утка)», *чумгъалакъ* «вьюрок (самец)» и др.

Этих зоонимов нет ни в одном словаре карачаево-балкарского языка. Зато в этой работе не упоминаются многие общеупотребительные зоонимы, заимствованные из русского языка: котик, кенгуру, пони, леопард, барс, камбала, попутай, горилла, ондатра, нутрия и др.

В диссертации не приводятся зоонимы типа *мамулес* «бегемот», *къатан* «черепаха», *жёбелеу* «воробей», *къылды* «удод», употребляемые в некоторых тюркских языках, а также заимствованные из русского языка тапир, нерпа, орлан, тритон, баклан, питон и др. Это и правильно: они совершенно не известны для карачаевцев и балкарцев.

Зоонимы, заимствованные в карачаево-балкарский из русского языка, можно подразделить на 4 группы:

собственно заимствования, освоенные карачаевцами и балкарцами: *акула*, *кит*, *дельфин*, *меринос*, *пони* и др.;

кальки: а) полные кальки: *джёр бюрче* «земляная блошка», *бёрюбас* «волкодав» *джыртхыч къуиш* «орел-стервятник» и др.; б) полукальки: *гардош/картоф*. *къамыжакъ* «колорадский жук», *мюрзеу* *къамыжакъ* «амбарный жук» и др.;

неологизмы: *алтыаякъ* «таракан», *джалман* «тушканчик», *деудеу* «горилла», *самсар* «варан», *хырбай* «хамелеон» и др.;

окказионализмы: *сынчыуукъ* «поползень», *бызылдауукъ* «жу-желица», *къуугъуч* «погоныш» и др.

Литература

1. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1996. 222 с.
2. Хаджилаев Х.-М.И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд-ние Ставропольского кн. изд-ва, 1970. 160 с.

3. *Шаваева Ш.А.* Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2009. 24 с.

F.P. EBZEEVA (ERKENOVA)

**BORROWED ZOONYMS
IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE**

Article is devoted to features of process of enrichment of karachay-balkarian language fund due to loan zoonymical lexicon from other languages (arabian, persian, ossetic, russian, etc.). In it the factors assisted an intensification of given process, feature of its course come to light.

Keywords: zoonyms, loans, karachay-balkarian, mongolian, arabian, persian, hungarian, ossetic, russian languages.

А.Т. Додуева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена времени – важнейшему концепту культуры карачаевцев и балкарцев. Результаты постижения времени человеком находят отображение в языковой модели времени, представленной совокупностью языковых категорий.

Ключевые слова: концепт, времена глагола, неличные формы глагола, пространственные наречия, послелоги.

Пространство и время – фундаментальные категории философии, естествознания, социологии, физики и других гуманитарных и точных наук, «система координат», при помощи которых люди воспринимают мир и создают его.

Время – форма протекания всех механических, органических и психических процессов, условие возможности движения, изменения, развития. Время – продолжительность, длительность чего-нибудь, измеряемая секундами, минутами, часами. Системно-языковая точка отсчета – временной дейктический центр – представляет собой сложившееся в данной языковой системе и ее подсистемах отражение внеязыкового момента речи как того центра временной ориентации, который выступает в процессе речи и в речевых произведениях. «Это необходимо мотивировать как внутренним своеобразием языка, так и степенью разработанности соответствующих научных методик» [2, с. 263]. Чтобы... «понять и истолковать исследуемое явление» целесообразно пользоваться «принципом понимания» [3, с. 202].

Время – мера длительности всего происходящего, существующего: **Москва(ны) заманы** «*время московское*»; последовательная смена минут, часов, лет и т.п.: **заман кетди** – *время прошло*; ка-

кой-либо отрезок времени: **заманны оздур, заманны кьорат** «*проводит время, займает время*»; пора дня, недели, года и т.п.: **Кюз арты. Кём-кёк кёк, салькьын чууакъ кюнле** (М.Ш.) – *Осень. Синее-синее небо, ясные прохладные дни; досуг; определенный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т.д.*: **Аны бир айтырыгы барды. Омар келлик заманны сакълайыкъ да, кёрюрбюз** (М.Т.) – *Он хочет что-то сказать. Подождем прихода Омара и посмотрим*; период, эпоха: **уруш заманда** «*во время войны*»; грамматическое время глагола: **озгъан заман, бусагъат заман, боллукъ заман** «*прошедшее время, настоящее время, будущее время*».

Время – загадочный феномен, близко касающийся человека, интуитивно, как будто бы, ясный, но и противоречивый и не поддающийся экспликации [1]. Часть «парадоксов», связанных со временем, объясняется, если принять во внимание возможность двойного подхода к событийной упорядоченности. При «архаичном» подходе мир представляется стабильным, неподвижным, а время – движущимся мимо него в направлении от будущего (позднего) к прошлому (раннему). Это представление отражено в таких выражениях, как **заман барады / учуп барады, саркъады** «*время идет, летит, течет*»; **заман келгенди / заман жетгенди** «*пришло время*»; **ётген жыл** «*прошедший год*»; **заманнга ёмюр жокъ** – «*у времени нет века*». При таком представлении то, что было раньше, воспринимается как идущее впереди, предшествующее, а то, что должно произойти позже, – как идущее следом, следующее. Именно это представление лежит в основе темпорального употребления многих первоначально пространственно-двигательных наречий и послелогов: **алгъа** «*раньше*», **артда** «*потом*», **андан сора** «*затем, после*» и т.п. Однако более современное представление о времени предполагает совсем иную картину: время постоянно и неподвижно, а «лицо» движется «мимо» него в направлении от прошлого к будущему. Такой подход в большей степени укладывается в научную картину мира.

Противопоставление двух типов «двигательной» метафоры времени: движения времени (движется время) и движения во времени (движемся мы), – следует отличать от противопоставления «активного» и «созерцательного» подхода ко времени. Активный подход нередко соответствует «современному» пониманию времени: раз мы движемся во времени, то, чтобы попасть в будущее, «надо прилагать усилия, надо торопиться». Но активный

подход возможен и при традиционном представлении о времени: время идет мимо нас, убегает, «его надо не упустить» (**дуния тохтамаз, заман къайтмаз** – *жизнь не остановится/не прекратится, время не вернется*). С другой стороны, созерцательный подход хорошо согласуется с позицией наблюдателя за движущимся временем, т.е. с традиционным пониманием (**заманнга кёре атла** – *шагай по времени*).

Пространственные и временные отношения, как известно, являются одним из типов базовых отношений, воспринимаемых человеком и отражаемых формами языка, в самом общем виде выражающие сопряженность какого-либо предмета, действия (события), признака с точкой локума, относительно которого определяется их местонахождение и характер. Через сознание и практику структура языка в конечном счете отражает структуру бытия. Сознание отражает действительность, а язык обозначает ее и выражает мысли.

События существуют во времени. Различают время объективное (физическое) и субъективное (психологическое); историческое, художественное, библейское, время по хижре, декретное, космическое и др. Человек живет в разных временах – астрономическом, историческом, возрастном, сакральном, профанном (обыденном, несвященном) и др.

Результаты постижения времени человеком находят отображение в языковой модели времени, представленной совокупностью языковых категорий: формами глагольного времени, неличными формами глагола (**жауун жаугъанда / жауун жаугъан заманда** – *когда шел дождь*), в значениях существительных с временным значением или с темпоральной окраской (**такъыйкъа** – *секунда, минута*, **сагъат** – *час*, **чакъ** – *время, пора, период*, **кюн** – *день*, **кече** – *ночь*, **жыл** – *год*, **къыш** – *зима*, **кёчгюнчюлюкде** – *в изгнании*, **урушда** – *на войне* и др.), прилагательными и наречиями с темпоральным значением (**къарт** – *старый*, **жаш** – *молодой*, **къышхы** – *зимний*, **бюгюннгю** – *нынешний*, **кюндюзгю** – *дневной*, **тюненеги** – *вчерашний*, **ингирги** – *вечерний*, **эрттенниги** – *утренний*, **кечеги** – *вечерний*, **бусагъатдагъы** – *теперешний*, **эрттеги** – *прежний*, **бюгюн** – *сегодня*, **тамбла** – *завтра*, **тюнене** – *вчера*, **кечегиде** – *вечером* и др.).

Заман – *время*, **кезиу** – *пора*, **чакъ** – *время, пора, период*, **ууахты** – *небольшой промежуток времени; момент* – называют фразу космологического цикла, который много раз реализуется в при-

роде и жизни человека: **жаш заман** – *время молодости*, **жашлыкь** – *молодость*, **сабан сюрген кезиу** – *пора пахоты*, **терекле чакъгъан заман** – *пора цветения садов*, **къыркъар /къыркъар-да** – *время /во время осенней стрижки овец*, **нартюх орулгъан заман** – *пора уборки кукурузы* и др. Лексема **кезиу** – *пора* объемлет именно те случаи, когда время повторяется в виде формы, в которую облакаются индивидуальные судьбы и образы. Лексема **заман** – *время* ассоциируется с линейной моделью времени, оно является необратимым, неповторимым: **Николайны заманы** – *во время правления царя Николая*), **Хрущёвну заманы** – *во время правления Хрущева*, **Сталинни заманы** – *во время правления Сталина*, **Совет Союзнун заманы** – *во времена Советского Союза*, **кёчгюнчюлюкню заманы** – *во время переселения / выселения народа*. Время может быть недавним, далеким, прошедшим, ближайшим и т.д. Признаки антропоцентричности также нашли отражение в языковой модели времени: **сабийлик** – *детство*, **жашлыкь** – *юность, молодость*, **хайт деген заманым** – *когда был в силе*, **къартлыкь** – *старость*. Выделение периодов, характеризующих возрастные особенности человека, накладывают на объективное время определенные рамки (**жаш заман** – *насыпны заман* – *молодость – счастливое время*).

Время линейно и необратимо. Время нельзя остановить, повернуть вспять (**ётген / озгъан заман къайтмаз / артха къайтмазлыкь заман** – *ушедшее время не вернется / невозвратное время*; **тюшген алтын табылыр, озгъан заман табылмаз** – *потерянное золото найдется, потерянное время не найдется*).

То или иное отношение ко времени присуще любому высказыванию. Это нашло отражение в тех синтаксических концепциях, которые, пользуясь разными системами понятий и терминов, включают категорию времени в число обязательных признаков предложения. Момент речи как центр временной ориентации – это особая манифестация точки зрения говорящего, заключающая в себе признаки того отсчета, исходного пункта определенной направленности в языковой интерпретации времени.

Литература

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
2. Бижева З.Х., Улаков М.З. Лингвокультурологический аспект модернизации этносоциального пространства Северного Кавказа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 6 (44). С. 259-263.
3. Улаков М.З. Избранные труды. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН. 2010, 364 с.

A.T. DODUEVA

REPRESENTATION OF TEMPORAL RELATIONS IN THE KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

This article is devoted to the Time, as the most important concept of the culture of karachay and balkarian people. The results of comprehension of the Time by a person are reflected in the linguistic model of the Time, which is represented by the complex of linguistic categories.

Keywords: concept, tenses of the verb, non-personal forms of the verb, spatial adverbs, postpositions.

С.М. Хуболов, Л.М. Малкандуева

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются структурные типы двух- и трех компонентных компаративных фразеологических единиц карачаево-балкарского языка. Наибольшей частотностью употребления среди них характеризуются те единицы, в которых средством выражения компаративных отношений является сравнительная частица -ча.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, компаративные фразеологические единицы, грамматическая структура, существительное, аффикс.

Единство формы и содержания фразеологического знака предполагает наличие у фразеологической единицы (ФЕ) не только содержания, но и внешней структуры, материализованной в определенных языковых способах и средствах. Как справедливо отмечает В.Н. Телия, «фразеологизм представляет собой целостную структуру, и поэтому только комплекс структурных признаков может служить достаточным основанием для определения сущности характеристики фразеологизмов и их различных типов» [3, с. 170]. Фразеологические единицы состоят из определенных, всегда одних и тех же частей, тесно связанных между собой как части целого и располагающихся друг за другом в относительно строго установленном порядке. Поэтому структурно-грамматическая природа ФЕ является важным аспектом исследования ФЕ. Прежде всего, в отличие от семантической структуры грамматическая структура ФЕ функционально обусловлена грамматическими значениями составляющих фразеологизм компонентов, соотносясь с ними в омонимических отношениях, так как ФЕ обладают такими

же грамматическими значениями, что и организующие фразеологизм слова. Отличие между ними заключается в функциональном назначении грамматического значения слов в сфере ФЕ, особенности которого проявляются в определенном ограничении реализации парадигмы грамматических форм, присущей словам.

Вопросы, касающиеся грамматической организации фразеологических единиц, уже давно стали предметом лингвистических исследований, так как фразеологизм является не только семантической, но и грамматической единицей. В силу этого неправомерно отвергать целесообразность и необходимость анализа грамматической структуры фразеологизмов. На первый взгляд может показаться, что структурно-грамматический анализ фразеологизма мало дает для выяснения природы этой языковой единицы. Факты языка, однако, говорят об обратном. Значение ФЕ неразрывно связано с ее структурой, изучение которой позволяет глубже познать семантическую структуру ФЕ. Функционирование ФЕ обусловлено ее структурными особенностями, следовательно, познание грамматической структуры дает возможность проникнуть в функциональный план ФЕ.

Некоторые сведения о компаративных фразеологизмах имеются в работах, посвященных изучению отдельных вопросов карачаево-балкарской фразеологии [1; 2; 4; 5; 6], но предметом специального изучения на материале исследуемого языка они еще не стали. В данной статье рассматриваются структурно-грамматические типы двух- и трехкомпонентных компаративных фразеологических единиц (КФЕ) карачаево-балкарского языка.

Двухкомпонентные КФЕ в карачаево-балкарском языке представлены следующими моделями:

существительное + существительное с аффиксом -ча: Ала экиси да, бир атны кьулакъларыча, бир бирден айырылып болмагъан эки тенг жашдыла (Х.О.) «Они оба как уши одной лошади, никогда не расстаются». Малкъарлыланы ин минчакъча кёргендиле, андан-мындан хапар соргъандыла (Д.Т.) «К балкарцам относились как к чему-то очень дорогому». Борчлубуз китапланы кёз гинжича кёрюрге (Х.К.) «Мы обязаны беречь книги как зеницу ока». Къазан кьурукъча, бригадирни башы халкъ ортасында кёрюне эди (М.Т.) «Среди людей мелькала голова бригадира, как шест котла». Былайдан битеу Нальчик кьол аяздача кёрюнеди (И.Г.) «Отсюда весь Нальчик виден как на ладони»;

существительное + существительное с аффиксом **-лай**: Сиз да, баш битлей, тас бодуп кетесиз, кьайда кёрюнмейсиз (А.Х.). «Исчезаете, как виш, почему вас не видно?»;

существительное + глагольная форма с аффиксом **-ча**: Ол сени адам танымача этерик эди, алай айырымаса (Ж.З.) «Он бы сделал так, чтоб тебя никто не мог потом узнать». Сапият, жиян ургъанча, секирип ёрге кьопду (Ж.Т.) «Сафият резко встала на ноги, будто ударила змея». Масхут, китапха къарагъанча, тюз айтады (Б.М.) «Масхут, будто прочел из книги, все сказал верно». Халимат Зулкъарнейни кёргенде, кюн тийгенча бодду (Б.Г.) «Когда Халимат увидела Зулкарнея, вся засияла». Сууукъ суу къуйгъанча, Зубайны санларына сууукъ терлеу чапды (А.Т.) «Как будто облили водой, тело Зубай покрылось холодным потом». Хажирет, тилин жутханча, абери айталмайды, эсин толу жыялмайды (З.З.) «Хажирет, как будто проглотил язык, ничего не может сказать, не сообщает»;

существительное + сравнительное слово **кибик**: Сен а, мырхык кибик, бир жабышсанг, айырыла билмеучосе (И.Г.) «Ты, как репейник, как прицепишься, никак не отцепишься». Мадина, кундуш кибик кийинирге, ариу затла кьерге, моданы тутаргъа бек сюеди (М.Т.) «Мадина, как чемерица, любит одевать красивые вещи, следить за модой». Узун чачы, ариу саны, оймакъ кибик ауузу бу къыз бек ариугъа санала эди (К.ж.) «Она была красавицей: длинные волосы, стройный стан, рот как наперсток». Харун, обур кибик, эки сюйгенни арасына кирип, болгъанны бузуп ийди (Ж.Т.) «Харун, как оборотень, встал между двумя влюбленными и все испортил». Тили, бичакъ кибик жютюдю (О.Х.) «Язык острый, как нож». Аны ауузу жиян кибикди (М.Т.) «У него язык как у змеи»;

прилагательное + существительное с аффиксом **-ча**: Магомедни сёзлери жюрегинге сары жауча жагъыладыла (К.ж.) «Слова Магомеда словно маслом намазаны». Бу адамны хар сёзю сары чибинча сынсытады (К.ж.). «От каждого его слова ноешь, как от укуса осы».

Трехкомпонентные КФЕ в карачаево-балкарском языке являются наиболее распространенными и представлены различными моделями:

существительное + послелог **«бла»** + глагольная форма с аффиксом **-ча**: Амырханланы кишиле, ол хапаргъа, кьоллары бла тутханча, толу ийнанып сёлешедиле (Л.С.) «Они говорили с такой уверенностью, будто видели собственными глазами»;

существительное + существительное + глагольная форма с аффиксом **-ча**: Жиян мурсаны сюйгенча (Б.Г.) «Как змея любит

крапиву». Айыу куркасына киргенча, ингир салктыннга дери кьошларына кирип, хазна тышына чыкьмайдыла (Ж.Т.) «Как медведь в берлогу, они заходили в кошару и до вечера не выходили». Гордаш ит туманнга юргенча эте айланнганлыкьгьа, бизге боллукь хата жокьду (Б.Г.) «Пуškai Гордаш гавкает как собака, лающая на туман, мы от этого не страдаем»;

существительное + существительное + глагольная форма с аффиксом **-лай**: Машокга сом атханлай болады бу тон манга (К.Ж.) «Я в этом пальто, словно рубль в мешке»;

существительное + существительное + сравнительное слово **«кибик»**: Бу да кимге кюле болур ахырат сюек кибик? (З.) «Над кем он смеется, сам он как кость?». Ай жаш, байрым адакьа кибик, бу кьадар кьолан кийимни да кьайдан тапханса? (С.Т.) «Откуда у тебя эти разноцветные вещи, ты в них, как петух на празднике?»;

прилагательное + существительное + сравнительное слово **«кибик»**: Ол жаш мазаллы, кенг жауурунлу, кёкюреги уа андыз жамычы кибик тюкю эди (З.) «Парень был здоровым, широкоплечим, а грудь – волосатой, как бурка». Мени кьоншум, тегерекдегиле бла, гырнау киштик кибик, кьуру сёз болгьанлай турады (М.Т.) «Мой сосед, как дикая кошка, со всеми ссорится». Биреу, эринчекликге хорлатып, заманын, калак ит кибик, эл тюбюнде ашыра эсе, ол жарлыдан да жарлыды (З.Т.) «Если человек проводит свои дни как дворняга, то этот человек беднее всех бедных»;

числительное + существительное + глагольная форма с аффиксом **-ча**: Ол жерчигин он бармагьын билгенча биледи (Ж.З.) «Он эти места знает, как своих пять пальцев»;

существительное + причастие + сравнительное слово **«кибик»**: Санга аллай ууакь жумушчукьланы этдирген, – бурунумдан кьаным келген кибикди (М.Г.) «Поручить тебе такие мелкие дела, – это для меня как кровь из носа». Сабийле, гырмык ийген кибик, кюнню кюн узуну ашагьанлай турадыла (К.Ж.) «Дети целыми днями кушают, будто пускают перевясло». Бу неге жетерикди, кёзге кьуярыкь кибик (М.Т.) «На что это хватит, как глазные капли»;

прилагательное + глагольная форма + сравнительное слово **«кибик»**: Айхай, Тохтарны бир кёрген – манга дуниягьа жангьдан туугьан кибик эди (Ж.З.) «Увидеть Тохтара разок – это для меня будто заново родиться»;

прилагательное + существительное + существительное с аффиксом **-ча**: Не этейик, турабыз ма былай, кёргенингча, жарлы

юйню киштигича, олтуруп (Л.С.) «А что нам делать, как видишь, сидим, как кот бедной семьи»;

существительное + союз «**бла**» + существительное с аффиксом **-лай**: Эртте-кеч болса да, биз жилин бла макъалай айырылдыкъ эдик (Б.М.) «Рано или поздно, мы бы расстались как змея с лягушкой». Къазакъ бла Тебо, айхайда, ит бла бёрюча жашайдыла (А.Т.) «Казак и Тебо живут как собака с волком»;

существительное + глагольная форма + существительное с аффиксом **-ча**: Бу адам неге ушайды, жауунда жибиген тауукъча? (М.Т.) «На кого он похож, как мокрая курица?». Не этедиле бу адамла, къаннга къычыргъан тууарлача, дунияны дауургъа алдырып (З.) «Что творят эти люди, орут, будто коровы, увидевшие кровь»;

существительное + деепричастие + глагольная форма с аффиксом **-ча**: Алай, ёзеннге тюшгенлей, тюбю тюшюп къалгъанча, жауун алай уллу къуйду (А.Х.) «Когда они спустились в степь, начался сильный дождь и не переставал, будто без дна». Акъ кёлеги, суугъа сугъуп чыгъаргъанча болуп, терлегени аркъасына жабышханды (Ж.Т.) «Он так вспотел, будто его рубашку в воду окунули». Как справедливо отмечают лексикографы: «Неумение выявлять компонентный состав фразеологических единиц приводит к ошибочному признанию одной из них за две и более самостоятельные единицы» [7, с. 186].

Из изложенного видно, что основными средствами оформления компаративных отношений между элементами устойчивых словосочетаний в карачаево-балкарском языке являются сравнительные частицы **-ча**, **-лай** и слово «**кибик**».

Литература

1. Гузеев Ж.М., Мизиев А.М. Фразеологизация свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 2013. 190 с.
2. Жарашуева З.К. Вопросы фразеологии современного карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1973. 24 с.
3. Телия В.Н. Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. 86 с.
4. Хуболов С.М. Синтаксические функции фразеологизмов карачаево-балкарского языка // Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 39–47.
5. Хуболов С.М., Улаков М.З. Адвербиальные фразеологизмы как репрезентаторы различных типов конкретизаторов в карачаево-балкар-

ском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2014. № 2. С. 62–69.

6. Хуболов С.М. Семантические разряды компаративных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 1. С. 290–294.

7. Гузеев Ж.М., Улаков М.З. Фразеология современных тюркских языков и проблемы ее словарной разработки // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: Сб. ст. в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур. 2010. С. 177–186.

L.M. MALKANDUEVA, S.M. KHUBOLOV

**STRUCTURAL TYPES
OF COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS
IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE**

The article deals with the structural types of two- and three-component comparative phraseological units of karachay-balkarian language. The highest frequency of use among them is characterized by the units in which the expressing of comparative relations is made by means of relative particle **-cha**.

Keywords: karachay-balkarian language, comparative phraseological units, grammatical structure, noun, affixes.

С.М. Хуболов, Л.М. Малкандуева

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются синтаксические функции компаративных фразеологических единиц карачаево-балкарского языка. Данная проблема в исследуемом языке не получила должного освещения, хотя ее разработка имеет большое значение при изучении других вопросов фразеологии. Анализ материала показывает, что для подавляющего большинства компаративных фразеологизмов характерна функция различных типов обстоятельства.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, компаративные фразеологизмы, синтаксические функции фразеологизмов, обстоятельство, сказуемое.

Среди фразеологических единиц карачаево-балкарского языка компаративные фразеологические единицы (КФЕ) отличаются своей многочисленностью и разнообразием лексического состава. «Они имеют большой удельный вес в фразеологическом фонде современного языка и обладают высокой частотностью употребления... В самом деле каждый язык богат образными оборотами, в основе которых лежит сравнение. Последнее является наиболее естественным и древним способом выражения, возникшим вместе с языком как одно из важнейших проявлений его выразительных возможностей» [3, с. 119]. Некоторые сведения о компаративных фразеологизмах карачаево-балкарского языка имеются в работах З.К. Жарашуевой [2], Ж.М. Гузеева и А.М. Мизиева [1]. Одной из малоработанных проблем в сфере карачаево-балкарской фразеологии, за малым исключением [4; 5; 6;], является вопрос о синтаксических функциях компаративных фразеологических единиц. На наш взгляд, разработка этой проблемы имеет большое значение при изучении вопро-

са о средствах выражения членов предложения. КФЕ чаще всего в составе предложения употребляются в роли обстоятельства. Ими выражаются следующие его типы:

1) *обстоятельство образа действия*: Ёлюр гебенек кесин отха атханлай, тонгуз жухунгу сен, Германия, бизге узатханса (Б.А.) «Ты, Германия, как бабочка перед смертью бросает себя в огонь, направила свою свиную пасть к нам». Суу аллын тыйган эмегенча алларына сюелип не ары, не бери ётерге кьоймай тохтады (М.Т.) «Встал, как эмеген, преградивший воду, и не пропускает людей». Сен, сабийни кьалач бла алдагьанча, мени ахча бла алдаргьа кюрешме (Ж.Т.) «Не пытайся обмануть меня деньгами, как ребенка конфетой». Зарифден ахчамы, ит ауузундан сюек алгьанча, кючденбутдан алдым (З.) «Еле забрал свои деньги у Зарифа, как будто отобрал кость у собаки». Кьойла туз орунга басынганча, солдатла эшик юсюне басынгандыла (А.Х.) «Солдаты толпились возле двери, как бараны у корыта с солью»;

2) *обстоятельство состояния*: Бу да кимге кюледи, жылкычы кьурукь кибики (М.Т.) «А над кем он смеётся, как табунья жердь». Кьой, кьой, ийне ашагьан ит кибики, аны бал чыккыргьа атсанг да, семирлик туююдю! (А.У.) «Как собака, проглотившая иглу, даже если бросить в бочку с мёдом, она не поправиться». Сен а не этесе, ичи тюшген эчки кибики, эки кьабыргьанг бир бирге тие (С.М.) «А тебе что надо, сам – как дохлая коза». Кьазан кьурукьча, бригадирни башы халкь ортасында кёрюне эди (М.Т.) «В толпе маячила голова бригадира, как шест котла»;

3) *обстоятельство сравнения*: Кьайнайды Жаннет, сары жау ичинде бал кибики жашайды (К.ж.). «Жаннет живет как мед в масле». Иги адам кёрюнеди, харип, толгьан ай кибики ариу (З.Т.) «Он похож на хорошего человека, красивый, словно луна». Ол жерчигин он бармагьын билгенча биледи (Ж.З.) «Он эти места знает, как своих пять пальцев». Уу тишли ит кибики, бу адам кесин кьалай тапсыз жюрютеди (М.т.) «Как этот человек себя ведет, как бешеная собака». Сен, кьара жин кибики, эки суйгенни арасына кирирге неки кюрешесе? (Ж.Т.) «Ты, как черный джин, почему мешаешь двум влюбленным?». Жаншама кьой, туманнга юрген ит кибики (З.) «Пуškai болтает, как собака, лающая на туман». Ай жаш, байрым адакьа кибики, бу кьадар кьолан кийимни да кьайдан тапханса? (С.Т.) «Откуда у тебя эти разноцветные вещи, ты в них – как петух на празднике?». Саняйт, гурт тауукь кибики, кесин кёндюрюп олтурады (Ж.Т.) «Саняйт, как наседка, сидит надувшись».

Не болуп тура эселе да, барып бир къарайым ансы, киштик къуйругъу бла от салгъанча, мени былай этип тургъаным эр кишини жумушу туююлдою (А.Х.) *«Пойду, посмотрю, что у них там, а то, как кошка устроившая пожар своим хвостом, не к лицу мне то, что я делаю»*. От къапхан бёрюле кибик, не эсе да ёрге-энишге, жортуулгъа къалып айланадыла (Ж.З.) *«Что-то бегают вверх-вниз, как волк, проглотивший огонь»*. Бу жыйрыкъ не тарды юсюнге, къыпты кыны кибик. (М.Т.) *«Это платье слишком тесно для тебя, как чехол для ножниц»*. Быланы белгилери уа, кёрмеймисе, ууалгъан чархча, кынгыр-мынгыр айланыпды (М.Т.) *«Их знак кривой, как разбитое колесо»*. Мени къоншум, тегерекдегиле бла, гырнау киштик кибик, къуру сёз болгъанлай турады (М.Т.) *«Мой сосед, как дикая кошка, со всеми ссорится»*;

4) обстоятельство ситуации: Тауукъ баланы юсюне жамычы жапханлай, къарасам, уллу жууургъанны тюбюнде бир гитче сабийчик жата эди (М.Т.) *«Под большим одеялом лежал маленький ребенок, словно цыпленок под буркой»*. Къалгъанла да къаргъа сойгъаннга басынганча басындыла (Ч.М.) *«Остальные тоже столпились, словно ворону резали»*. Нартла къопхан кибик болуп, битеу халкъ орамгъа чыкъды (Ш.Р.) *«Все вышли на улицу, будто нарты поднялись»*. Андан сора уа, айыу куркасына киргенча, ингир салкыыннга дери къошларына кирип, хазна тышына чыкъмайдыла (Ж.Т.) *«А потом, как медведь в берлогу, они заходили в кошару и до вечера не выходили»*;

5) обстоятельство меры и степени: Жауун а челекден къуйгъанлай жауады (Ж.З.) *«А дождь льет как из ведра»*. Алай, ёзеннге тюшгенлей, тюбю тюшюп къалгъанча, жауун алай уллу къуйду (А.Х.) *«Когда они спустились на равнину, начался сильный дождь и не переставал, будто без дна»*. Манга кёп керекди, не этеме мен эки банканы, кёзге къуярыкъ кибик (М.Т.) *«Двух банок мне не хватит, словно глазные капли»*. Ийнек гитче зат туююл эди, кёрюнмей къалырча, алай тенгизге таш атханча, думп болуп къалгъанды (М.Т.) *«Корова не такое уж и маленькое существо, чтоб не заметить, но все же исчезла, как камень в океане»*. Ашыкыгъанлагъа уа заман, тюпсюз кёлге кетген таш кибик, жеринден тепмей тургъанча кёрюнеди (М.Т.) *«А для тех, кто спешит, время не сдвигается с места, как камень в бездонном озере»*;

6) обстоятельство оценки: Харун, обур кибик, эки суюгенни арасына кирип, болгъанны бузуп ийди (Ж.Т.) *«Харун, как оборотень, встал между двумя влюбленными и все испортил»*. Бу адамны

хар сёзю сары чибинча сынсытады (К.ж.) *«От каждого его слова ноешь, как от укуса осы»*. Биреу, эринчекликте хорлатып, заманын, калак ит киби́к, эл тюрбюнде ашыра эсе, ол жарлыдан да жарлыды (З.Т.) *«Если кто-то проводит свои дни как дворняга, то этот человек беднее всех бедных»*;

7) обстоятельство места: Атлыла кёз илинирча жууукълашдыла да, жабы башланып, ол соргъаннга да ким не жууап бергени эшитилмеди (И.Г.) *«Всадники появились на расстоянии видимости, поднялся шум, и не расслышали, кто и как ответил на его вопрос»*;

8) обстоятельство, выражающее различные проявления отношения: Эртте-кеч болса да, биз жиян бла макъалай айырылыкъ эдик (Б.М.) *«Рано или поздно, мы бы расстались с ним как змея с лягушкой»*. Къзакъ бла Тебо, айхайда, ит бла бёрюча жашайдыла (А.Т.) *«Казак и Тебо живут как собака с волком»*. Муну атасын мен ёлтюрген киби́к, мени бла уа сёлешген да этмейди (Ж.З.) *«Он со мной даже не разговаривает, как будто я убил его отца»*. Эри бла къатыны бал бла жау киби́к жарашып жашайдыла (М.Т.) *«Муж и жена живут в мире и согласии, как мёд с маслом»*. Биз экибиз да, Мамулий бла Тотулийча, бир бирибизден айырылмай, тюрлю затла этип айланабыз (Б.Х.) *«Мы, как Мамулий и Тотулий, не расстаемся друг с другом и творим странные вещи»*. Къайнайды Жаннет, сары жау ичинде бал киби́к жашайды (К.ж.) *«Жаннет живет как мед в масле»*. Тохта, башыма таш бла ургъанча этип кетме (Ж.Т.) *«Не делай так, будто бьешь камнем по голове»*.

Компаративные фразеологизмы, хотя и реже, в предложении могут употребляться: а) в функции сказуемого: Аны иште кетген кюню бла къайтхан кюнюн тенгледирсенг, атлы бла жаяу киби́кди (М.Т.) *«Если сравнить день, когда он уехал на работу, с днем его возвращения – как пешеход и всадник»*. Санга аллай ууакъ жумушчукъланы этдирген бурунумдан къаным келген киби́кди (М.Г.) *«Поручить тебе такие мелкие дела – это для меня как кровь из носа»*. Айхай, Тохтарны бир кёрген манга дуниягъа жангыдан туугъан киби́к эди (Ж.З.) *«Увидеть Тохтара разок – это для меня как заново родиться»*. Аны ауузу жиян киби́кди (М.Т.) *«У него язык как у змеи»*. Ташлы жерде уру къызгъан ийне буруну бла кёр къызгъан киби́кди (М.Т.) *«Копать яму в каменистом участке – что копать иголкой гроб»*. Мынга суугъа бар деген эшекни бузгъа тартхан киби́кди (З.). *«Просить его сходить за водой – словно тянуть ишака ко льду»*; б) в составе сказуемого: Муратны чакъы-

райыкъ да, аны бла оноулашып, жууапны андан сора берирбиз дегенимде, ауузума ургъанча этип къойдугъуз (Д.Къ.) *«Когда я сказала, что ответим, посоветовавшись с Муратом, вы отреагировали так, будто ударили меня по лицу»*. Борчлубуз китапланы кёз гинжича кёрюрге (Х.К.) *«Мы обязаны беречь книги как зеницу ока»*. Иги сыйландыкъ, жел элтмезча болдукъ (Э.Г.) *«Хорошо поели, теперь нас ветром не сдует»*. Бийчени бир жаягъы айча, бир жаягъы кюнча жарытады (З.) *«Одна щека госпожи освещает как луна, другая – как солнце»*. Мен тепсей билмейме, къайры сюррейсе деп, киштикни отха тартханча этип тохтады (Х.О.) *«Сославшись на то, что не умеет танцевать, она уперлась как кошка, которую тянут к огню»*. Оллахий, Аслан, айыуну къулагъына от салгъанлай этдинг (Б.Г.) *«Клянусь, Аслан, ты сделал так, будто поджег ухо медведя»*. Не сагъыш этсем да, энди ол эшекни къулагъына къобуз сокъгъанлай боллугъу ачыкъ эди (Ш.) *«Ясно было, что этот разговор будет равносильно игре на гармошке для ишака»*.

Как свидетельствует фактологический материал, компаративные фразеологические единицы обладают довольно значительным функциональным потенциалом.

Литература

1. Гузев Ж.М., Мизиев А.М. Фразеологизация свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Принт Центр, 2013. 190 с.
2. Жарашуева З.К. Вопросы фразеологии современного карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1973. 24 с.
3. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1976. 311 с.
4. Хуболов С.М. Синтаксические функции фразеологизмов карачаево-балкарского языка // Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 39–47.
5. Хуболов С.М., Улаков М.З. Адвербиальные фразеологизмы как репрезентаторы различных типов конкретизаторов в карачаево-балкарском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2014. № 2. С. 62–69.
6. Хуболов С.М. Семантические разряды компаративных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 1. С. 290–294.

S.M. KHUBOLOV, L.M. MALKANDUEVA
SYNTACTIC FUNCTION
OF COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS
IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

The article discusses the syntactic function of comparative phraseological units of karachay-balkarian language. This problem of the language was not adequately covered, although its development is of great importance in the study of other issues of phraseology. The analysis of the data shows that for the overwhelming majority of comparative phraseological units function of different types of circumstances is characteristic feature.

Keywords: karachay-balkarian language, comparative idioms, syntactic functions of phraseology, circumstance predicate.

А.М. Мизиев, Ж.С. Бекулова

О ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена одной из наиболее актуальных тем тюркского языкознания – проблемам фразеологизации различных типов словосочетаний. Авторы выявляют причину устойчивости сочетаний слов и их отношение к фразеологии.

Ключевые слова: фразеологизация, устойчивость, лексикализация, изоляция, свободное сочетание, устойчивое словосочетание, фразеологически связанное значение, переносное значение, предсказуемость компонентов словосочетания или предложения.

Во фразеологические единицы (ФЕ) могут переходить как свободные, так и терминологические словосочетания. Решение вопроса о фразеологизации свободных словосочетаний невозможно без выявления основных признаков ФЕ.

Большинство фразеологов основными признаками ФЕ считает следующие: семантическую целостность, ограниченность в сочетании компонентов в составе ФЕ, переносность значения, образность значения эмоционально-экспрессивное значение, устойчивость и невозможность буквального перевода на другие языки. Однако признаки, за исключением ограниченности в сочетании компонентов в составе ФЕ и переносности значения, оспариваются некоторыми исследователями [3, с. 70–72]. При этом в качестве основания выдвигаются следующие аргументы.

Известно, что номинативная функция характерна для всех словосочетаний: «Словосочетание... несет ту же номинативную функцию, что и слово» [2, с. 8]. Поэтому многим свободным словосочетаниям, как и словам, свойственно единство смыслового содержания. Следовательно, семантическая целостность не яв-

ляется таким критерием, при помощи которого возможно было бы отграничить фразеологическое сочетание от свободного.

Образность значения свойственна большинству ФЕ. Но функцию средства выразительности могут выполнять и слова. Поэтому образность нельзя считать основным признаком ФЕ.

Не следует считать отличительным признаком ФЕ и невозможность буквального перевода их на другие языки на том основании, что этот признак характерен и для слов, особенно с переносным значением.

Сочетания слов с фразеологически связанными значениями являются одним из устойчивых свободных словосочетаний. Очень часто практически трудно отграничить такие сочетания от свободных, потому что устойчивость характерна и для многих свободных словосочетаний, например: карач.-балк. *къара къашла* «черные брови», *къызыл уууртла* «красные щеки», *шай къашыкъ* «чайная ложка» и др. Устойчивость – тот критерий, без которого не может быть ФЕ. Однако одной ее недостаточно для того, чтобы безоговорочно относить все сочетания слов, характеризующиеся устойчивостью, к фразеологическим.

Устойчивость как отличительное свойство ФЕ признается почти всеми исследователями фразеологии. Однако они по-разному определяют ее. Большинство фразеологов понимают устойчивость ФЕ либо как предсказуемость компонентов, либо как воспроизводимость их, т.е. стабильность употребления.

Предсказуемость компонентов означает, что один элемент ФЕ предсказывает совместное появление остальных ее элементов. Например, в карачаево-балкарском языке в выражении *тюнкеси юзюлдю* «он сильно истощал, ослабел», слово *тюнке* предсказывает следующее слово *юзюлдю*, в киргизском языке в сочетании *ого бетер* компонент *ого* – второй компонент *бетер*. Устойчивость возможна не только по двум, но и более элементам. Например, в карачаево-балкарском языке ни один из элементов предложения *арт этегин аллына къапла* не предсказывает появления остальных, но сочетание *арт этегин* предсказывает их.

Тем не менее, предсказуемость вряд ли можно считать существенным признаком фразеологичности словосочетания или предложения, поскольку ею могут обладать и многие пословицы и поговорки*, например карач.-балк. *жети ёнчеле да, бир кес* «семь

* Как и большинство современных исследователей в этой области, данные языковые единицы мы не относим к фразеологии.

раз отмерь, один раз отрежь»; узбек. *кѣизим, сенга айтаман, келиним, сен эшит* «тебе говорю, дочка, а ты, невестка, слушай»; башкир. *алмагъан айыудынг тирекен тунамайзар* «не говори гоп, пока не перепрыгнешь» и др. Мы разделяем точку зрения В.В. Виноградова, А.М. Бабкина, Л.И. Ройзензона, В.М. Мокиенко, И.Б. Голуб, В.Н. Телия и других исследователей фразеологии, определяющих устойчивость ФЕ как воспроизводимость в готовом виде. При этом, учитывая, что стабильность употребления ФЕ часто может нарушаться, следует согласиться с В.М. Мокиенко, который под фразеологической устойчивостью понимает «...относительно стабильное употребление сочетания слов» [5, с. 7].

Среди многих работ, авторы которых под устойчивостью ФЕ понимают относительную стабильность компонентов, особое место занимают работы А.М. Бабкина, считающий, что активная мобильность ФЕ – не просто художественное новаторство, а закономерное проявление «известной гибкости и диалектичности их живого употребления» [1, с. 9].

Определение объема фразеологии прежде всего зависит от разграничения ФЕ и свободных словосочетаний. Поэтому необходимо всесторонне сопоставить устойчивые и свободные сочетания слов: со стороны грамматики, со стороны семантики и со стороны лексического состава.

Синтаксическими особенностями, отличающими устойчивые словосочетания от свободных, признаются: 1) ослабление синтаксических связей между словами в устойчивых словосочетаниях; 2) синтаксическая неразложимость устойчивых словосочетаний. Однако устойчивые сочетания слов, сохраняющие ту же синтаксическую функцию, что и свободные, сохраняют характер и вид синтаксических связей между словами полностью, например: карач.-балк. *бугъумуч ойна* «играть в прятки», киргиз. *ач ичеги* «тонкие кишки (у животных)»; татар. *сукыр эчэк* «слепая кишка» и др.

С одной стороны, не все устойчивые словосочетания характеризуются синтаксической неразложимостью. Например, терминологические словосочетания и словосочетания с фразеологически связанными значениями слов синтаксически разложимы: карач.-балк. *кѣара ишихилди* «черника», *кѣургъакъ сѣз* «пустое (букв. «сухое») слово»; узбек. *темир интизам* «железная дисциплина», *техник мой* «техническое масло» и др. С другой стороны, нередки случаи, когда свободные словосочетания представляют

собой синтаксически неразложимые целые и являются одним членом предложения, например: киргиз. *саат сатын* «с каждым часом», *жўзѳ жакын* «около ста»; карач.-балк. *бир кѳауум адам* «несколько человек», *он минут чакѳлы* «минут с десять» и др. Это говорит о том, что устойчивые сочетания в грамматическом отношении не имеют специфических особенностей, которые можно было бы рассматривать в качестве отличительного признака при разграничении их со свободными сочетаниями.

На основании того, что главным признаком фразеологичности словосочетаний считается их эквивалентность словам, к ФЕ некоторые исследователи относят все лексикализованные сочетания [4, с. 93]. Однако это мнение, видимо, нуждается в пересмотре. Например, значение лексикализованных словосочетаний типа карач.-балк. *акѳ кѳайын* «белая береза», *доклад эт* «делать доклад» и т.п. выводится из значений слов-компонентов, поэтому их нельзя рассматривать как отличные от свободных. На примере того, что фразеологизация во многих случаях сопровождается лексикализацией и лексикализованные словосочетания так же, как и ФЕ, характеризуются устойчивостью, видно, что процесс лексикализации смешивается с фразеологизацией. Тот факт, что лексикализуются могут как свободные словосочетания, так и несвободные (ФЕ), говорит о том, что лексикализация словосочетаний не является основным и специфическим признаком фразеологичности. Появление фразеологичности очень часто приводит к лексикализации словосочетаний. Но при лексикализации, как уже отмечалось, фразеологичность их совсем не обязательна. Не является обязательной и лексикализация при фразеологизации. Следовательно, ФЕ не всегда равноценны словам, они могут быть эквивалентами свободных словосочетаний и предложений.

Таким образом, необходимо отличать фразеологическую устойчивость (устойчивость, вызванную фразеологизацией) от лексической устойчивости (устойчивости, вызванной лексикализацией).

На основании всего изложенного можно утверждать, что не все устойчивые сочетания являются ФЕ, большинство из них – обычные сочетания по своей семантической структуре. Причиной устойчивости свободных словосочетаний является лексикализация, грамматикализация, ограниченная сочетаемость слов и др. Однако, кроме устойчивости, они не имеют ничего общего

с ФЕ. Из всех устойчивых сочетаний только лексически неделимые сочетания являются ФЕ. Лексическая неделимость в большинстве случаев возникает в результате переосмысления сочетаний слов или в результате наличия в составе сочетания слов, иначе не употребляемых в языке.

Литература

1. Бабкин А.М. Русская фразеология ее развитие и источники. Л., 1970. 219 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.;Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
3. Иванникова Е.А. Об основном признаке фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.;Л., 1964. С. 54–75.
4. Корнев А.И. Роль устойчивых словосочетаний в развитии семантики слова // Современная русская лексикография. Л., 1981. С. 82–96.
5. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1989. 304 с.

Словари

1. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
2. Татарско-русский словарь. М., 1966.
3. Узбекско-русский словарь. М., 1959.
4. Толковый словарь киргизского языка. Фрунзе, 1969.
5. Толковый словарь татарского языка (в трех томах). Казань, 1977–1981.

MIZIEV A.M., BEKULOVA J.S.

ABOUT PHRAZEOLOGIZATION OF WORD-COMBINATIONS IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

Article is devoted to one of most vital topics of Turkic linguistics – to the problems of phraseologization of various types of word-combinations. Authors identify the cause for stability of combinations of words and their attitude to phraseology.

Keywords: phraseologization, stability, lexicalization, isolation, a free combination, a stable combinations, phraseologically bound meaning, figurative meaning, predictability of components of a word-combination or a sentence.

М.А. Ахматова

АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ГОСТЕПРИИМСТВО» В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена освещению концепта «гостеприимство» в карачаево-балкарском языке. Концепт «гостеприимство» является одним из важнейших культурных концептов и актуален для всех культур, так как связан с традициями этноса, в силу чего дает представление о культурной картине мира социума. Как показывают тексты карачаево-балкарского нартского эпоса, через обычай гостеприимства раскрывается менталитет народа, его моральные и духовные качества.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, нартский эпос, паремии, концепт «гостеприимство», этнокультура.

Концепт «гостеприимство» является общечеловеческим, универсальным, обладает культурной насыщенностью. Рассматриваемый концепт занимает важное место в языковом сознании карачаево-балкарского народа, так как он является одним из ключевых концептов, национально-детерминированным и отражающим этнический характер народа. С понятием «гостеприимный» в карачаево-балкарской культуре связаны лучшие качества человека, так как проявление радушия – не единственный смысл гостеприимства. В определении гостеприимства, а именно в мысли о том, что гостеприимный хозяин не пожалеет ничего для гостя, проявляется этнокультурный стереотип – «карачаево-балкарское гостеприимство». Этнокультурный стереотип может выступать неким фрагментом концептуальной картины мира, существующей в сознании. В представлении ключевой лексемы *къонакъ* «гость», ассоциирующейся с гостеприимством, обозначилась отличительная особенность в отношении к данному концепту карачаево-балкарского языкового сознания, а

именно, выражение терпимости, актуализированное в понятии *Къонакъ Аллахны къонагъыды* «Гость является гостем от Аллаха». В этом смысле даже мало знакомый человек будет назван гостем и принят радушно.

Главное свое символическое отражение концепт «гостеприимство» нашел в важном символе карачаево-балкарской культуры – *от жагъа* «очаг», который является сакральным местом в доме, одновременно центром дома, его жизненно-организующим началом, а самым почетным местом в доме карачаевцев и балкарцев является *тёр*: *тёрге ётерге, от башына ётерге* «пройти на почетное место». Традиционное обращение к гостям «*Тёрге ётююз*» или «*От башына ётююз*» свидетельствует об особом уважении к гостям: *Ёрюзбекге: «Тёрде олтур», – дедиле. Ол а аны унамады, чиргилеге олтурду* «Ёрюзбека на почетное место хотели посадить, Но он отказался и сел на тюфяки» [3, с. 89].

В карачаево-балкарских паремиях концептуализированы все признаки концепта «гостеприимство»: отношение к гостю, поведение гостя, хозяев, концептуализация желанных /нежеланных, званых /незваных гостей, жадных хозяев и др. Карачаево-балкарские паремии эксплицируют идею о том, что гостеприимство хорошая традиция: *Къонагъы жокъну – шуёху жокъ* «У кого нет гостя, у того нет друга». *Къонакъ кёп келиучю юнню къазаны отдан тюшмез* «В доме, где постоянно бывают гости, котел всегда на огне». *Къонакъ келсе, къууат келир, къууат келсе, къууанч келир* «Когда придет гость, придет счастье, придет счастье, придет и радость». *Къонакъ келсе, берекет келир* «Когда придет гость, придет и изобилие». *Къонакъ келсе, къазан ас, къонакъ жангыз ашамаз* «Придет гость, ставь котел на огонь, он один есть не будет». *Къонакъ келсе, къонакъбай ёрге турур* «Когда придет гость, хозяин дома встанет (со своего места)». *Къонакъ келсе, къызгъанч кёз – къааш бермейди, сыйын кёрмейин, саудан ёледи* «Скупой даже не поздоровается, когда приходит гость, умрет живьем». *Къонакъ келсе, эт бишер* «Когда придет гость, будет вариться мясо». *Къонакъ суймеген къонакъбай эшик аллында соруу алыр* «Не любящий гостей (человек) учинит допрос у порога». *Къонакъгъа ашынгы берме да, къашынгы бер* «Гостю не еду давай, а свое радушие». *Къонакъгъа гыржынынг жокъ эсе да, суусан бер* «Если для угощения гостя нет хлеба, то хоть воду дай». *Къонакъдан юч кюнден алгъа хапар сорма* «Раньше трех дней не спрашивай у гостя о цели его визита». *Къонакъны къачы – бийик* «У гостя почет большой».

В карачаево-балкарском языке имеется большое количество производных слов и словосочетаний, связанных со встречаей гостей и ритуалами гостеприимства: *кьо́накъны заманы* «время гостя», *кьо́нишу кьо́накъ* «ближний гость», *кьо́накъда туруу* «гостевание», *кьо́накъ сыйы* «честь гостя», *кьо́накъ отоу* «кунацкая», *кьо́накъ юй* «кунацкая», *кьо́накъ сыйлау* «почтение гостя», *кьо́накъ алгъышла* «благопожелания гостя», *кьо́накъ тюбеген* «встреча гостя», *кьо́накъ намыс* «достоинство гостя», *кьо́накъбай* «гостеприимец», *кьо́накъ тепси* «стол для гостей», *кьо́накъ сакълагъан* «уход за гостем», *кьо́накъ ашырыу* «проводы гостя», *кьо́накъбай алгъышла* «благопожелания хозяина» и др.

Карачаево-балкарский институт гостеприимства берет свое начало в мифологии, поскольку в основе культуры лежат освещенные мифологической символикой, нормы и образцы поведения людей, определяющие особый уклад и строй народной жизни, своеобразие национальной картины мира. Как показывают тексты карачаево-балкарского нартского эпоса, через обычай гостеприимства раскрывается менталитет народа, его моральные и духовные качества. Он является важнейшей составной частью народной мудрости. Обычай гостеприимства традиционно сопряжен с тем, что хозяин дома несет ответственность за благополучие гостя и всех его дел.

В эпических текстах, наряду с воспеванием радушного гостеприимства, народ осуждал неуважительное отношение к гостю, так как обычай гостеприимства для нарттов священен, желание гостя – закон. Обычай радушного гостеприимства воспитывал в человеке общественное сознание.

Интересен тот факт, что в некоторых нартских сказаниях даже эмегены (чудовища) исполняли «священный долг гостеприимства», достойно встречая нартских богатырей: – *Кюн ахшы болсун, сиз акъыллыла, эслие, эсенчиле, тергеучюле, – деп Сосурукъ саламлашды. – Сау болугъуз, сау келигиз, хыйлачы нарт улулары! – дедиле (эмегенле)* «Добрый день, мудрые, сообразительные, расчетливые (эмегены), – приветствовал их Сосурук. – Спасибо, добро пожаловать, хитрые сыны человечьи! – ответили (те)» [3, с. 126].

Доброжелательная встреча гостя и старание во всем угодить ему, особенно наглядно отражено в карачаево-балкарском нартском эпосе в цикле «Ёрюзмек и Ногайчик»: *Ногъайчыкъ Ёрюзмекге баргъанды, – Эй, юиде ким барды? – деп соргъанды. Ёрюзмекни жашы эшикге чыкъгъанды. – Кьо́накъ аламысыз? – деди Ногъайчыкъ. – Ай-*

хай, алабыз, тюш атынгдан! – деди жашчыкъ, – Эй, жууукъ бол, къонакъ! – деп айтханды «(Однажды) Ногайчик к Ёрюзмеку приехал. – Эй, кто есть в доме? – крикнул (он). (На зов) сын Ёрюзмека вышел. – Гостей принимаете? – спросил Ногайчик. – Конечно, принимаем, сойди с коня! – сказал мальчик, – Добро пожаловать, гость, – пригласил он его в дом». Когда Ногай приехал в гости к Ёрюзмеку, он сразу предупредил его о том, что будет гостить у него целый год. И только через год Ёрюзбек спрашивает гостя о цели его приезда. Согласно обычаю карачаево-балкарского гостеприимства, гостя не расспрашивают о цели приезда, пока он сам об этом не скажет, по крайней мере, не раньше, чем через три дня гостеприимства: – Да, мен сизге жыл къонакъгъа келгенме, Журтугъузгъа хурметими береме. Хар кюн сайын бир ирик ашарыкъма, Атым кюнден бир гебенни бошарыкъды «– Так я к вам в гости на год приехал, Прими мое уважение вашему дому. Каждый день я буду одного валуха съедать, А мой конь в день будет копну (сена) съедать» [3, с. 110].

Общеизвестен тот факт, что эпические сказания в определенной степени отражают историю этноса. Представленное выше сказание также имеет отношение к этому, о чем пишут У.З. Байрамуков и М.У. Байрамуков. По их мнению, данное сказание отражает борьбу ногайцев с калмыками и помощь, оказанную ногайцам предками карачаево-балкарцев [1, с. 120]. Данный факт отмечен М. Джуртубаевым: «Чаще других в эпосе встречается этноним ногайцы, что в полнее понятно – ногайцы сыграли очень большую роль в истории Северного Кавказа» [2, с. 276].

Конечно, каждый народ в своем эпосе изображает героев по своему подобию и согласно своим идеалам, как и нравы, и обычаи этих героев. Ёрюзбек, как и положено настоящему гостеприимному хозяину, не спрашивая ни о чем, отправляется с Ногайчиком в путь: *Алай эсе, айхай, къонагъым, кёзюм, Айланырбыз, болмаз ол затха сёзюм «– Если так, конечно, гость мой, душа моя, Поедем. Против этого у меня не будет возражения».*

Черты, присущие нартам, для которых ими данное слово, долг и честь не пустые понятия, проявляются и в заботе Ёрюзмека о матери его путника Ногайчика, погибшего в схватке с эмегенами. По одной версии: *Тебиреди Ёрюзбек, Ногъайны анасын излеп, Барды, тапды ол аны, Алып келди ол аны. – Тюшюрмейик тахтадан аны ёлгюнчю, Ногъайны анасын, – деди «Отправился Ёрюзбек разыскивать мать Ногай, Поехал, нашел он ее, Привез он ее*

(домой). – До самой смерти не снимем ее с престола, Матушку Ногая, – сказал он». По другой версии: *Нарт Ёрюзмек анга ашау бергенди, Сора къайтып юйюне келгенди* «Ёрюзмек же ее (мать Ногая) всем обеспечил, А после к себе домой вернулся» [3, с. 113].

Таким образом, гостеприимство является одним из важнейших культурных концептов, в котором зафиксировались отложения культуры, охватывающие картину мира карачаево-балкарского этноса.

Литература

1. Байрамуков У.З., Байрамуков М.У. Нартиада. Опыт сравнительного анализа. Черкесск, 2012. 520 с.
2. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 2011. 484 с.
3. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 654 с.

М.А. АХМАТОВА

ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT «HOSPITALITY» IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

This article examines the concept of «hospitality» in karachay-balkarian language. The concept of «hospitality» is one of the most important cultural concepts and relevant for all cultures as it is connected with traditions of the ethnic group, which gives an insight into the cultural worldview of society. As shown by the texts of the karachay-balkarian Nart epos, through the custom of hospitality reveals the mentality of the people, their moral and spiritual qualities.

Keywords: karachay-balkarian language, Nart epos, paroemia, the concept of «hospitality», ethnic culture.

Ф.Т. Боташева

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Данная статья посвящена раскрытию семантических характеристик лексического пласта карачаево-балкарского языка в сопоставлении с другими тюркскими языками. Сравнительный анализ продемонстрировал, что большинство лексических единиц бытовой отрасли многих тюркских языков, в том числе рассматриваемого карачаево-балкарского языка, семантически близки, хотя часто фонетически дифференцируются.

Ключевые слова: языкознание, лексика, семантическая близость, фонетическая дифференциация.

Изучение бытовой лексики, содержит большое количество слов, часть которых отсутствует в современном карачаево-балкарском языке. Этот пласт лексики представляет богатый материал для исследования вопросов истории языка, истории и этногенеза народа и может быть источником для некоторых терминологических систем современного карачаево-балкарского языка. Бытовая предметно-тематическая группа слов: это и названия продуктов питания, предметы домашнего обихода, разного рода строения и жилища, предметы одежды, украшения и т.п.

Исследование бытовой лексики дает возможность представить развитие слова в пределах одного языка, изменения его семантики.

Рассмотрим ряд слов, входящих в бытовую лексическую группу*. Например, слово «тегене». В карачаевском языке пред-

* Примеры на карачаево-балкарском языке, их переводы и значения даются по следующим словарям: Къарачай-малкъар-орус сёзлюк (Карачаево-балкарско-русский словарь) / под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 832 с.; Русско-карачаево-балкарский словарь / под ред. Х.И. Суюнчева и И.Х. Урусбиева. М.: Сов. Энциклопедия, 1965. 744 с.; Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1991. 917 с.

мет с названием *тегене* – «чаша, лохань, изготовленная из ствола дерева различной длины с ручками», способ работы – выдалбливание, применяется в хозяйственном дворе для кормления скота. Это слово известно во многих тюркских языках, различаясь фонетически, но известны случаи семантического и функционального несовпадения. Так, в татарском языке *тигене* – это «лоток для просеивания муки». Для уточнения понятийной характеристики при слове *тигене* употребляются уточняющие слова, как, например, *усен тигенесе* (чашка, корыто для просеивания гороховой муки).

Так, в казах. *текене* «глубокие миски», караим. *тегине* «деревянная колода, деревянный желоб», тур. *текне* «квашня, корыто», чув. *такана* «корыто» [2, с. 228], Codex Cumanicus *tegana* «чаша, умывальный таз, ковш» [4, с. 166].

Здесь можно рассмотреть и другие предметы кухонной утвари. Например, «терка» передается словом «*къыргъыч*», хотя «тертый» передается словами «*къырылгъан, къырылыб эзилген, туююлген, тартылгъан*», а вот в перен. смысле «тертый калач» передается целым предложением «*ол кёрмеген джожкьду*» или «*кёб кёрген адам*», в которых отсутствует слово «терка», но сохраняется его значение через семантическую игру других лексем.

В других тюркских языках «терка» передается словами, тат. «*къыргыч*», ног. «*кыргыш*», кум. «*къыргъыч*», как видим, фонетически близкими вариантами.

Другой предмет *бал аякъ*. Слово *бал аякъ* в карачаевском языке – это сложное слово, состоит из двух полнозначных слов, *бал* – мед, *аякъ* – чаша – употребляется в значении заздравная чаша только на свадьбе – наполняется медовой (сладкой) водой, с *бал аякъ* в руках (эту чашу берут двумя руками) произносятся заздравные тосты, пожелания здоровья, долгой счастливой семейной жизни, (часто в стихотворной форме), первыми дают выпить из этой чаши детям, только потом пьют взрослые. *Бал аякъ* берут в руки только на свадьбе, берегут его, передают из поколения в поколение. Многие семьи сохранили до сих пор фамильные деревянные *бал аякъ* (хотя сейчас очень много красивой современной хрустальной и др. посуды)

Из дерева, наплывов дерева способом выдалбливания, используя долото (*ютюрю*), изготавливались различные чашки – большие, объемом до двух литров, это так называемые *гонпан аякъ*; чашка до литра – *аякъ*, чашка, объемом чуть больше 200

граммов называлась – *чёмюч*. Ложки тоже были различной формы и размеров. Например, ложка для мамалыги – *как къашыкъ*, ложка для молочного чая – *шай къашыкъ*, ложка для снятия сливок – *сют башы къашыкъ*, большая разливательная ложка – *чолну* и др.

В татарском языке мы встречаем и слово *балайакъ* (*бал* – мед, *айакъ* – чаша), оно фигурирует в значении квашня.

Продолжают бытовать в карачаевском языке названия из дерева, употребляемые при приготовлении пищи.

Слово *токъмакъ* в значении деревянный молоток, колотушка. Ср.: кум. *токъмакъ*, ног. *токпак*, кирг., *топнакъ*, алт. *токинокъ* «скалка, кий, колотушка, дубина» [1], др.-тюрк. *toğıtag* «деревянный молоток, колотушка».

При изготовлении мучных изделий пользуются скалкой, это хорошо обтесанная, буквально отполированная круглая определенной длины палка для раскатывания теста. Понятие скалка передается словом «*джазгыч*» и им пользуется каждая хозяйка. Словосочетание «*тылыны джаз*» понимается раскатывать тесто. *Джазгыч* по форме, материалу и даже выполняемой функции повторяется в *тюйгюч*, предметом, которым пользовались при стирке белья, но каждое из них, как видим, имеет свое название. В современной жизни даже в отдаленных аулах применяется *эски джуугъан машина* «стиральная машина», но *тюйгюч* продолжает бытовать и применяется в отдельных случаях.

Понятие «доска для раскатывания теста» выражается «*тылы къанга*», где *тылы* – тесто, *къанга* – доска. В письменном памятнике XIII в. *Codex Cumanicus sanga* «доска» [4, с. 110]. Выпечка хлеба производилась преимущественно на полу, на углях очага. Сразу после замешивания тесто укладывали в сковороду «*таба*» накрывали другой сковородой. Эти *табала* обкладывались углями и выпекался хлеб. Пока нагревались *таба*, тесто подходило, хлеб получался высокий, покрывался корочкой ярко оранжевого или почти красного цвета, мягко пропитывался запахом дыма и возбуждал аппетит. Инвентарем служили кочерга, лопаточка для углей и т.п. В карачаевском языке понятие «кочерга» передается словом «*къычхач*», «*тартхыч*», лопаточка для углей – «*кёсеу агъач*», помело «*агъач сибиртги*» Для сравнения, в словарях татарского языка кочерга передается словом *кисеу*. В памятнике XIII в. *Codex Cumanicus kosovv* «кочерга» [4, с. 115]. Ср.: казах. *кёсеу*, ног. *ковсев*, калп. *ковсеу* «кочерга».

Для посадки и вынимания хлеба пользовались деревянной лопатой с длинной ручкой, которая в карачаево-балкарском языке называется *гырджын кюрек*. Использовались в быту *агъач кюрек* «деревянная лопата», *темир кюрек* «железная лопата». Слово *кюрек* в разных фонетических вариантах встречается в тюркских языках: казах. «*кюрек*», ног. «*куберек*», кум. «*кюрек*» лопата, весло» [3].

К названиям кухонной утвари относится слово *тутхуч*, или *чоюн тутхуч* – ухват. Заметим, что в татарском языке это слово заимствовано из русского и употребляется в разных говорах в различных фонетических вариантах: *ухыват*, *ухуват*, *ухат* и др., в ног. *къысхыш*.

Для выражения понятия «совок» в карачаевском литературном языке употребляется слово *къуйгъуч*. В татарском литературном языке и в некоторых говорах употребляется слово *соскыч* и дается в значении «черпак» от корня *сос* – «черпать», также присутствует слово *кепкер*, который означает «совок для углей», «дуршлаг, шумовка». Ср.: ног. *кепкир* «шумовка». В карачаевском языке шумовка передается словом *сюзгюч*, ср. с «*соскыч*».

Понятие «совок для углей» передается словосочетанием *кёмюр чёмече* от *кёмюр* «уголь» и *чёмече* – «совок, ковш, чаша деревянная». «*Чёмючню суугъа атдым, суу манга кёмюк берди*» (фольк.) («Ковш, чашу я отдал воде (реке) река дала мне пенку» (досл.). Фонетические варианты этого слова мы встречаем в говорах татарского языка и звучат они *кумер чумече*, *кумер тукене* и др. которые передают это же значение.

Таба «сковорода». Это слово широко употребляется и сегодня в карачаевском народе, также оно характерно для других тюркских народов. Так, казах., башк., ккалп., кирг., ног., караим., кум. употребляют фонетическую форму *таба* (заметим, что блюдо, которое считается грузинским и называется «цыплята-тапака» / плоская сковорода, которой накрывался цыпленок/, нет сомнения, что произошло от тюркского *таба*). Сковорода могла иметь ручки (или ручку), это называлось *саблы таба*. Сковорода могла быть разной глубины, они носили название *терен таба* (глубокая сковорода), в которой жарили мясо или пекли хлеб, накрывая другим *таба*, и *сай таба* (неглубокая), в них пекли например, блины и т.п.

Семантическая нагруженность слова *таба*, например, в татарском языке, шире, чем в карачаевском. Так, оно в татарском может означать чайное блюдо и называется «*цынайакъ таба*».

Предмет «*ючаякъ*». В карачаево-балкарском языке *ючаякъ* – это тренога, подставка под казан, железное приспособление на трех ногах для поддержания котла. Для сравнения, в говоре татарского языка передает это «чугунная сковорода с ручкой», а в словаре литературного татарского языка «*ючайакъ*» – тренога, таган, треножник.

Рассмотрим широко известное слово «*казан*» (котел), которое используется для приготовления пищи, жаренья, варки. Слово *къазан* широко и активно употребительно у всех тюркских языков: казах., ккалп., ног., кирг. и др. *къазан*; алт. *Казан*, Codex Sumanicus *кахан* «котел», «котловина» [4, с. 185]. В карачаево-балкарском языке оно употребляется в составе различных словосочетаний, например, *къазан эт*, *къазан шорпа* (мясо, *шорпа*, сваренные в казане на живом огне). *Казан* накрывают крышкой (*къазан баш*). И в данное время делают крышки деревянные, окольцованные по краю алюминием, железные, алюминиевые, которые также называются *къазан баш*.

Предмет «*чоюн*», глубокий котел. Этим же словом передается понятие «чугун». Понятие «чугун» во многих тюркских языках, передается словом «*чуйын*», в кум., ног., ккалп. *шойын*, в карачаевском *чоюн* (чугунный *чоюндан этилген* и др.) еще один пример, когда состоялся перенос названия металла на предмет.

Карачаево-балкарский язык, эпос карачаевцев и балкарцев, предания демонстрируют немало элементов общих не только для тюркских народов, но и для северо-кавказских народов. Анализ небольшой группы лексем бытовой отрасли карачаево-балкарского языка в сравнении с другими тюркскими языками демонстрирует семантическую близость предметов быта, что подтверждает близкородственность быта, культуры, истории, этнографии территориально соседних тюркских народов, это же демонстрирует и фонетическая близость, часто до полного совпадения.

Литература

1. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб.: Тип. АН, 1869. Т. 1. 810 с.
2. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. Изд-во, 1964. 356 с.

3. *Курмышжанов А.К.* Исследования по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата: Наука, 1970. 234 с.

4. *Махмутова Л.Т.* Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 2. Казань, 1982. С. 68–153.

F.T. BOTASHEVA

FEATURES OF SEMANTICS HOUSEHOLD LEXICON
OF KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE IN COMPARISON
WITH OTHER TURKIC LANGUAGES

This article deals with the disclosure of lexical semantic characteristics of the formation of karachay-balkarian language in comparison with other Turkic languages. Comparative analysis showed that most of the lexical units of home industries many turkic languages, including consideration karachay-balkarian language is semantically close, though often phonetically differentiated.

Keywords: linguistics, vocabulary, semantic proximity, the phonetic differentiation.

А.К. Хужева

ОБЩИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Данная статья посвящена взаимному обогащению двух языков: кабардино-черкесского и карачаево-балкарского. В ней рассматриваются заимствования из тюркских языков и из кабардино-черкесского тюркскими языками, обращается внимание на их фонетическое, морфологическое и семантическое развитие в заимствующем языке.

Ключевые слова: развитие, обогащение, синонимичное число, кабардино-черкесский язык, карачаево-балкарский язык.

В связи с тем, что черкесы в разные исторические периоды активно вступали в экономические, политические, культурные связи с другими народами, в исконный кабардино-черкесский язык проникали иноязычные слова, так как лексика всегда реагирует на различного вида изменения в жизни народа. В таких случаях происходило взаимовлияние, взаимообогащение как культур этих народов, так и их языков. Естественно, иноязычные слова обогащают исконный язык (в нашем случае – кабардино-черкесский язык), но при этом сохраняется словарный запас заимствующего языка, не ущемляется самобытность языка, и заимствования подвергаются фонетическому, морфологическому, семантическому освоению в языке, который их заимствовал.

Тюркские слова, по мнению известного адыгского лингвиста А.К. Шагирова, в кабардино-черкесский язык «... в более раннюю эпоху – с VII в., после захвата хазарами северо-западного Кавказа, но основная масса тюркизмов освоена адыгами, очевидно, в период татарского ига и турецко-крымской экспансии (XVI–XVIII вв.)» [1, с. 95]. Данные заимствования главным образом

относятся к названиям предметов быта, названиям различных кушаний, видам одежды, обуви, названиям животных, зверей, растений, орудиям труда и т.д. В большинстве случаев слова из тюркских языков попадали в кабардино-черкесский язык из-за заимствования обозначаемых ими понятий. Некоторые из этой группы лексики попадали в заимствующий язык, образуя синонимический ряд с исконным словом: **хы** – **тенджыз** «море» (здесь **тенгиз** – заимствованное тюркское слово), **жбы** – **хьэуа** «воздух» (**хауа** – заимствованное слово). Здесь же хотелось бы отметить, что тюркские заимствования, входя в синонимический ряд с исконными кабардино-черкесскими словами, не всегда могут быть взаимозаменяемы. Так, например, возьмем: исконное слово **жбы** и заимствованное тюркское слово **хьэуа** в значении «воздух», где **жбы** может в языке выступить в сочетаниях: **жбы кьопщэ** «ветер дует», **жбы кьабзэ** «чистый воздух», **жбы щлэтщ** «энергичный (о человеке)», **жбы щлэгьэхун** «проветрить», тогда, как заимствованное **хьэуа** не может использоваться в этих сочетаниях: **хьэуа кьопщэ** (воздух дует), выражение «**хьэуа щлэтщ**» нельзя применить к энергичному человеку и т.д. Тот же процесс происходит с исконным словом **нэху** и заимствованным **нур** в значении «свет», где **нур** имеет и другие дополнительные значения, как «луч света; сияние», и в таких сочетаниях, как: **и нэм нур кьыщлех** «ее (его) глаза излучают свет», **нэху мэщ** «светает» исключена возможность замены заимствованного слова **нур** исконным **нэху**. Как видим из приведенных примеров, исконные и заимствованные слова не всегда тождественны, хотя и могут входить в синонимический ряд кабардино-черкесского языка.

Другой причиной заимствований могла стать замена в кабардино-черкесском языке двух-трех составных наименований на односоставные слова, как, например: **псыджэд** (**псы** «вода» + **джэд** «курица», букв. водяная курица) – **бабыщ** «утка», **щхьэгьубжэлуплэ** (**щхьэгьубжэ** «окно» + **луплэ** от **луплэн** «прикрыть», букв.: прикрытие для окна) – **кьэбакь** «ставни», **тхьэджэд** (**тхьэ** «бог» + **джэд** «курица», букв.: божья курица) – **гуэгуш** «индюк» и др.

Тюркские заимствования также используются в кабардино-черкесском языке при образовании аффиксальных и сложных лексем: **акьыл-ы-ншэ** «глупец; глупый», **акьыл-э-гьу** «единомышленник», **кьаугьэ-ншэ** «не скандальный» и мн. др. [3].

Об укоренении тюркских заимствований в кабардино-черкесском языке говорит их активное участие в образовании фразеологических единиц, где они могут выступать основными элементами (**и насып кыхъащ** «повезло», **и насып кыкыуэкIащ** «ее (его) счастье пришло», **насып къэмыгъакIуэ** «зловредный, букв.: не дает счастьем прийти», **акъыл икIын** ≈ сойти с ума; потерять разум, **бабыщ зекIуэкIэ** «утиная походка», **нэмыс къэхьын** «заслужить честь», **нэмыс хэлъын** «быть корректным, деликатным» и мн. др.).

Заимствования тюркского происхождения образуют устойчивые выражения в сочетании с исконным глаголом (**сэкъат** + **хъун** «стать инвалидом», **арэзы** + **хъун** «быть довольным» и т.д.), а также они используются при образовании полукалек, состоящих из заимствованного слова и исконного кабардино-черкесского (**тарихъ** + **тхакIуэ** «историк», **хысэп** + **тхыль** «задачник» и мн. др.).

Была попытка в 20–30-е годы XX века использовать тюркские заимствования для обозначения явлений новой действительности (**уэкъыл** «делегат; адвокат», **Іэмыр** «указ», **хылым** «наука» и т.д.), но переход черкесов на русскую графику во второй половине 30-х годов повлиял на такое явление: начался процесс вытеснения активно употребляющихся тюркских заимствований из кабардино-черкесского языка, которые были заменены на русские заимствования, но некоторые из тюркизмов заменялись и исконными словами.

Рассмотрим основные источники тюркских заимствований:

арджэн – **джёген** (карач.); **жёген** (балк.) «циновка»;

аслгъэн – **арслан** (балк.) «лев»;

алащэ – **алаша** (карач.-балк.) «мерин, холощенный жеребец»;

ахъшэ – **ачха** (карач.-балк.) «деньги»;

ахъшэдэщ – **ачыутап** (карач.-балк.) «квасцы»;

бэлагъ «деревянная лопатка для перемешивания» – **былга**, **болга**, **булга** – «мешать, перемешивать» (использована тюркская основа);

бащыбэ // **барщыбэ** «бутылка» (из турецкого посредством тюркских языков);

бел «лопата», из турецкого (bel) посредством тюркских языков;

гуэгуэн «металлический кувшин с узким горлышком», в тур. в значении «медная посуда для хранения воды»,

заимствована посредством тюркских языков – в карачаево-балкарском **гёген** «то же»;

бжэмышх «деревянная ложка продолговатой формы», от тюрк. **чёмюч** «небольшая деревянная глубокая миска» [4, с. 85]; в ногайском «**ш्योंмишх**» в значении «ковшик, черпалка»;

гуэбэнэч – **гебенек** (карач.-балк.) «накидка из войлока»;

къайгъэ «скандал» – **къайгъы** (карач.-балк.) «беда»;

къарэ «черный (о масти животных); смуглый» – **къара** (карач.-балк.) «черный»;

къэп «мешок» – **къап** (карач.-балк.) «чехол, футляр; мешок»;

йы «напильник», в турецком в том же значении;

къашыкъ «черпак» – **къашыкъ** (карач.-балк.) «ложка»;

къэдабэ – **къатапа** (карач.-балк.) «бархат»;

къэнжал – **къанджал** (карач.-балк.) «железо»;

къулейсыз, **къулайсыз** «бедность; бедный» – **къолайсыз** (карач.-балк.) «никчемный; ≈ ни рыба, ни мясо [2];

къумгъан «кумган», в карачаево-балкарском языке также и значение то же;

къум «песок, пустыня», в карачаево-балкарском также (**къум**) и то же значение;

кхъуэщын «кувшин» – **къошун** (карач.-балк.) то же;

нохъутэ // **нэхъутэ** – **нохта** (карач.-балк.) «недоуздок»;

сабий – **сабий** (карач.-балк.) «ребенок»;

сэхъан «поднос» – **сахан** (карач.-балк.) «поднос; большая чашка»;

сурэт – **сурат** (карач.-балк.) «рисунок»;

сыхъэт – **сагъат** (карач.-балк.) «часы; час»;

табэ «сковорода», в ногайском **таба** то же; из персидского;

тас «таз»; из арабского (чаша, миска; таз) посредством тюркских языков;

таурыхъ «сказка» – **таурух** (карач.-балк.) «сказочник»;

тэбакъ «большая деревянная миска, блюдо»; из арабского (тарелка, блюдо, миска) через турецкий и посредством тюркских языков, в карачаево-балкарском – **табакъ**;

тенджыз – **тенгиз** (карач.-балк.) «море»;

хъыбар – **апар** (карач.-балк.) «вести»;

чырчыл «дуршлаг»; в ногайском **киркил** то же;

шынакъ «миска»; в турецком «глиняная чашка, миска»; посредством тюркских языков;

шыуан – чоюн (карач.-балк.) «котел»; **ногайское – шойын** «чугун; чугунок»;

альтмакъ – артмакъ (карач.-балк.) «дорожный мешок»;

тепщэч «тарелка», в **ногайском, карачаево-балкарском – тепшек** в том же значении;

толькъун – толкъун (карач.-балк.) «волна»;

ету «уютюг»; в **турецком, в карачаево-балкарском (итиу)** в том же значении;

дапхъэ «полка»; из **арабского – в значении «слой, пласт; этаж, ярус» – через турецкий посредством тюркских языков, в карачаево-балкарском – тапха** в том же значении, что и **кабардино-черкесском – «полка»;**

уэнжакъ «дымоход»; в **ногайском – ожак** «очаг, дымоходная труба», в **карачаево-балкарском – оджакъ** «дымоходная труба»;

къэбакъ «ставня»; в **ногайском капак** «крышка», **терезе капак** «ставня»;

фейдэ «польза» – **файда** (карач.-балк.) «барыш»;

хъэбыршыбыр – хабур-чубур (карач.-балк.) «барахло (перен. о человеке)»;

хъэуа – хауа (карач.-балк.) «воздух»;

хъудыр – худур (карач.-балк.) «похлебка из воды и муки» и др.

Из **кабардино-черкесского языка** были также заимствованы в **карачаево-балкарский язык** некоторые лексемы, как, например: **пIастэ** «паста (густая каша из пшеницы или кукурузной крупы)» – **баста** (карач.-балк.) то же; **лыбжьэ – либиже, илибже** (карач.-балк.) «черкесское национальное блюдо»; **хъэнтхъупс – хантус** (карач.-балк.) «суп из пшеницы или кукурузной крупы»; **нащэ – наша** (карач.-балк.) «огурец»; **пхъы – быхы** (карач.-балк.) «морковь»; **нартыху – нартуьх** (карач.-балк.) «кукуруза»; **мэракIуэ – мароко** (карач.-балк.) «земляника»; **шыбжий – чибжи** (карач.-балк.) «красный перец»; **бурш – пурч** (карач.-балк.) «черный перец»; **Иэдэж – адеж** (карач.-балк.) «вести коня за уздцы» и др. [4].

Как видим, заимствования играют определенную роль в **кабардино-черкесском языке, связанную с образованием многих новых слов и словосочетаний, фразеологических единиц, они входят в состав пословиц, поговорок. Но при этом нельзя забывать, что кабардино-черкесский язык обладает своими внутренними возможностями, позволяющими удовлетворить коммуникативные потребности его носителей (черкесов), что**

обеспечивает жизнеспособность данного языка, в связи с чем не нужно перенасыщать язык заимствованиями, а необходимо использовать словообразовательный потенциал своего родного языка.

Литература

1. Кабардино-черкесский язык. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 2. 519 с.
2. Къарачай-малкъар орус сёзлюк (Карачаево-балкарско-русский словарь). М., 1989. 832 с.
3. Кумахова З.Ю. Развитие адыгских литературных языков. М.: Наука, 1972. 279 с.
4. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т. 2. 223 с.

L.K. HUJEVA

COMMON LEXICAL FUND OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN AND KARACHAY-BALKAR LANGUAGES

This article is devoted to the mutual enrichment of two languages: kabardino-circassian and karachay-balkarian. There are borrowings from turkic languages and from kabardino-cirkassian turkic languages are considered, pay attention to their phonetik, morphological and semantik development in the borrowing language.

Keywords: development, enrichment, a synonymic number, kabardino-cirkassian language, karachay-balkarian language.

Т.С. Гелястанова, Ф.Х. Биттирова

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ТРУД» В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПАРЕМИЯХ

Статья посвящена паремиям карачаево-балкарского языка, репрезентирующим концепт «труд». В паремиях подчеркивается, что красота и сила человека в труде; только в труде формируется и проявляется талант и вдохновение человека; труд, несомненно, является нравственной ценностью народа. В результате изучения пословиц и поговорок определяется отношение человека к труду и значимость его в обществе.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, пословицы и поговорки, паремия, фразеологическая единица, концепт «труд», лингвокультура.

Паремиологические единицы карачаево-балкарского языка представляет несомненный интерес для этнолингвистики и лингвокультурологии, так как позволяет реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания. Они отражают особенности взаимоотношений между людьми, особенности быта, обычаи и традиции. Кроме того, «в пословично-поговорочном фонде языка находят эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры» [2, с. 28].

С помощью паремий, выражающие различные концепты можно выявить культурно обусловленный компонент языковых значений и когнитивные механизмы формирования важнейших культурных стереотипов. Являясь хранителями народного опыта, паремиологические единицы обнаруживают органическую связь с концептами как культурно-специфическими вариантами понятий языковой картины мира карачаевцев и балкарцев.

Современная фольклористика располагает довольно большим количеством разных по содержанию, структуре и объему сбор-

ников пословиц и поговорок. Паремии – это «стереотипы народного сознания» [5, с. 43].

З.К. Тарланов пишет: «Пословица включает в себя только те слова, которые соответствуют ее жанровому принципу – обобщать. Грамматические действия-состояния в ней лишены конкретно-личной и конкретно-временной отнесенности независимо от типов синтаксической организации предложения» [6, с. 167].

В пословицах заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей, – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век [1].

Паремии, являясь составной частью живой разговорной речи, вбирают в себя существенные черты определенной эпохи. Пословицы и поговорки карачаевцев и балкарцев, изречения сказочных, легендарных героев, слова из народных песен прочно вошли в обыденную речь носителей карачаево-балкарского языка и наиболее полно отражают их образ мыслей. Мысли карачаевцев и балкарцев в основном занимал труд, так как труд воспитывает в человеке лучшие качества, которые отвечают интересам народа. Карачаевцы и балкарцы не чуждаются труда, относятся к нему честно и отдаются всей душой. Такое отношение к труду выражается посредством пословиц и поговорок [3, с. 287].

Чем больше усилий приложишь, тем больших результатов ты достигнешь, при этом народ умеет дорожить временем. Только вовремя выполненная работа приносит человеку желаемые результаты. Народ к весенней страде готовился заблаговременно, а о зиме карачаевцы и балкарцы не забывают в летнюю пору [3, с. 288]: **Жай ишлеген – кьыш тишлер** (А.С.) «Кто летом работал, тот зимой будет сыт». **Ишлегенинг кьаты болса, ашагъанынг татлы болур** (А.С.) «Если будешь работать упорно, еда будет сладкой». **Жаз ишге кюзден хазырлан** (А.С.) «К весенним работам готовься с осени». **Жаз мыйысы кьайнагъаны, кьыш кьазаны кьайнар** (А.С.) «У кого весной голова будет работать, у того зимой казан будет вариться». **Кьыш азыгъынг жай жый** (А.С.) «Зимнюю провизию собирай летом».

В «Философском энциклопедическом словаре» человек определяется как «живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального». Человек как биологическое существо отличается от других живых орга-

низмов на земле именно целенаправленной трудовой деятельностью. Определяющим условием развития и становления человека явился труд [7, с. 737].

Отношение к труду определяет значимость человека в обществе. В паремиях неработающий человек характеризуется как «пустышка»; подчеркивается, что красота и сила человека в труде; что только в труде формируется и проявляется талант и вдохновение человека. Это также служит косвенным доказательством того, что труд, несомненно, является нравственной ценностью: **Иш кылыгъын билмеген – ит ылыгъын кёрюр** (А.С.) «Кто не умеет работать, тот будет испытывать муки». **Ишден уялма да, бедишден уял** (А.С.) «Надо стесняться не работы, а – позора». **Иши болмагъан итлени суугъа сюрюр** (А.С.) «У кого нет работы, тот собак гонит на водопой». **Ишлеген къарыу табар, эринчек ауруу табар** (А.С.) «Работающий силу найдет, лентяй – болезнь». **Ишлесенг – терлерсе, урласанг – тёлерсе** (А.С.) «Будешь работать – вспотеешь, украдешь – ответишь».

В большинстве пословиц и поговорок слово «труд» обозначает абстрактную деятельность человека, но направленную на получение конкретного результата [3, с. 288]: **Иш кеси – къара, ахчасы – акъ** (А.С.) «Работа сама – черна, а зарплата – бела». **Ишинг алда болса, аузунг балда болур** (А.С.) «Когда работа будет на первом месте, тогда ты будешь, как сыр в масле». **Иши барны – ашы бар** (А.С.) «У кого есть работа, у того есть и еда». **Ишни аллы – жубанч, арты – къууанч** (А.С.) «Начало работы – волокита, конец – радость». **Къолу кымылдагъанны аузуу кымылдар** (А.С.) «У кого двигается рука, будет двигаться и рот». Больше упорства и терпения в работе дают большие и неожиданные результаты: **Тамычы таш тешер** (А.С.) «Капля камень расколет». **Тамыр таш тешер** (А.С.) «Корень камень расколет».

Карачаевцы и балкарцы большое внимание уделяли совместному, коллективному труду. В связи с тем, что в хозяйстве горцев было много работы, старшее поколение научилось работать сообща. В балкарской считалке на вопрос «Что такое шесть?» следует ответ: **Алты къош бла сабан сюрген ач къалмаз** (Р.р.) «Голода не испытают те шесть семей, которые совместно пахнут свои пашни». **Бирлешген иш сёгюлмез** (А.С.) «Объединенное дело не разрушится». **Бирликде – тирлик** (А.С.) «В единстве – сила». **Кюч кёп болса, иш бек болур** (А.С.) «Чем больше силы, тем прочнее дело» [4, с. 80].

В Балкарии широко распространена традиция, носящая название «**изеу**», а в Карачае – «**маммат**». Суть этой традиции заключается в том, что родные и знакомые, близкие и дальние сообща оказывают друг другу бескорыстную помощь в каком-либо трудоемком деле. Молодые люди принимали в нем самое активное участие. Традиция **изеу (маммат)** получила широкое распространение в жизни карачаевцев и балкарцев, и народ выразил свое отношение к ней в пословицах: **Маммат ашынг как болсун, иги ишлемесенг – хакъ болсун** (А.С.) «Пусть еда толока будет кашей, а если не будешь хорошо работать – пусть долгом». **Мамматны иши – экили** (А.С.) «Работа толока двояка».

Старшее поколение карачаевцев и балкарцев воспитывает в детях чувства глубокого уважения к труду. Все это занимает в жизни народа огромное место: **Жигерни тангы алгъа атар** (А.С.) «Для трудолюбивого утро раньше рассветает»; **Къыйналып ишлегенинг къууанып ашарса** (А.С.) «То, что добыл своим трудом, будешь есть с удовольствием»; **Жигер ишин тюзюнде кёрюр** (А.С.) «Трудолюбивому и во сне работа снится». **Иши жокъну сыйы жокъ** (А.С.) «У кого нет работы, к нему нет уважения». **Ишлеген тишленир** (А.С.) «Работающий обогатится». **Ишлемеген тишлемез** (А.С.) «Не работающий не обогатится». **Ишлей билмегенни иши болмаз** (А.С.) «Кто не умеет работать, тот не имеет работы». **Ишде темир тот болмаз** (А.С.) «В процессе работы железо не заржавеет». **Ишчи муратын ишинде кёрюр** (А.С.) «Работающий видит свою цель в работе». **Ишчини къызы ишге уста болур** (А.С.) «У работяги дочь тоже будет работящей».

Каждая паремия, выражающая концепт «труд», в карачаево-балкарском языке показывает колорит эпохи, авторитет поколений. Паремии карачаевцев и балкарцев утверждают о том, что любое сказанное в них истинно, правильно и значимо. И с этим не поспоришь.

Литература

1. Аникин В.П. Теоретические проблемы фольклора в трудах М.В. Ломоносова // Филологические науки. М., 1993. № 1. С. 10–19.
2. Бабаева Е.В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Воронеж: Издательство ВГУ, 2002. С. 25–34.

3. Гелястанова Т.С. Репрезентация концепта «труд» в карачаево-балкарских пословицах и поговорках // Язык – текст – дискурс: традиции и новации. Материалы международной лингвистической конференции. Самара, 2009. С. 287–289.

4. Гелястанова Т.С. Репрезентация трудового и умственного воспитания в пословицах и поговорках карачаевцев и балкарцев // Актуальные вопросы общего и кавказского языкознания. Материалы международной научной конференции (г. Махачкала, 13–15 мая 2010 г.). Махачкала, 2010. С. 78–81.

5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.

6. Тарланов З.К. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1993. 221 с.

7. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. 840 с.

Список сокращений

А.С. – Алиев С.Ч. Къарачай нарт сёзле (Карачаевские пословицы и поговорки). Черкесск, 1963. 482 с.

Р.р. – из разговорной речи.

T.S. GELYASTANOVA, F.KH. BITTIROVA

WAYS OF EXPRESSION OF CONCEPT «LABOR» IN KARACHAY-BALKARIAN PROVERBS

The article is devoted to the proverbs of karachay-balkarian language, representing the concept «labor». The proverbs stress that the beauty and strength of a man are in his work; a talent and inspiration of man are formed and manifested in the labor; labor is undoubtedly the moral value of the people. As a result of the proverbs and sayings study the relationship of man to labor and its importance in society is determined.

Keywords: karachay-balkarian language, proverbs and sayings, proverb, phraseological unit, concept of «labor», linguoculturology.

Л.Х. Атабиева

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена анализу наречий в тюркских языках. В ней рассматриваются различные способы образования наречий, на основе разнообразного материала показано развитие и совершенствование лексики тюркских языков в области наречий, в том числе и наречий – изолированных форм падежей имен.

Ключевые слова: тюркские языки, карачаево-балкарский язык, словообразование, наречие, изолированная форма, лексикализация.

Наречие в тюркских языках как одно из конкретных средств выражения мысли бытовало на довольно ранней стадии развития этих языков. Об этом свидетельствуют памятники древнетюркской письменности, в которых обнаруживаются довольно разнообразные по форме и значению типы наречий, показывающие то, что они, как и другие знаменательные слова, являются древней языковой категорией. В этих памятниках встречаются наречия – изолированные формы особенно дательного-направительного, местного, частично и исходного падежей имен: 1) **илгарю** «вперед», **бергарю** «на юг, к югу», **кьюрыгъару** «позади», **ичра** «внутри», **татра** «снаружи», **авгар** «домой», **йогарю** «высоко», «вверх» и др.; 2) **анда** «там», «тогда», **мында** «здесь», **башын-да** «наверху», **топасинта** «сверху», **жазында** «весною» др.; 3) **къантан** «откуда», **антан** «оттуда» и др. [1; 2].

Развитие и совершенствование лексики тюркских языков в области наречий, в том числе и наречий – изолированных форм падежей имен, шло самыми разными путями, одни формы отмирали, другие возрождались. В современных тюркских языках значения указанных падежей передаются в большинстве случаев

другими формами этих же падежей имен, в результате употребления потерявшими свои первоначальные значения и приобретшими значения наречий, например: *-гъа (-га)/-ге (-гэ)*, *-на/-не, -та (-ца) /-нге (-це)*; *-да (-та/-де (-те))*, *-дан (-тан) -ден (-тен)* и др. Видоизменилась не только аффиксальная, но и корневая часть подобных наречий.

Имеют место и такие случаи, когда на месте первоначальных форм и основ, передающих наречное значение, в современных языках появились новые формы, не похожие на прежние. Значения понятий «справа» и «слева» в древнетюркских памятниках передавались словами **берийа** и **йыргъару**. В современных тюркских языках эти значения передаются совершенно отвлеченными понятиями **онгда** «на правой стороне», **солда** «на левой стороне».

Хотя, как показывают данные древнетюркских памятников, форма дательно-направительного падежа *-гъары, -къары, -кери, -ра/-ре* и была самой распространенной формой передачи наречного значения, развитие ее не было продуктивным: она употреблялась в незначительном количестве слов. Тем не менее, определенный слой наречий с этими аффиксами сохранился в словарном составе каждого тюркского языка, что свидетельствует об устойчивом бытовании этой группы слов с древнейших времен. Больше всего следы данной формы сохранились в алтайском языке, в котором, кроме межтюркских **тескери** ~ **тискэре** ~ **тескари** «наизнанку», «обратно», «шиворот-навыворот», **ичкери** ~ **ичкар** ~ **ичэр** ~ **ишкери** «внутри», **тышкары** ~ **тыслары** ~ **тышхары** «наружу», **ары** «туда», **бери** «сюда», **учкары** ~ **учхара** ~ **ушкары** «вскользь», «необдуманно», **огъары** ~ **жогору** ~ **юхары** «вверх», **илгери** ~ **илери** «вперед», «впереди», «раньше, прежде», встречаются еще такие наречия как, **даскары** «весной», «к весне», **кюскары** «осенью», «к осени», **кедери** «подальше, вглубь», **энгиргери** «вечером», **кышкары** «зимой» и др.

Дальнейшее пополнение и совершенствование лексической и грамматической структуры наречий описываемого типа связано с расширением сферы их употребления. Появились многочисленные образования, которые выделились из общего фонда лексики тюркских языков в значении признака действия или признака признаков. Они возникли путем лексикализации форм пространственных падежей и деепричастных форм глагола в обстоятельственной функции (**алга** ~ **алгъа** ~ **алга** «вперед», «вначале», «сначала», **мындан** ~ **мундан** ~ **муннан** ~ **моннан** «от-

сюда», **мунда ~ мында ~ бунда** «здесь», **жайда ~ яйда** «летом», **башдан ~ бастан ~ баштан** «сначала», **ойнап ~ уйнап** «в шутку, шутя», минуя процесс изоляции собственно падежных форм, по аналогии с наречиями – изолированными падежными формами, т.е. путем аффиксации **жашлыкдан ~ яшлыктан** «по молодости, по неопытности», **ёргеден ~ ойдотон** «сверху», **түште ~ тушто** «в полдень», **уйламастан ~ ойлобостон** «невзначай», **кайтадан ~ кайтанан** «снова, заново, повторно»), аналитическим способом путем сложения слов (**жылдан-жылгъа ~ елдан-елга ~ йылдан-йыл** «из года в год», **ойнап-кюлюп ~ уйнап-колеп ~ ойноп-кулуп** «шутя», **анда-мында ~ онда-мунда ~ тегендэмонда** «там-сям, местами», «изредка, редко») и др.

По происхождению наречия – изолированные формы пространственных падежей имен выступают в двух видах. К первому относятся наречия, которые с точки зрения современных языков представляют собой слова, неразложимые на отдельные морфемы, т.е. первообразные наречия. Однако, по признанию многих исследователей, «наречия, неразложимые с точки зрения современного языкознания, исторически были производными» [3, с. 137]. У некоторых из них корневая или аффиксальная части в современных языках отдельно не употребляются или употребляются в совершенно ином звучании. Например, в наречии **огъары ~ жогору ~ юхары ~ жукары** корневая часть **о ~ жо ~ ю** отдельно не употребляется, а аффикс **-гъары, -гору, -хоры** звучит иначе, чем в древнетюркском языке, ср. **-гъару/-гарю**. В ряде же слов, как уже указывалось, этот аффикс в современных языках употребляется с усечением элемента **-ру/-рю**: ср. **авгарю** и **юйге ~ ойгэ ~ уйго ~ уйга**.

Большинство первообразных наречий употребляется во многих тюркских языках или в ряде из них, например: **ары** (кар.-балк., ног., кумык., киргиз., казах., алтай., караим.), **нери** (уйгур.), **ора ~ орая** (азерб.), **олере** (тур.), **орайты** (гагауз.) «туда»; **бери** (кар.-балк., кумык., турец., ног., караим., башкир., узбек., уйгур., каракалп., казах., киргиз., алтай.), **бирэ** (татар.), **бура** (азерб.), **бэри** (туркм.), **бурайы** (гагауз.) «сюда»; **эртте** (кар.-балк.), **эрте** (кумык., ног., тувин., алтай., киргиз., казах., каракалп.), **эрте** (караим.), **иртэ** (татар., башкир.) «рано», «раньше» и др.

По мнению большинства исследователей, на основании того, что в турецких наречиях и послелогах **бурада** (бура) «здесь», **орада** (ора) «там», в азербайджанских **һара, кәјра** «куда», в караимском **кайра** «куда» в выражении места или направления сохрани-

лись следы предметно-лексического значения, сопоставление входящих в них компонентов **-ра, -рэ** со словом **ара** «*среда*», «*место*», «*промежуток*» и со словом **ер** «*земля*» в форме дательного падежа не требует особых доказательств. Относительно же наречий и послелогов в др.-тюрк. **тэгра** «*вокруг*», алтай. **ажыра** «*больше, сверх*», **откурэ** «*через, сквозь*» и др. высказывается мнение об их глагольном происхождении, т.е. от вторичных (отыменных) глагольных основ [3, с. 42]. В современных тюркских языках такие формы сохранились в турецком (**сонра, ташра, узрэ**), азербайджанском (**сонра, узра**), туркменском (**очрэ, удрэ**), узбекском (**ипра, узра**), карачаево-балкарском (**сора, сонгура**), казахском (**соцыра**), караимском (**сонра, сондра**) и татарском (**сонра**) языках.

Итак, производность наречий – изолированных форм пространственных падежей имен семантически и по своему морфологическому оформлению связана с другими частями речи. Они составляют основной фонд наречий тюркских языков и с малыми фонетическими отклонениями имеют общетюркское распространение.

Литература

1. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 118 с.
2. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
3. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 190 с.

L.H. ATABIEVA

THE METHODS OF FORMING ADVERBS IN TURKIC LANGUAGES

Given article is devoted to the analysis of adverbs in turkic languages. In it various ways of formation of adverbs are considered, on the basis of a varied material progress and perfection of lexicon of turkic languages in the field of adverbs, including adverbs – the isolated forms of cases of names is shown.

Keywords: turkic languages, karachay-balkarian language, word-formation, an adverb, the isolated form, lexicalization.

Т.Ю. Бичекуева

СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД НА УРОКАХ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена особенностям преподавания карачаево-балкарского языка в современных условиях всеобщей глобализации и интеграции, и, в частности, применению системно-деятельностного подхода в образовательном процессе.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, системно-деятельностный подход, Монтессори-педагогика, коммуникативные, регулятивные и личностные действия, проект, урок.

Современное общество меняется, задает новые требования, а, соответственно, влияет и на ситуацию в образовании. Сегодня ускорение темпов развития заставляет стремительно меняться школу, которая должна идти в ногу со временем. В образовании за последние годы произошли кардинальные изменения в представлении о целях образования, путях их реализации. Произошел переход к пониманию обучения как процесса подготовки учащихся к реальной жизни, готовности к тому, чтобы занять активную позицию в обществе, успешно решать жизненные задачи, уметь сотрудничать и работать в группе, быть готовыми к быстрому переучиванию в ответ на обновление знаний и требования рынка труда. Тем не менее, знания, умения и навыки остаются основными итогами образования.

Развитие личности в системе образования обеспечивается, прежде всего, через формирование универсальных учебных действий. Овладение учащимися универсальными учебными действиями выступает как способность к саморазвитию и самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового социального опыта. Другими словами, это означает

умение учиться. Универсальные учебные действия – главная составляющая системно-деятельностного подхода в обучении. Системно-деятельностный подход сегодня реально приходит в образование и в обучении родному языку надо эффективно их реализовывать [1].

Основной принцип системно-деятельностного подхода заключается в том, что знания не преподносятся в готовом виде: учащиеся получают информацию, самостоятельно участвуя в исследовательской деятельности. Задачей учителя при введении или отработке материала не является все доступно объяснить и рассказать. Он должен организовать исследовательскую работу учеников так, чтобы они сами нашли решения проблемы, отработали в речи грамматические и лексические структуры. Для активизации познавательной и практической деятельности учащихся на уроках родного языка можно использовать разнообразные приемы, формы и методы организации учебно-воспитательного процесса. Использование системно-деятельностного подхода формирует мотивацию учащихся к изучению карачаево-балкарского языка, создает положительный эмоциональный фон урока. Приемы работы могут быть различны: игровые формы деятельности при введении и закреплении новой лексики, активизация речевой деятельности с помощью разнообразного дидактического и раздаточного материала, использование игрушек, создание компьютерной анимации и слайдов, озвученных на родном языке.

На сегодняшний день именно системно-деятельностный подход наиболее полно описывает структуру учебной деятельности учащихся, а также основные психологические условия и механизмы процесса усвоения. Он позволяет внедрить в учебный процесс активные формы обучения, способствующие развитию творческих способностей учащихся, мышления, умения перестраиваться в быстро меняющемся современном обществе. Делается акцент на групповые и парные работы, которые «вытесняют» фронтальные формы работы.

К коммуникативным действиям, обеспечивающим возможность сотрудничества учеников относятся: умение слушать и понимать партнера, планировать и согласованно выполнять совместную деятельность, распределять роли, взаимно контролировать действия друг друга и уметь договариваться (работа в парах, группах). В процессе изучения родного языка формируются, таким образом, речевые умения [2, с. 23].

На уроках ученикам предлагается ряд задач, в которых необходимо найти схему, отображающую логические отношения между известными данными и искомыми. Предметом ориентировки и целью решения задачи является установление логических отношений между данными и искомыми. В процессе вычислений, измерений, поиска решения задач у учеников формируются основные мыслительные операции (анализ, синтез, классификация, сравнения и т.д.), умения различать обоснованные и необоснованные суждения, обосновывать этапы решения учебной задачи, производить анализ и преобразование информации.

Формирование регулятивных действий – действий контроля, самопроверки и взаимопроверки заданий – важный момент урока. Учащимся предлагаются тексты для проверки, содержащие различные виды ошибок.

Личностные действия – это самостоятельное определение и высказывание самых простых, общих для всех людей правил поведения при общении и сотрудничестве (этические нормы общения и сотрудничества).

Проект – это самостоятельно планируемая и реализуемая учащимися работа, в которой речевое общение вплетено в интеллектуально-эмоциональный контекст другой деятельности. Метод проектов позволяет решить проблему мотивации, создать положительный настрой при изучении иностранного языка. Это достигается при помощи переноса центра обучения с преподавателя на учащегося, создания условий для сотрудничества и взаимодействия между учащимися, что является мотивирующим фактором, а позитивная мотивация – это ключ к успешному изучению иностранного языка. Выполнение проектных заданий позволяет учащимся видеть практическую пользу от изучения иностранного языка, следствием чего является повышение интереса к этому предмету.

В курсе родного языка также может использоваться метод проектов в рамках программного материала практически по любой теме, поскольку отбор тематики проводится с учетом практической значимости для учащихся (человек и его окружение). Берется проблема, над которой учащиеся будут работать. Необходимо четко определить тему и цели проекта, его значимость, актуальность.

Использование методов педагогической системы Марии Монтессори также ценно на уроках родного языка. Основной

целью воспитания и образования Монтессори считала помощь самостоятельной жизни ребенка, адаптации его в обществе, а именно она понимала ее как «помощь в жизни». «Помоги мне это сделать самому» – вот основное ядро развития воспитания и обучения по Монтессори. Ребенок имеет право действовать совершенно свободно. Как ни в какой другой педагогической системе, в Монтессори-педагогике учитель отступает на второй план [3, с. 41].

На уроке родного языка ребенку должно быть комфортно и физически и духовно. Он учится ставить цель и находить соответствующие пути ее достижения. Направленная на дидактические цели моторика влияет на общее, эмоциональное, речевое и социальное развитие. Через сильную притягательность материалов ребенок приобретает интерес к вещи. Из любопытства и радости общения с материалом у него возникает внутренняя мотивация, которая помогает ему постигать мир. Родной язык – один из способов изучения мира, окружающего ребенка.

Монтессори-материалы способствуют «поляризации внимания», направленного на выявление глубинной, изнутри идущей связи предметов. Она происходит в процессе повторения упражнений. Таким образом, достигается глубокое проникновение в суть добровольно выбранной деятельности.

Чтобы способствовать независимости ребенка от взрослых, Монтессори-материалы дают ему возможность контроля над ошибками, самоконтроля. Ребенок должен уметь сам находить свои ошибки и исправлять их. Поэтому учитель на уроках родного языка должен дать время ребенку для анализа своей работы и не торопить его.

Урок – главная составная часть учебного процесса. Учебная деятельность учителя и учащегося в значительной мере сосредотачиваются на уроке. Вот почему качество подготовки учащихся во многом определяется уровнем проведения урока, его содержательной и методической наполненностью, его атмосферой. Для того, чтобы этот уровень был достаточно высоким, надо, чтобы учитель в ходе подготовки урока постарался сделать его своеобразным произведением искусства со своим замыслом, завязкой и развязкой. Достичь этой цели поможет использование системно-деятельностного подхода.

Таким образом, можно утверждать, что в условиях многоязыкового и поликультурного мира применение данного под-

хода в рамках урока родного карачаево-балкарского языка дает возможность преподавания предмета на современном научном уровне.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования – <http://standart.edu.ru>
2. Юлина Н.С. Философия для детей. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2005. 287 с.
3. Введение ФГОС основного общего образования как фактор модернизации системы образования СК / под науч. ред. А.А. Волкова. Ставрополь: ГБОУ ДПО СКИРО ПК и ПРО, 2012. 170с.

T.YU. BICHEKUEVA

SYSTEM-ACTIVITY APPROACH AT LESSONS OF KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

Article is devoted to features of teaching of karachay-balkarian language in modern conditions of general globalization and integration, and, in particular, to application of system-activity approach in educational process.

Keywords: karachay-balkarian language, system-activity approach, Montessori-pedagogics, communicative, regulatory and personal actions, the project, a lesson.

УДК – 811.512.142

Ф.Х. Ахматова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена выявлению причин многозначности слова и способам их развития в языке. Развитию многозначности слов в исследуемом языке способствуют различные условия. Автор производит анализ основных способов словообразования.

Ключевые слова: многозначное слово, словообразовательные возможности, языковые причины, слово, внеязыковые причины.

Развитию многозначности могут влиять как внеязыковые, так и языковые причины. Главными из неязыковых причин являются две. Первая – это принцип экономии. Суть его заключается в следующем: нельзя обозначать каждое новое понятие словом, ибо это приведет к непомерному увеличению словарного состава языка. Поэтому мы вынуждены использовать одно и то же слово для обозначения разных предметов, связанных в нашем сознании, «переноса названия данного предмета на другие. Вторая причина определяется способностью человека обобщать в слове явления окружающего нас мира, которая отражается в языке, в том числе в многозначности [1, с. 161–165].

Приведем несколько примеров на внеязыковую причину развития многозначности имен существительных.

Например, слово *джан* «душа» новые значения «живое существо, создание», «душа, едок, человек», «вдохновитель, душа» получило в связи с религиозными представлениями, бытовавшими у карачаевцев и балкарцев издавна.

Многозначность слова *джюрек* «сердце», видимо, связано не столько тем, что является важнейшим жизненным органом че-

ловека, сколько тем, что выступает как очень распространенный образ фольклора. Ёнке «легкое», бюйрек «почка», тамакъ «горло, глотка, гортань» – тоже важные органы человека, тем не менее они однозначны. Словари не зарегистрировали ни одной пословицы и поговорки, с этими словами. На слово же *джюрек* приводится свыше двух десятков этих единиц.

Слово *тёре* первоначально имело значение «третейский суд», которое сохранилось и поныне: *Тёре кесген бармакъдан къан чыкъмаз* (погов.) «Из пальца, порезанного тёре, кровь не пойдет [т.е. тёре справедлив]». С изменением политического строя у карачаевцев и балкарцев это слово приобрело новые значения – «обычай, порядок», «привычка»: *Кесинден тамаданы сыйлагъан, къарыусузгъа болушхан, тамада аллына келсе, къобун, къолун тутхан дегенча ахшы тёрелерибиз* кёндюле (журн. «Минги-Тау») «У нас много хороших обычаев: уважать старших, помогать слабым, встать перед старшим и подать ему руку и другие»; [Ильяс Хасаннга:] *Неди сени бу тюз мени кёргенлей, ишчилерингден тарыгъын башлагъан тёренг?!* (Гадийланы И.) «[Ильяс Хасану]: что у тебя за привычка, как только видишь меня, начинаешь жаловаться на своих рабочих?!»

Языковые причины образования многозначности бывают внешние и внутренние. К внешним относится, например, образование переносных значений слов, обусловленное русско-карачаево-балкарским двуязычием. Например, терминологические значения *сыфат* «прилагательное», *тамыр* «корень», *сингир* «жила», *табакъ* «сосуд», *баичы* «подлежащее», *къабакъ* «ворота» (спорт.), *къошум* «вклад»; у слов *сыфат* «облик, внешний вид», *тамыр* «корень», *баичы* «руководитель, начальник, лидер, главарь», *къабакъ* «село, селение; стводжа, ставня, ставень, ворота», *къошум* «добавка, прибавка» появились таким образом. Из внутренних причин можно назвать взаимодействие литературного языка с диалектами и его вариантов (карачаевского и балкарского) между собой. Так, благодаря этому появились значения *джыллыкъ* «возраст», *джары* «ремешок из шкуры овцы или козы» у слова *джыллыкъ* «годовщина», *джары* «тонкая овчина без шерсти» в карачаевском варианте, *джарыкъ* «радость», *таи* «место обитания человека», *джарыкъ* «свет», *таи* «камень».

Развитию многозначности слов в исследуемом языке способствуют различные условия. Основными из них являются следующие:

1. Отсутствие экспрессии и эмоциональной окраски у производящего слова. Это особенно заметно в синонимичных словах. Например, в синонимичной паре слов *кекел* и *чуукал* «чуб» первое не имеет экспрессии и эмоциональной окраски. В ТСКБЯ у этого слова отмечены три значения: 1) *чуб* – спускающаяся на лоб прядь волос у мужчин: *Лиза Азаматны кекелчигин онг джанына тарады, башына дух сенди* (Токумаланы Ж.) «Лиза расчесала чубчик Азамата на правую сторону и надушила волосы»; 2) челка – опущенная на лоб и подстриженная прядь волос: *Кюзгю аллында сюелип, къызычкыъ, кекелчигин бармагъы бла буруп, бурма этерге кюрешеди* (Бабаланы С.) «Стоя перед зеркалом, девочка закручивает свою челку пальцем, стараясь ее завить»; 3) оселедец – длинный чуб, оставляемый на бритой голове: [*Залим:*] *Асхат, сен да, запороджьечи къазакълылача, кекел ёсдюре кёреме* (Залийханланы Ж.) «[Залим:] Асхат, оказывается, ты тоже, как запорожские казаки, оставляешь (на голове) оселедец». А слово *чуукал* диалектизм, т.е. имеет экспрессию, поэтому у него лишь одно значение, совпадающее с первым значением слова *кекел*. В синонимических словарях *джюк* и *ылыкыф* «груз» второе – архаизм, однозначно, а первое многозначно: 1) груз – товар, принимаемый для перевозки: *Джюгю ауур болса, эшек джоргъа болур* (посл.) «Если груз тяжелый, то осел начинает семенить (еле идет)»; 2) залог, заклад, задаток вещь, остающаяся у выдавшего под нее ссуду: *Кюбюрчекге джыяйым мен малынгы, борчлу бол джюкге берирге джанынгы* (сб. «Жилтинле») «Я соберу твой скот вместе, если дашь свою душу под залог»; 3) бремя, обуза – тяжесть, нечто тяжелое, трудное: *Къазауатны ауур джюгюнден талгъан аскерчиле энди джопну олтурадыла* (Къобанланы Д.) «Уставшие от тяжелого бремени войны бойцы сидят группами». В ряду однокоренных синонимов *тилчи* ~ *тиллай* ~ *тилтаппа* ~ *тилбаракъ* с общим значением «доносчик, ябедник», первое слово, лишенное экспрессии и эмоциональности, выступает в трех значениях: 1. «доносчик, ябедник» «человек, занимающийся доносами: *Тилчи акъгъа къараны джагъар* (погов.) «Ябедник белое очернит»; 2) сплетник – человек, который сплетничает: *Тилчини тили хунадан ётер* (посл.) «Язык сплетника каменный забор «пробивает»; 3) редко «языковед-ученый специалист по языковедению: *Илму кенгешге белгили тарыхчыла, тилчиле, адабиятчыла къатышхандыла* (газ. «Заман») «На научном совещании принимали участие известные историки, языковеды, литераторы». Остальные три ряда просторечные, у которых лишь одно значение слова общее для всего ряда.

2. Частота употребления слова, если обозначаемое им понятие актуально. Например, в лексико-семантической группе названий кухонной посуды *аякъ* «чаша, чашка», *къашыкъ* «ложка», *чанчхы* «вилка (столовая)», *табакъ* «миска, тарелка», *чолну* «половник; поварешка», *пиала*, *стакан*, *кружка* переносные значения образует только слово *аякъ*: 1) *чашиа*, *чашка* – небольшой, округлой формы сосуд для питья: *Кюмюш аякъда суу татыулу кёрюнюр* (посл.) «В серебряной чаше вода кажется вкуснее»; 2) *бокал*, *чашка*, *кубок* посуда для вина в виде большой рюмки: – *Айып этмегиз, энди ичаллыкъ туююлме, – деп, Хамит, аягъын бир жанына тюртдю* (Тёппеланы А.) «– Не обессудьте, больше не могу пить, – сказал Хамит и отодвинул свой бокал»; 3) *тост* – короткая речь с пожеланием чего-либо и предложением выпить в честь кого-либо: – *Шуёхла, ой шуёхла! Алгъыш аякъ алыгъыз, толкъун къарсла урулун, тюз тепсеуге барыгъыз* (Гыттыулары М.) «– Друзья, эй друзья! Поднимите бокалы за заздравный тост, под хлопки в ладоши танцуйте групповой танец». Объясняется это нужностью, актуальностью понятия, обозначаемого словом *аякъ*. Другие же слова данной группы однозначны, потому что обозначаемые ими понятия являются менее активными, хотя по частоте употребления, возможно, не уступают слову *аякъ*. Еще пример. Слова, входящие в лексико-семантическую группу «металлы» (*алтын* «золото», *кюмюш* «серебро», *багъыр* «медь», *джез* «медь, латунь», *акъкъалай* «алюминий», *къоргъашин* «свинец», *темир* «железо» и др.), часто употребляемы и однозначны. Исключение из них составляет лишь слово *алтын* «золото», которое имеет переносное значение (см. выше), что объясняется указанным обстоятельством.

3. Нечленимость основы слова с морфологической точки зрения. У слов с производной основой словообразовательных возможностей меньше, чем у слов с непроизводной основой. Это объясняется тем, что «значение словообразовательных формантов... индивидуализирует общее значение слова и мешает использованию его в качестве знака для обозначения других понятий [2, с. 88]. Это относится и к именам существительным карачаево-балкарского языка. Так, в ТСКБЯ из 86 многозначных существительных на букву А производными являются 28 (32,5%), из 82 существительных на букву Ж – 32 (39%), а из существительных на букву Д – 13 (31,4%). Следовательно, подавляющее большинство имен существительных с переносным значением

имеют непроизводную основу. Данные нашего исследования показывают также, что существительные с производной основой в основном не имеют переносных значений, т.е. однозначны.

4. Словообразовательные возможности лексико-семантической группы, к которой относится данное слово. Наличие переносных значений слов в значительной степени зависит от их словообразовательных возможностей. Анализируя различные лексико-семантические группы имен существительных, мы убедились в том, что те из них, которые лишены деривационных потенций, не употребляются и в переносных значениях. Это названия металлов, украшений, напитков, кушаний, пищевых продуктов, орудий труда, деревьев, инструментов, тканей и изделий из них, машин, постельной принадлежности, мебели и мн. др. Из такой огромной массы имен существительных многозначны лишь единицы: *ийне* «иглолка, игла»: 1. «Заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нитки, употребляемый для шитья»: *Ийне* *башхаланы кийиндиреди, кеси уа къымьджады* (посл.) «Иглолка других одевает, а сама голая»; 2. *перен.* «предмет такой формы, заостренный с одного конца, колющий»: [*Айыу:*] *Кирпини уа хорлар эдим, алай ийнелеринден къоркъама* («Халкъ жомакъла») «[Медведь:] Ежа бы, конечно, одолел, но боюсь его игл.

Таким образом, становится очевидным, что значения слов так же, как и словарный состав языка, находятся в постоянном развитии, изменении. Это связано с изменением реалий, их социальной оценки, табу и т.д. Изменения же реалий обусловлены трансформациями, происходящими в экономической, политической и культурной жизни народа.

Литература

1. *Смирнова Н.С.* К вопросу многозначности слов // Исследования по лексикологии и словообразованию. Красноярск: АН СССР, Ин-т русского языка, 1970. С. 161–165.
2. *Прохорова В.Н.* Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. М: Изд-во МГУ, 1980. 88 с.

Список сокращений

ТСКБЯ – Толковый словарь карачаево-балкарского языка.

F.H. AHMATOVA

**WORD-FORMATION ACTIVITY
IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE**

Given article is devoted to reveal the reasons for the appearing a multi-meaning word and the ways of their development in a language. There are different conditions, which promote the development of a multi-meaning word in the researched language. The author makes the analysis of the main ways of word-formation.

Keywords: a multi-meaning word, word-formation possibilities, language reasons, word, not-language reasons.

УДК – 811.512.142

А.А. Девеева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРЯДОВ СВАТОВСТВА И БРАКОСОЧЕТАНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена наименованиям обрядов сватовства и бракосочетания в карачаево-балкарском языке. Лексика свадебного обряда имеет важное значение для разработки проблем этногенеза, истории карачаево-балкарского языка и других тюркских языков.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, этнография, лексика, морфологический способ, семантико-морфологический способ.

Национальные традиции, обычаи, история карачаевцев и балкарцев отражается в этнографической лексике. Лексика свадебного обряда репрезентирует этнические особенности духовной культуры народа, обычаев и традиций. Материальная и духовная сферы этноса взаимосвязаны между собою и взаимообусловлены в своем порождении и постоянном развитии. Этнографическая лексика включает в себя слова со специфическими этническими свойствами духовного облика, черты национально-этнического характера.

Той «свадьба» является обрядом заключения брака, а также празднеством по случаю вступления в брак. В карачаево-балкарском языке нашли отражение следующие слова, выражающие обычаи, традиции свадебного обряда: *алымчы* «казначей и распорядитель на свадебных танцах, собиратель выкупов»; *аналыкъ* «свадебный подарок матери (от жениха или невесты)»; *аталыкъ* «свадебный подарок отцу жениха от невесты»; *ау* (*ау жаулукъ*) «платок, покрывало, которым покрывают невесту (когда вводят ее в комнату родителей мужа)»; *бал аякъ* «чаша с медом»; *белги* «подарок девушки парню (в знак согласия стать его женой)»;

берне «приданое»; *бернесиз* «без приданого, без подарков»; *окъа бёрк* «девичья шапочка, расшитая галуном»; *бёрк алыу* «во время первого прихода зятя в дом родителей невесты кто-либо из молодых родственников невесты может сорвать шапку с головы жениха, за что дружки жениха должны дать выкуп»; *бет ачаргъа* «о молодой невестке: перестать избегать родственников мужа, свободно с ними говорить, общаться»; *юй бийче* «глава женской половины дома при семейной общине»; *боза аякъ* «чаша с бузой (которую поднимает старейший, благославляя новобрачных)»; *болуш юй* «дом, в котором находится жених в первые дни после женитьбы; после свадьбы хозяева этого дома становились близкими родственниками жениху и невесте»; *гинжилик* «принадлежности для кукол, которые девушка, выходя замуж, готовит для одаривания детей родственников жениха»; *ау жаулукъ //баш ау* «шаль новобрачной (ею покрывали невесту перед тем, как ввести в комнату родителей мужа)»; *ич жаулукъ* «нижний платок замужней женщины (он темного цвета, надевается обычно под большой платок)»; *а жаш* «обращение невестки к старшему брату мужа, имя которого она не должна произносить»; *жашчыкъ* «обращение невестки к младшему брату мужа»; *келинни юйге кийирирге* «вести невесту в дом (на второй или третий день свадьбы вводят новобрачную в дом родителей жениха, чему посвящается специальный обряд)»; *кепис* «серебряные застёжки-пластины на рукавах девичьего платья; драгоценные подвески на серьгах, на поясе и т.п.»; *кёлтюргенлик берне* подарки по случаю рождения ребенка (по обычаю невестка, родившая ребенка, одаривала родственников мужа ценными подарками); *кёрюм-дюк* (карач.) / *кёргюнчлюк* «подарок за смотрины (в честь того, что впервые увидел молодую невестку или новорожденного)»; *кёрюнюрге* «показываться знакомиться»; *киеу кёрюне барады* «зять идет знакомиться (с родственниками жены в ее дом, где устраивается торжество)»; *юйге киргенлик* «подарок в честь первого вхождения в дом; обычно между родителями молодых»; *къыз кюбюрчек* «сундучок или чемоданчик с принадлежностями для рукоделия, парфюмерией и т.п. для личного пользования невесты или для одаривания детей в дни свадьбы»; *кямар* «женский пояс из серебра, отделанный чернью или филигранью»; *къалым* «калым, выкуп за невесту»; *юй къач* подарки в день свадьбы (от родителей невесты родителям жениха в честь их дома, очага); *къурман мал* «жертвенное животное»; *къыз нёгерле* «лица, стоящие при

невестке в первые дни замужества»; *киеу нёгерле* «верховые, участвующие в перевозе невесты в дом жениха»; *орайда* «народная песня, которая исполняется на свадьбе при провожании невесты в дом жениха»; *отоу* «комната для новобрачных (в доме жениха)»; *отоу керек* «принадлежности для комнаты новобрачных»; *сёлешдиргенлик* «подарки невестке от родственников мужа в честь произнесенного ею первого слова в их присутствии»; *келинни сёлешдирирге* «просить невестку заговорить»; *тил тутаргъа* «не разговаривать (невестка не разговаривает в знак уважения со старшими родственниками мужа до определенного обряда)»; *тил тутуу* «молчание»; *токъал* «первая жена по отношению к последующим»; *киеу томурау* «чурбак, который должен расколоть молодой зять при первом посещении дома родителей жены»; *тюп-баиш* «приданое; постельные принадлежности»; *тюз тепсеу* «танец, при котором партнеры становятся лицом к друг другу и делают шаги то вперёд, то назад»; *ол жашны (къызыны) уллусу барды* «у этого парня есть неженатый старший брат; у этой девушки есть незамужняя старшая сестра»; *хапчюк* «приданое (вещи для личного пользования – обычно постельные принадлежности, ковры, посуда и т.п., которые даются родителями вышедшей замуж дочери)»; *къаты хапчюк* «(букв. твердое приданое) как часть приданого – мебель, посуда»; *хапчюгюн берирге* «дать приданое»; *хапчюгюн келтирирге* «привезти приданое (в дом жениха)»; *эрини атын айтхан ырысды* «произнесение имени мужа запретно»; *улуй дом* стариков (часть дома, где сосредоточивалась вся жизнь семьи; обычно здесь жили отец, мать); *юйге киргенлик* «подарок в дом родственников мужа в честь первого визита молодой невестки»; *келечи* «сват»; *келин келген къурманлыкъ* «пир по поводу привода невесты»; *той* «свадебный пир»; *къыз сайлау* «выбирание невесты, смотрины»; *келинлик* «невестка (будущая)»; *киеулюк* «жених (будущий)»; *жоллукъ* «выкуп за проезд или проход (свадебный обряд)»; *жегенден тюшюрюу* «вывод невесты из родительского дома»; *къурманлыкъ* «пир, торжество, угощение»; «скотина, которая приносится в жертву в честь какого-либо торжества»; *неках* «бракосочетание (по мусульманскому обряду)»; *неках мал* «скот, даримый женихом родителям девушки при помолвке»; *неках сый* «подарки, которые приносят со стороны жениха в дом девушки при помолвке»; *союм жыйыу* (уст.) «сбор помощи для выплаты калыма»; *къач чырча* (ц. диал.) «почетный подарок в виде чаши, наполненной разными лакомствами, прия-

ностями и предметами туалета»; *ау* «занавеска, занавешивавшая ложе молодых, полог, ширма»; *баш ау / ау жаулуқъ* «фата»; *баш ау алыу* «показ невесты родителям и родственникам жениха, после чего она приобщается к домашнему труду»; *дигиза* «женщина или девушка, обслуживающая невесту в первые брачные дни (карач. «няня; кормилица»)», *атланнган той* «танцы, устраиваемые по случаю проводов гостей в путь»; *атланнган аякъ* «чаша с напитком (бузой) или спиртные напитки с закуской, подаваемые жениху и его товарищам для выпивания перед отъездом из дома или гостям, уходящим от праздничного стола»; *киеу стол / киеу къанга* «стол с угощением, предназначенный для зятя с его друзьями»; *кюбе теишмеген къыз* «незамужняя девушка»; *къыз быстыр* «одежда девушки до замужества»; *берне* «приданое»; *бериу-алыу* «преподнесение подарков родственниками жениха и невесты друг другу»; *сый* «подарки в виде продуктов, вещей, скота, которые посылает дом жениха в дом невесты после свадьбы»; *аталгъан мал* «скотина, завещанная кому-либо, предназначенная для чего-либо»; *той байракъ* «свадебный флаг»; *юй байракъ* «флаг семьи с тамгой или без него»; *къоз бёрк* (букв. ореховая шапка) «высоко устанавливаемая шапка из прутьев, обтянутая шелковой тканью, чаще бархатом, с лакомствами и подарками, к которым лезут парни-смельчаки по промасленному ремню: доставший шапку раздает лакомства и подарки девушкам», *тенгек сый* «приз, выделяемый из сувениров невесты для награждения победителя по стрельбе»; *неках табакъ* «поднос – подношение со свадебной ритуальной пищей в знак бракосочетания»; *киеу аякъ* «чаша жениха»; *гяпчи* (ц. диал. *кептай*) «ряженный – персонаж свадьбы, который развлекает народ на свадьбах»; *улан нёгер* «дружка, шафер»; *ёрюм* «деревянный шест, смазанный маслом, предназначенный для лазания (на свадьбах, пирах)» [1].

Лексика свадебного обряда в карачаево-балкарском языке образуется различными способами:

а) морфологический способ (аффиксы -лыкъ/-лик; -ын/-ин; -на/-не: *аналыкъ* «свадебный подарок матери (от жениха или невесты)»; *аталыкъ* «подарки, даримые невестой свекру»; *келинлик* «невестка, будущая»; *къалын/къалым* (карач.) «калым, выкуп за невесту»; *жыйын* «народное собрание»; *келин* «невестка, сноха»; *берне* «приданое»);

б) семантико-морфологический способ: *атланнган аякъ* «прощальный тост перед дорогой, на посошок», *мюйюш жабыу* «за-

навеска (в углу комнаты, за которой стояла невестка во время свадьбы)», *неках сый* «подарки, которые приносят со стороны жениха в дом девушки при помолвке», *киеу кёрюне барыу* «обряд посещения зятем дома жены», *бал аякъ* «чаша с медом», *окъа бёрк* «женская шапочка, украшенная золотистым галуном»; *юй къач* «подарки родителей невесты в честь дома (семьи) жениха в день свадьбы».

Лексика свадебного обряда указывает на предназначенность для обозначения процесса. Название обрядов и обычаев отражает духовную жизнь и состояние этнокультуры исторического прошлого народа.

Литература

1. *Антоев А.К.* Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2004. 118 с.

A.A. DEVEEVA

THE REPRESENTATION OF RITUALS OF COURTSHIP AND MARRIAGE IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

This article is devoted to names of rituals of matchmaking and marriage in karachay-balkarian language. Lexicon of wedding ceremony is important for the development of the problems of ethnogenesis and history of karachay-balkarian language and other Turkic languages.

Keywords: karachay-balkarian language, ethnography, vocabulary, morphological method, semantic-morphological method.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ, МЕТОДОЛОГИИ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ, ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

УДК – 821.35+821.512.1

З.Х. Толгуров

РОЖДЕНИЕ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ЛИТЕРАТУРАХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья посвящена одной из актуальных проблем северокавказского литературоведения. В ней отмечается, что наиболее значительные успехи в литературах народов Северного Кавказа приходится на вторую половину XX столетия. Воспевая величие человека, его физическую и нравственную красоту, поэты окраин России обращались к различным жанрам поэзии, но наибольшего расцвета достигла лирика.

В работе со ссылкой на исследования многих ученых-литературоведов показывается сложный путь формирования лирики как рода литературы.

Ключевые слова: литература, творчество, лирический герой, литературный процесс.

Наиболее значительные успехи устного творчества горских народов, в частности тюркоязычных народов, приходится именно на XIX столетие [8; 13; 5; 14], когда в фольклорных произведениях идет процесс активного расширения сферы лирического самовыражения. С одной стороны, создаются песни безымянными авторами, но которые, можно сказать, были на уровне индивидуальных импровизаторов. Например, карачаево-балкарские песни «Таукан» («Таукъан»), «Песня Алия» («Алийни жыры»), «Айжаяк» («Айжаякъ»), «Песня проклятия» («Къаргъыш жыр»), «Я проклинаю» («Къаргъыш этеме»), «Русско-японская война» и т.д. С другой стороны, широко известными становятся имена певцов-импровизаторов профессионального уровня, творят выдающиеся поэты Кязим Мечиев, Гамзат Цадаса, Бекмурза Пачев, Батырай, Махмуд и т.д.

Духовная жизнь горских народов XIX столетия, особенно второй его половины, получает самое интенсивное развитие относительно всех прошедших этапов истории этих народов. Вместе с тем она сочетала в себе разные уровни эстетического сознания и разные типы художественного освоения действительности. Если попытаться сконструировать модель литературной жизни данной эпохи, квалифицировать все черты ее развития, то, наверное, получилось бы калейдоскопическое сочетание тенденций. Но в этой пестроте были определяющие содержательные измерения, конструктивные особенности накапливаемого мыслительного материала, которые в качестве традиций вошли в духовное наследие, тормозя или способствуя движению литературы на последующих этапах ее развития и формирования. Каковы же эти особенности или типы эстетического отношения к жизни и чем они обусловлены? Естественно, причин, породивших синхронно развивающихся уровни в литературе XIX столетия горских народов, немало, но главный фактор – социально-экономические условия, характер той общественной формации, которой определяются производственные отношения. Во всяком случае, бесспорно, то, что именно они способствовали выдвиганию на передний план индивидуализированного творчества.

Конечно, в отличие от развитых западноевропейских народов, народы Северного Кавказа не знали общеизвестных историко-экономических систем в чистом виде с четкими переходными границами. Н.И. Конрад пишет, что многие народы пришли к феодализму «свободными от огромного груза античного наследия», что всесторонне развитый этап рабовладельческого общества был характерен только для пяти народов – эллинов, латинян, иранцев, индийцев и китайцев [9, с. 8]. Что касается горцев Северного Кавказа, то, действительно, их социально-экономическое развитие в канун Великой Октябрьской революции сочетало в себе патриархально-общинного строя, феодального и капиталистического, но зарождение одного из них, пользуясь словами Н.И. Конрада, не было результатом исчерпанности возможностей другого.

Для экономической жизни горских народов Северного Кавказа, да и не только для них, было характерно соединение разнородных систем хозяйства, но с преобладанием натурального, вплоть до начала формирования социалистических производственных отношений. В связи с этим приходится говорить, во-

первых, о том, что познающее сознание горцев не успело еще отделиться, в полном смысле этого слова, от той сферы материального производства, в результате которой происходило накопление опыта, навыков, эмпирических знаний, эмоций – всего того, что лежит в основе умственной деятельности; во-вторых, оно еще не было способно подняться до художественного абстрагирования, до уровня, позволяющего репрезентировать идеи, переводить момент единичности в момент всеобщности. Конкретизируя сказанное, отметим, что круг жизненных, исторических, социально-общественных явлений, событий, обусловивший формирование дореволюционного сознания горца, был тесен и специфичен. Горец жил и трудился, почти не выезжая за пределы аула или ущелья, где родился и вырос.

Занимаясь в основном скотоводством, горец был связан лишь с жителями своего аула, в лучшем случае – ущелья. Общение с людьми иной национальности было редким явлением. Он знал всех людей аула или ущелья в лицо, знал людей знатного происхождения, биев, владельцев лучших жилых построек, богатых и бедных. Вот поэтому общественные отношения горца как индивида не более, чем отношения с очень хорошо знакомыми ему лицами. Он ежедневно видел того, от кого непосредственно находился в зависимости, близко знал своих обидчиков и покровителей. Горец, будучи пахарем, скотоводом, охотником, почти не знал безличной силы закона. Он ненавидел или любил известных ему конкретных лиц, и смилостивиться просил он не закон, а бога, своего хозяина, бия. Все это: близость общения с природой, натуральное хозяйство, тесные, непосредственные отношения отдельного и целого – способствовало формированию чувственно-конкретного эмпирического типа сознания. Не случайно в народных песнях, произведениях балладного содержания более позднего происхождения речь идет о тех конкретных лицах – князьях, биях, мстителях, которые действительно жили и хорошо были известны народу. В них полностью сохранены топонимы, локализовано место действия, названы имена, фамилии конкретных людей. Характерна в этом отношении, например, песня карачаевца Джанибекова Аппа (псевдоним Калай улу) «Кьош нёгерле» («Сотоварищи по кошу»), в которой автор перечисляет более двадцати фамилий, известных ему по аулу, и столько же географических названий, где происходило действие. Подобные произведения свойственны и другому карачаевскому

импровизатору Кочхарову Каспоту, одному из лучших кумыкских поэтов Ирчи Казаку, аварцам Чанка, Махмуду из Кахоб-Роса, даргинцу Батыраю, кабардинцу Бекмурзе Пачеву.

«В так называемых «последних песнях» Батырая встречаются автобиографические детали», – пишет У.Б. Далгат [5, с. 69].

Или: «В песнях-странствиях» Батырая много еще фактографического уподобления действительности, ее эмпирического копирования» [5, с. 69].

Кстати отметить, что и в России, когда преобладала жизнь «небольшими полупатриархальными общинами-поселениями, разбросанными, как грибы, по лесам и рекам и мало связанными друг с другом» [3, с. 8], складывались аналогичные формы сознания и художественного творчества. Известно, что в русской литературе XVIII века появилось вымышленное имя героя только в первых его десятилетиях и что эмпиризм, фактографичность были серьезным препятствием на пути становления реалистического вымысла. Для некоторых же горских литератур эмпирическое сознание, «средневековый историзм» оставались тормозом движения, развития вплоть до новейших времен, особенно для формирования прозаических жанров.

Однако, как уже отмечено нами, XIX век, особенно вторая его половина, вошел в историю культурной жизни народов веком духовного возрождения, новым этапом в развитии литературы и социально-общественной действительности. Ни пережитки общинно-патриархального строя, ни феодально-крепостнические отношения не смогли остановить наступления капиталистической социально-экономической формации, расширения культурно-экономических связей народов Кавказа с народами России.

С проникновением на Кавказ русского торгового и промышленного капитала феодальные отношения у народов Кавказа стали постепенно разлагаться. В частности, у горцев в недрах господствовавшего феодально-патриархального строя шло довольно быстрое развитие товарно-денежных отношений, создававшее предпосылки для отмены крепостничества и рабства [6, с. 298].

«Литературное движение второй половины XIX века поражает обилием и разнообразием талантов, принадлежавшим разным эстетическим и стилевым течениям и представлявшим все народы многоликого Дагестана», – пишет Гаджи Гамзатов [4, с. 16–17]. Здесь остается добавить, что сказанное относится не только к народам Дагестана, но и всего Северного Кавказа и Средней

Азии. При этом наблюдается удивительная синхронность в выступлениях родоначальников разных региональных литератур или зональных литературных систем. Достаточно сказать, что среди замечательных художников, сформировавшихся во второй половине XIX века, имена осетинских поэтов К. Хетагурова (1859–1906), Т. Мамсурова (1843–1899), абазинца А.-Т. Кешева (1840–1872), казаха Абая Кунанбаева (1845–1904), балкарца К. Мечиева (1859–1945), кабардинца Б. Пачева (1854–1936), карачаевцев И. Крымшамхалова (1864–1910), А. Акбаева (1877–1938), А. Кочхарова (1834–1940), А. Джанибекова (1860–1934), аварцев Али-Гаджи из Инхо (1846–1890), Чанки (1860–1909), кумыкского поэта И. Казака (1830–1879) и т. д. Не эта ли плеяда прекрасных художников, причастных к литературной славе XIX века, говоря словами Г. Гаджиева, является подтверждением мысли Н.И. Конрада о том, что «известная общность литератур начинается с середины XIX века [9, с. 4].

Однако предпосылки интровертного морального сознания, зарождающиеся с установлением новой общественной формации, имеют долгий путь истории и начинают определять свободу нравственного выбора не сразу. Динамизм формирования психологически-контрольных механизмов нравственного сознания, регламентирующий поведение индивида в сложившихся социально-общественных условиях, прямо выходит на зрелость социально-общественных отношений. Между тем, как отмечалось выше, в пору наступления свободной конкуренции, роста торговли и рынков горец еще не обладал достаточной автономией, свободой по отношению к общине, роду, что говорит о незрелости, как самой индивидуальности, так и сословно-корпоративной группы. Вполне естественно, что, в отличие от Запада и России, на Кавказе, в Средней Азии регламентирующее поведение индивида стереотипы, моральные требования, приспособленные к патриархально-общинным, феодально-крепостническим системам, оказались не подорванными или слабо подорванными. Вследствие этого горец продолжал оставаться в плену феодальной морали, патриархальных, родоплеменных установок, кастовых предрассудков, жить в сфере узкородового, общинного контроля. Целый комплекс средневековых ритуализированных стереотипов поведения, негласных запретов крайне ограничивал автономность внутреннего самоконтроля личности, самостоятельность нравственного выбора. Вполне понятно, что зарождающаяся лите-

ратура народов Северного Кавказа, Дагестана и Средней Азии остро реагировала на все пережитки средневековой схоластики, феодально-крепостнического отношения к человеку.

Особенно ограниченной в моральном и социальном выборе оказалась женщина-горянка, которая испытывала гнет не только вечной зависимости, но и всякого рода пережитков, казуистических стереотипов поведения и которая находилась под надзором, как всей сословной корпорации, так и членов семьи: мужа, брата, матери, отца. Она была равно унижена и бесправна в степях Казахстана и Киргизии, в Дагестане, Чечне и Ингушетии, в Кабарде и Балкарии. Вполне понятно, что все литературы народов Северного Кавказа и других регионов, формировавшиеся почти синхронно, свою борьбу за идеи равенства, за гуманистический идеал, борьбу против ограничений и запретов, освященных религией и системой моральных нормативов, феодальных отношений, начали например, лучшие свои произведения (поэмы «Фатима», «Перед судом», стихотворения «На смерть горянки», «Сестре», «Да, я уж стар», «Нет, тебя уж никто не заменит» и многие другие) посвятил безрадостной судьбе горянки, ее борьбе с адатами и нуждой, в то же время создал ее светлый и возвышенный образ. Судьба бесправной, угнетенной женщины глубоко волновала и классика кабардинской литературы Б. Пачева, родоначальников балкарской и кумыкской литератур К. Мечиева и И. Казака. Аварский поэт Чанка воспеванием закрепощенного мюридской стариной чувства любви к женщине одним из первых бросил вызов старине, которая так унижала достоинство женщины [10, с. 5]. Такой вызов местной знати был брошен и аварским поэтом Махмудом, заявившим, что «царская власть не стоит любви к женщине». «Махмуд воспел свободное человеческое чувство. В его поэзии создан своеобразный культ любви и красоты. Любовь у поэта – возвышенное земное чувство. В стихах Махмуда женщине отведена почетная роль, она достойна уважения, почестей и поклонения» [5, с. 93]. В поэме «Айджаяк» карачаевский поэт К. Кочхаров, подобно Чанке, Махмуду, слагает гимн красоте горянки и любви к ней. Против насилия и порабощения женщины остро выступали балкарец К. Мечиев (поэма «Бузжигит», стихотворение «Жалоба горянки») и кумык М. Алибеков («Жалобы аксайских девушек») и т. д.

Естественно, большинство подобных произведений пока ограничивается отражением протеста поэтов против семейно-

го деспотизма, против родительской воли (К. Мечиев, «Жалоба горянки»).

Здесь очень уместно вспомнить слова Н. Добролюбова о таких русских свободолобивых писателях XVIII века, как Фонвизин, Новиков, Княжин, Капнист, Николаев, слова о том, что они, при всей остроте их критических выпадов против абсолютизма, не затрагивали основ зла, а только указывали на то, что в наших понятиях есть зло, что они хотели истребить зло, без истребления его корня, основы [7, с. 138, 167].

Такая характеристика имеет прямое отношение и ко многим горским писателям, которые, выступив в середине прошлого столетия, ограничились, особенно на первых порах развития, выпадами против феодальных отношений, не посягая на гегемонию имущих классов. Но не это стало главным стержнем в развитии литературы горских народов, а то гуманистическое начало, выдвинувшее человека, как высшую ценность, направленное против религиозно-феодальной философии, и ее моральных предписаний. Именно этот гуманистический пафос, прогрессивные идеи свободы, равенства и передовой идеал дают возможность видеть типологическую общность литературы народов Северного Кавказа с более древними литературами, находить в них черты, которые можно определить как возрожденческие.

Вопрос о возможности Ренессанса в литературах тех народов, которые жили на окраинах России, испытывая влияние культуры русского народа и мусульманского Востока, у представителей советской литературоведческой науки ныне вызывает живой интерес. Во всяком случае, существующая многочисленная позитивная литература дает право ставить вопрос (говоря словами Брагинского И.С.) о том, не является ли литература XIX столетия народов Северного Кавказа «выражением одного из местных вариантов Ренессанса» [9, с. 8].

Осознавая правомерность постановки такой проблемы, мы не имеем перед собой задачи сколь-нибудь полного освещения ее. Наше обращение к ней обусловлено лишь желанием понять специфику той или иной литературы в единстве с теми факторами, которые играли роль стимуляторов – с одной стороны, и с другой – плодотворное изучение национальной литературы возможно только изнутри, что в свою очередь еще более обязывает выходить к типологическим общим явлениям литературы и искусства. К тому же ни социально-общественная жизнь севе-

рокавказских народов, ни их литературы не могут быть исключением из объективного хода истории и общего литературного процесса. Конечно, попытки говорить о местных возрожденческих тенденциях в литературе Северного Кавказа, населенного отсталыми карачаевцами и балкарцами, кабардинцами и ногайцами, чеченцами и ингушами, могут вызвать и недоверие, особенно у тех, кто имеет приблизительное понятие о своеобразии литературы XIX столетия названных народов.

К тому же следует отметить, что в XIX столетии Кавказ становится театром нескончаемых военных действий. Достаточно сказать, что в 1817 году начинается Кавказская война, которая продолжалась более сорока лет. Со второй половины XIX века «Кавказ, особенно закавказские районы, привлекают внимание европейских держав. Документы свидетельствуют о том, что Англия, Турция, Франция, Италия и даже США направляли к кавказским берегам вооруженные суда» [6, с. 306]. Естественно, не все народы Кавказа в одинаковой мере были втянуты в водоворот военных событий XIX столетия, но ни один из этих народов не мог также остаться в стороне от них. Все усиливающийся классовый протест горских масс, непрерывающиеся войны, необходимость постоянно отстаивать территориальную целостность, самобытность, вести антифеодальную и антиколониальную борьбу, стали «одним из важнейших рычагов прогресса» народов политического и национального самосознания, что нашло отражение в культурно-просветительской деятельности формирующейся интеллигенции народов Северного Кавказа и Дагестана. Лучшие адыгские, карачаево-балкарские, чечено-ингушские просветители, просветители народов Дагестана, поэты Мечиев, Чанка, Казак, Хетагуров, Батырай, Пачев, Махмуд и многие другие в развитии своей национальной литературы, культуры сыграли такую же роль, какую сыграли гуманисты эпохи Возрождения. И.Г. Неупокоева отмечает, что, говоря о великом прогрессивном перевороте европейского Ренессанса, мы имеем в виду не только отдельные вершинные завоевания литературы в живописи, не только имена Петрарки и Эразма, Рабле и Шекспира, Балашши и Кохановского, Леонардо и Микеланджело [11, с. 189]. Совершенно очевидно, что в литературах и искусстве горских народов, если говорить в масштабах истории мировой литературы, не найдется имени, равного имени Шекспира и Микеланджело. Но, во-первых, каждое значительное имя интегри-

руется в историю мировой литературы, лишь совершив подвиг в национальной духовной жизни, и здесь не может быть идентичных критериев. Во-вторых, когда говорится о ренессансных чертах литературы горских народов XIX столетия, то имеется в виду не только вклад в современную художественную культуру крупнейших писателей или целых народов, а и определенная их типологическая общность с духовными достижениями европейских народов и народов отдельных регионов Востока. Внимание приковывает роль, которую играют в современном литературном процессе более широкие общности [11, с. 190].

Все это, так или иначе, характеризует деятельность интеллигенции народов Северного Кавказа и Дагестана нового времени. Борьба за разрушение рамок феодально-сословных отношений, за раскрепощение личности от догматической морали, стремление утвердить права и свободу человека, воспевать красоту земного счастья определили основные мотивы и пафос поэзии народов окраин России, в частности поэзию К. Мечиева, И. Казака, О. Батырая, Чанки, Махмуда, Б. Пачева, Е. Эмина, М. Алибекова и других. Их тематический диапазон и формы художественной организации жизненного материала многообразны, но общим для всех является гуманистическая концепция человека, полностью противоположная церковно-схоластической. Вопреки утверждению средневековой идеологии, принижающей возможности человека, представители интеллигенции народов окраин России выражали веру в силу человека, в его ум, талант, в возможности учиться и преобразовывать собственную природу, стремились воспеть в человеке «элемент божественный и небесный, несравненно более прекрасный, чем что-либо смертное» (Леон-Батиста Альберти) [12, с. 61].

Величие человека в их понимании «определяется не принадлежностью к знаменитому роду, не цветом крови», [12, с. 62], а благородством души, земными делами. «Земля, или жизнь на земле, по Кязиму, является «раем изначальным, а срок, данный человеку здесь,— это время испытания чистоты и благородства его помыслов», — пишет о классике балкарской литературы А. Теппеев [13, с. 64]. Но подобные слова характеризуют не только К. Мечиева. С полным основанием их можно отнести в адрес Пачева, Чанки, Батырая, Казака, Махмуда, Хетагурова и других северокавказских поэтов и поэтов Дагестана.

Черный цвет готов любить
На бумаге в белом цвете.
Не должно различий быть
Меж людьми на белом свете [1, с. 298].

Воспевая величие человека, красоту его физическую и нравственную, они обращались к самым различным жанрам поэзии, начиная от лирических миниатюр и кончая лиро-эпическими поэмами. Активно использовались сатира, инвектива, дифирамб. Однако наибольшего расцвета достигла лирическая поэзия. Интимная лирика, как пишет Г. Гамзатов, оказалась тем узловым пунктом, в котором сошлись все нити, идущие от гуманистических порывов века по преодолению мистики и мракобесия, по раскрепощению личности, по пересмотру общественных ценностей, именно она явилась выразительницей народного духа и национальной энергии дагестанцев [4, с. 232], балкарцев и карачаевцев, чеченцев и ингушей, кабардинцев и ногайцев.

Любовная лирика народов окраин России, как и народов мусульманского и христианского Востока, стала формой выражения гуманистических идей [2, с. 16], средством прямого призыва к совершенству человеческих взаимоотношений, средством протеста против унижения достоинства личности. Идеализируя чистоту чувств, земную женщину, слагая ей гимны, северокавказские и дагестанские поэты отстаивали раскрепощенное сознание, освобожденное от религиозных догматов и средневековых запретов («В этот мир приходит любовь, светом всю землю озарив, так приходит любовь, словно людей теплом и светом весеннего солнца озарив». К. Мечиев, подстрочный перевод), свои порывы в сферу прекрасного, гармонического совершенства. Потому так внимательно они запечатлели женскую красоту, стараясь обстоятельно фиксировать все ее подробности, все детали портрета и туалета.

Груды круглые твои, будто хурма,
Шея лебяжья белей, чем у всех.

Или:

Каждый твой пальчик на яхонт похож,
Брови – подобных не видывал мир.
Ножки – точеных таких не найдешь,
Плечи белы, как гергебельский сыр

(Чанка)

А вот как характеризует красоту героини поэмы «Тахир и Зухра» К. Мечиев:

Зрачки ее, словно два бриллианта, горят.
Мир не видал подобной красоты.
Щеки румяные, райские цветы,
Лицо – как утреннее солнце,
Брови черные, словно нарисованы тушью.
Заговорит – будто запоет соловей.

(подстрочный перевод)

Куль женской красоты, женственности проходит одним из самых значительных опорных моментов в поэзии северокавказских и дагестанских народов, который обусловил ее образную систему, воистину направленную на то, чтобы воспеть в женщине «элемент божественный и небесный». Например, в стихотворении Чанки «Гулишат» женщина – это «пава, слетевшая прямо с небес», «золотокрылая птица», «кистью великого художника созданная», «ханша красавиц, царица невест», «жесты у нее изящны и сладостна речь», «взглядом одним умудряется даже кремневое сердце зажечь», у нее «походка легкая, что позавидует лань» и т.д.

У Батырая каскад таких образов, как «краснобедрая лиса», «златотканая парча», «под бумажно-белым лбом очи-яхонты твои», «ножки я твои люблю, так легко они идут, словно конь трехлетний ты», «брови, словно надпись на клинке», «подо лбом они идут», «предвестница зари», «юга светлая звезда», «семицветный мой цветок».

Или:

Точно светлый летний день.
Ты стоишь передо мной,
Ослепив мои глаза
Блеском юности твоей.

В небольшом стихотворении («На вершинах снежных гор») женщина для Батырая «серна, с гибкою спиной», «лань с грудью шелковою», в другом стихотворении она – «огненный цветок», «весенний ветерок» и т.д.

Махмуд из Кахаб-Росо видит женщину – «в красивых нарядах из редкой парчи, у нее «дыхание, живящее мертвых», «разумная речь», «солнцем не тронутый лик», «лицо дорогое, прекрасный

стан» (стих. «Оставив России поля за собой»), «цвет тела подобен цветам на горах», «черные брови и белый лоб» [1, с. 84–85].

Романтизация чувства любви к женщине и романтическое воспевание ее духовного и внешнего облика, как символа выражения прекрасного на земле, открытое признание возлюбленной во взаимности ознаменовали огромный, в сущности своей революционный шаг, символизирующий собой отход от средневековья в общественном сознании, и вступление в ренессансный его период, в Новое время, – пишет Г. Гамзатов [4, с. 320–321].

В этом нас убеждает и та общность, которая наблюдается между лирикой Рудаки, Физули, Кучаки, Низами, Петрарки, Махтум-кули и северокавказскими и дагестанскими поэтами.

Говоря о лирике дагестанских поэтов, Г. Гамзатов обращает внимание на склонность последних обращаться к приемам романтической гиперболизации любви и выдвигать ее на передний план как явления высшего порядка [4, с. 320].

Литература

1. Антология дагестанской поэзии. В 3-х томах. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1980. Т. 2. 340 с.
2. Арутюнов Л., Танеев В. Пятнадцать веков поэзии народов СССР // Поэзия народов СССР IV–XVIII веков. М.: Худож. лит., 1972. С. 5–43.
3. Гачев Г. Образ в русской художественной культуре. М.: Искусство, 1981. 247 с.
4. Гамзатов Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1978. 420 с.
5. Далгат У. Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 205 с.
6. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 530 с.
7. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений. М.: Худож. Лит., 1935. Т. 2. 768 с.
8. Караева А.И. Очерки истории карачаевской литературы. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1966. 320 с.
9. Конрад Н.И. Избранные труды. Литература и театр. М.: Наука, 1978. 462 с.
10. Чанка: сб. стихов. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1960. 53 с.
11. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976. 504 с.

12. Овсянников М.Ф. История эстетической мысли. М.: Высш. шк., 1978. 352 с.

13. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. 400 с.

14. Султанов К. Поэзии неугасимый свет. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1975. 160 с.

Z.H. TOLGUROV

BIRTH OF THE LYRICAL HERO IN LITERATURES OF PEOPLE OF NORTH CAUCASUS

Article is devoted to one of the actual problems of North Caucasian literary criticism. In it it is marked, that the most significant successes in literatures of people of North Caucasus fall to second half XX centuries. Singing of greatness of the person, its physical and moral beauty, poets of suburbs of Russia addressed to various genres of poetry, but the greatest blossoming was reached with lyrics.

In work on researches of many scientists-literary critics the complex way of formation of lyrics as sorts of the literature shows.

Keywords: the literature, work, lyrical hero, literary process.

УДК – 82.09

Тетуев Б.И., Губжева К.З.

НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПОВЕСТИ ВИКТОРА НЕКРАСОВА «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА»

Статья посвящена исследованию повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда», этапному произведению в прозе о Великой Отечественной войне. Утверждение истинной нравственности, безусловности ценности человеческой жизни, заявленное в повести В. Некрасова, станет одним из ключевых ориентиров в военной прозе 60–70-х годов.

Ключевые слова: «окопная проза», повесть, образ, солдаты, офицеры, выбор, нравственная ответственность, этические критерии, гуманистический рационализм, цена человеческой жизни, конфликт, антитеза, интеллигентность, ориентир.

Понятие «окопная проза», появившееся в критике и в литературе в 60-х годах XX века, во многом связано не только с названием повести В. Некрасова, а с началом нравственно-философского осмысления величия подвига народа в Великой Отечественной войне. Позднее писатели фронтового поколения В. Быков, Г. Бакланов и др., в чьих произведениях эта тенденция получит дальнейшее развитие, напишут о роли В. Некрасова в их творческой судьбе: «Все мы вышли из некрасовских «окопов Сталинграда».

Нравственная проблематика в «военной» прозе В. Некрасова, безусловно, является доминирующей. Этические критерии оценки человека в повести «В окопах Сталинграда», являющиеся основанием для характеристики человека, определяются в первую очередь его поведением в бою. Как справедливо отмечает В. Кардин, представления Некрасова о добре и зле «укладывались в полярные антитезы: смелость – трусость, бескорыстие –

шкурничество, дружба – предательство» [1, с. 347]. Война с особой ясностью обнажила истинное и ложное, подлинное и показное в человеке. К такому выводу приходит главный герой повести Игорь Керженцев, сравнивая жизнь на войне с довоенной: «Только на войне по-настоящему узнаешь людей. Мне теперь это ясно. Она – как лакмусовая бумажка, как проявитель какой-то особенный. Валега вот читает по слогам, в делении путается, не знает, сколько семью восемь, и спроси его, что такое родина, он, ей-богу ж, толком не объяснит... Но за эту родину – за меня, Игоря, за товарищей своих по полку, за свою покосившуюся хибарку где-то на Урале, за Сталина... он будет драться до последнего патрона...» [2, с. 108]. Истинное и подлинное Некрасов воплощает и в образах командира батальона Ширяева, Керженцева, Чумака, Карнаухова... и многих других рядовых и офицеров, воюющих в «окопах Сталинграда».

Использование антитезы в изображении писателем своих героев особенно ярко проявляется в характеристике офицеров – «окопников» и офицеров – «штабников». «Окопники» (Ширяев, Керженцев) делают все возможное, чтобы сберечь как можно больше человеческих жизней, но выполнить свой долг. Когда командир думает, помнит о своих солдатах: «Они еще могут пригодиться Родине», он сознает великую, ни с чем несравнимую ответственность за судьбы, врученные ему. В контраст им показан образ начальника по тылу Калужского, который думает только о том, как самому уцелеть на войне, как устроиться в тылу, чтобы не попасть на передовую. Во время отступления наблюдательный друг Керженцева Игорь Свицерский замечает, что у Калужского нет кубиков на воротнике, вдруг почему-то исчез его пояс со звездой.... За необъяснимыми объяснениями Калужского угадывается готовность сделать все, чтобы спасти свою жизнь, вплоть до предательства. В противовес Ширяеву и Керженцеву, Калужский вносит в понимание своего долга небольшую поправку, отчего смысл ее резко изменяется: «А себя надо сохранить – мы еще можем пригодиться Родине» [2, с. 38].

Несколько иначе охарактеризован помощник начальника штаба Астафьев. С усмешкой рассказывает Некрасов о нем как о самовлюбленном человеке, который озабочен главным образом сочинением истории полка. Его портрет, тщательно выписанный писателем, воспринимается как визитная карточка позера, не очень храброго человека. «Молодой, изящный, с онегински-

ми бачками и оловянным взглядом. Он чуть-чуть картавит на французский манер. По-видимому, считает, что ему идет. Мы с ним знакомы только два дня, но он уже считает меня своим другом и называет Жоржем. Его же зовут Ипполитом. По-моему, очень удачно. Чем-то неуловимым напоминает он толстовского Ипполита Курагина. Так же недалек и самоуверен...» [2, с. 168]. Писателя раздражают его манеры: оттопыренный мизинец, сложенные трубочкой губы, бачки, розовые ногти. Но истинная причина неприятия Некрасовым Астафьева кроется в несовпадении подлинного и показного. Самоуверенный Астафьев при появлении «юнкеров» молниеносно укрывается в своем убежище, но сохраняет позу, «... делает грациозный жест рукой: – Ну, я пошел...Формы совсем заели...» [2, с. 68]. Еще более откровенно его трусость и корыстолюбие выявляется в необычном ранении и в просьбе Керженцеву. Раненный в ягодицы Астафьев просит Керженцева прихватить при случае трофейный фотоаппарат и часики. Разумеется, историку может понадобиться «лейка». Но часики, ручные часики, о которых не забывает напомнить Астафьев, изобличают его истинную суть.

Одной из характерных черт героев повести «В окопах Сталинграда» является их интеллигентность. Признак интеллигентности для В. Некрасова связан не с наличием диплома о высшем образовании, или же с причастностью к «умственной» профессии. Для писателя представление об интеллигентности сродни понятию этическому, эта категория, прежде всего, нравственная. Некрасов раскрывает признак интеллигентности своих героев, проявляющийся в самых различных ситуациях, выражает это качество разными средствами. Интеллигентность присуща всем «истинным и подлинным» героям повести, проявляется она во внешности, речи, но глубинно выражается в высокой нравственности. Некрасов наделяет каждого из них творческими чертами. Игорь хорошо рисует, Карнаухов тайно пишет стихи, зачитывается Джеком Лондоном, командир полка Бородин симпатизирует Мартину Идену, но осуждает за самоубийство, Фарбер тонко чувствует музыку... Особенно выразителен образ командира роты Фарбера. «Один – долговязый, сутулый, в короткой, по колено шинели, в очках. Его фамилия Фарбер. По-видимому, из интеллигентов, – «видите ли», «собственно говоря», «я склонен думать» [2, с. 88]. Внешне красноречивые черты интеллигентности Фарбера проявляются и в его внутреннем

мире, в его «философствовании» о жизни [2, с. 179–180], в его склонности к самоанализу и даже к самоосуждению.

Интеллигентность главного героя повести Керженцев выражается в его искренности, ответственности, в его размышлениях. Он постоянно раздумывает, анализирует, оценивает, вспоминает. Керженцев – интеллектуальный тип человека с тонкой душевной организацией, человека размышляющего. В то же время, Некрасов изображает его обычным, таким, «как все». В годы войны это означало готовность разделить с народом любые невзгоды и опасности. Керженцеву близки люди, в которых он находит знакомое, родное, но сталкиваясь с людьми менее интеллигентными, менее образованными, он умеет видеть в них что-то лучшее, чего он, возможно, сам лишен: практичность, хозяйственную сметку и безупречную преданность своего ординарца, отчаянную храбрость Седых, дальновидность Пилипенко. И видя в них это, он учится видеть и ценить в людях другое, чем-то, что ценят люди его круга, его типа.

Особую значимость в постижении нравственной проблематики повести приобретает образ капитана Абросимова, отправляющего солдат на верную смерть, руководствуясь своими амбициями. Исследователи, анализирующие русскую «военную» прозу, единодушно отмечают, что мотив нравственной ответственности командира за жизни подчиненных солдат впервые появляется в повести «В окопах Сталинграда». «Этот мотив в силу понятных обстоятельств не мог быть широко развит в сороковых годах» отмечает критик Л. Плоткин в книге «Литература и война» [3, с. 69]. Автор обстоятельной и аналитической статьи о повести В. Сухих также отмечает, что «Тема нравственной ответственности командира, посылающего людей на смерть, также решена Некрасовым, по существу, впервые на очень остром для того времени материале. Мы имеем в виду эпизод с капитаном Абросимовым» [4, с. 346].

При всей убедительности вышеприведенных суждений, мы рискуем не согласиться с ними, точнее, не во всем. Внимательное прочтение повестей

А. Бека «Волоколамское шоссе» (1943), К. Симонова «Дни и ночи» (1943), позволяет утверждать, что уже в прозе периода войны эта тема была заявлена, а в повести В. Некрасова она прозвучала не «впервые», но получила дальнейшее развитие. В частности, в повести К. Симонова «Дни и ночи», также посвящен-

ной Сталинградской битве, развернуто изображается конфликт между главным героем, командиром батальона Сабуровым и командиром полка Бабченко. Для Бабченко, субъективно честного и храброго человека существует лишь буква приказа – «умереть, но выполнить», и это определяет его пренебрежение интересами живых людей. Гуманистический рационализм Сабурова сочетается с высокой нравственностью, способной противостоять силам разрушения гуманистических ценностей в человеке. Сабурову важно не потерять в себе и в людях чувства уважения к человеку, избежать равнодушия, ожесточения, цинизма, не переступить той грани, за которой начинается искажение смысла справедливой народной войны.

Конфликт, изображенный В. Некрасовым в повести «В окопах Сталинграда», является, если и не прямой аллюзией, но явно перекликающийся с описанной Симоновым ситуацией. Командир батальона Ширяев хочет атаковать врага ночью, чтобы избежать возможных потерь. Но Абросимов отвергает этот план, не желает о нем слышать. Он уверен; это от страха, от нежелания идти в атаку, потому угрожая пистолетом, приказывает комбату Ширяеву начать бессмысленное наступление среди бела дня, несмотря на кинжальный огонь немцев. Атака обречена на неудачу, батальон теряет половину состава, но цели не достигает. За кажущейся твердостью, мужественностью Абросимова скрывается пренебрежение, а то и нескрываемое презрение к людям. Раз атака захлебнулась, значит, солдаты трусят, отсиживаются по воронкам, а командиры вместо того, чтобы поднимать солдат в атаку, «думают». Отвергая ложный героизм Абросимова, по своему произволу распоряжающегося жизнью подчиненных ему солдат, писатель выстраивает свою шкалу нравственных ценностей, основанную на уважении к человеческой жизни.

Некрасов, подробно описывая в этом эпизоде конфликт между начальником штаба Абросимовым и комбатом Ширяевым, подчеркивает его значимость. Конфликт этот касается не тактики ведения боя, а свидетельствует о различном отношении к войне, к людям. Философский смысл этого эпизода выражается в утверждении истинной нравственности, безусловности общечеловеческих ценностей, не мирящейся ни с какими послаблениями, отвергающей покладистую мудрость: «война все спишет». Проблема нравственного выбора, обусловленная конфликтом «между своими», в собственном окопе, заявленная в

повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда», станет одним из ключевых ориентиров в развитии военной прозы 60–70-х гг.

Литература

1. Кардин В. «О Викторе Некрасове. Воспоминания (Человек, воин, писатель)». Киев: Украинский письменник. 1992. 136 с.
2. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда. Л.: Лениздат, 1991. 509 с.
3. Плоткин Л.А. Литература и война. М.;Л.: Советский писатель, 1967. 358 с.
4. Сухих С.И. Сложная простота (проблематика и поэтика повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. Вып № 5–1. С. 343–348.

B.I. TETUEV, K.Z. GUBJEVA

MORAL ISSUES IN THE NOVEL «IN THE TRENCHES OF STALINGRAD» BY V. NEKRASOV

The article investigates a milestone work in prose about the Great Patriotic War – the story «In the trenches of Stalingrad» by V. Nekrasov. Approval of true morality, absoluteness worth of the human being stated by V. Nekrasov in this novel, will be one of the key landmarks in the military prose of 60–70 s.

Keywords: «trench fiction» story, image, soldiers, officers, selection, moral responsibility, ethical criteria, humanistic rationalism, price of human life, conflict, antithesis, intelligence, landmark.

УДК – 82.09

З.А. Кучукова, М.С. Шурдумова

ВЕГЕТАТИВНЫЕ ОБРАЗЫ КАК КЛЮЧ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ ФЕДОРА ТЮТЧЕВА

Авторы статьи рассматривают комплекс вопросов, связанных с функциональной ролью вегетативных образов в философской поэзии Федора Тютчева, влиянием немецкого романтизма на натурфилософию русского поэта, психологической иносказательностью ландшафтных знаков, соотносённостью мира человека и мира природы.

Ключевые слова: поэзия, Тютчев, вегетативные образы, символика, концепция человека, преобразование мира.

Федору Тютчеву (1803–1873), классiku русской литературы, одному из самых талантливых поэтов в истории мировой культуры, в этом году исполняется 212 лет. Вряд ли в мире найдется другой художник, который настолько прочно и органично сумел бы соединить философию и природу, привить «природную ветвь» к дереву философии. Появление на литературной арене этого поэта дало импульс формированию целого научно-художественного направления в системе гуманитарных знаний под названием «поэтическая натурфилософия».

Стихотворения Ф. Тютчева переведены на сотни языков во всех уголках земного шара. Его язык понятен всем, ребенку и взрослому, земледельцу и изощренному писателю-авангардисту, поскольку в качестве языка поэтического самовыражения поэт избирает универсальный язык природы. Высочайшую оценку его поэтическому творчеству дал в свое время А.С. Пушкин. Выдающегося «певца природы» цитируют многие великие люди, включая Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Фета, наших современ-

ников. Балкарский поэт Кайсын Кулиев называл Тютчева «гениальным мастером» и посвятил ему одну из своих самых проникновенных статей под названием «Уроки Тютчева». Данная статья вошла в его публицистический сборник «Поэт всегда с людьми» [2].

Можно отметить множество случаев, когда журналисты, писатели, кинематографисты XX века, выстраивая «интертекстуальные мосты» с культурой прошлого, обращаются к произведениям русского самородка. Многие его строки – «как слово наше отзовется», «люблю грозу в начале мая», «о, как убийственно мы любим», «умом Россию не понять» и другие стали литературными архетипами, заголовками научно-публицистических статей и даже книг. Это говорит об экспрессивной силе художественного языка Ф. Тютчева, меткости, глубине и оригинальности его поэтических образов.

Поэтическое творчество Федора Тютчева представляет собой очень яркое и своеобразное явление в мировой культуре. Как отмечают критики и литературоведы, к сожалению, малый объем его поэтического наследия стал одной из причин недооценки его вклада в отечественную и мировую культуру. Отпор всем этим доводам в свое время дал А. Фет своим афористическим заявлением: «Вот эта книжка небольшая // Томов премногих тяжелей» [4, с. 78]. На самом деле, по подсчету исследователей, перу автора принадлежит немногим более двухсот стихотворений, каждое из которых является маленьким шедевром. Несмотря на то, что разные аспекты творчества русского гения исследовались зарубежными и отечественными авторами, тем не менее, эстетическая глубина его поэтического мира остается неизмеренной, до конца не изученной. В частности, объектом исследования еще не избирался конкретный мир вегетативных (флористических) образов поэта. Между тем, на наш взгляд, именно вегетативный код Тютчева может приоткрыть завесу над сущностью его философской концепции человека и мира.

Целью данной статьи является изучение вегетативных образов поэзии Ф. Тютчева как системы с привлечением его эссе, писем, биографического и художественного материала. Актуальность избранной темы связана с малочисленностью литературоведческих исследований поэтики лирических текстов Федора Тютчева. В российской науке о литературе с именем Тютчева связано значительное количество публикаций, но при этом ак-

цент перенесен на социально-политические аспекты его жизни и творчества или сугубо философские теории. Почти нет работ о влиянии западноевропейского романтизма на формирование его эстетических идей. На наш взгляд, назрела потребность рассмотреть его поэзию с новой культурологической позиции, обратив внимание на функциональную роль вегетативных образов. Многочисленные факты жизни, штрихи, бытийные подробности позволяют по-новому интерпретировать его образную систему, в которой основное место занимают вегетативные образы.

Как отмечает один из самых талантливых исследователей творчества Ф.И. Тютчева М.Н. Эпштейн, «освоение природы в русской поэзии к середине XIX века достигло такого уровня, что смог появиться великий поэт Ф. Тютчев, создавший свой художественный мир почти всецело в образах природы» [5, с. 220]. Впоследствии природа стала основной стихией творчества А. Фета, И. Бунина, С. Есенина, Н. Заболоцкого, Б. Пастернака.

При изучении вегетативных образов мы особое внимание сосредоточили на детских годах поэта, его связи со среднерусской землей, на «зооботанической характеристике» его малой родины. Как нам удалось выяснить, все, что он видел в детстве – «воронка из зелени, душистый чудоцвет, глазастый ландыш, ковыль, дубравы, рощи, яблочный спас, сирень на крыше заброшенной церкви» – все шло в копилку поэта, чтобы затем появиться в его натурфилософских стихотворениях.

Настоящим прототекстом для лирики Ф. Тютчева стала стихия русского фольклора, где поэт прозревает «особенность мировидения, психический склад, обычаи, верования, художественное мышление – все то, что составляет дух народа» [1, с. 8]. Нами также учтены книжные, образовательные истоки его натурфилософии, имеющие отношение к студенческим годам поэта на словесном отделении Московского университета, к знакомству с трудами Любоумров, неравнодушных к вопросам космогонии.

Федор Тютчев пожил всего 70 лет, из которых 20 лет он провел в Германии, в Мюнхене, в роли сотрудника русской дипломатической службы. 20-лет это достаточно большой срок в соизмерении со сроком человеческой жизни. Бесспорно, культурные контакты русского поэта с немецкими романтиками оказали заметное влияние на принципы формирования основ его натурфилософии. Поэт воспринял пантеистическое отношение к природе, панзнаковый характер природных образов. При этом

мы не абсолютизируем иностранный опыт Федора Тютчева. Считаем, что скорее следует вести речь о синтезе художественных традиций Запада, русской литературы и собственных индивидуальных философских прозрений Федора Тютчева.

В результате проведенной научно-исследовательской работы мы пришли к следующим выводам:

1. В критике бытует мнение, что Тютчев не конкретизирует растения, используя их только в обобщенно-абстрактной форме. Проведенное нами исследование показывает, что такое панорамное видение природы больше характерно для раннего Тютчева, в зрелом же периоде поэт обретает более «микроскопическое» зрение и чаще всего выделяет из «зеленой воронки» индивидуализированные виды, сорта, расцветки растений.

2. Поэт много размышляет о месте человека в мире природы. Он поддерживает и оригинальным образом развивает концепцию французского мыслителя Паскаля, который назвал человека «мыслящим тростником». По Тютчеву, человек одновременно счастливое и трагическое существо, потому что Всевышний даровал ему мысль, разум и нравственное чувство. Он не может принять минеральное или вегетативное существование, поэтому ропщет и выражает себя в душевном и духовном мятеже.

3. Какую личность Федор Тютчев считает сильной? В своих письмах он восхищается басней Ивана Дмитриева «Дуб и трость», где речь идет о слабой тростиночке, которая, будучи гибкой, победила ураганный ветер. Дуб рухнул, а тростинка выжила. Таким образом, Федор Тютчев прославляет не внешнюю, показную, физическую силу, а внутреннюю, скрытую, духовно-нравственную.

4. Любимым временем года Федора Тютчева является весна. В этом он является подлинным романтиком, который в «зеленых ростках», зелени трав, цветущих деревьях видит «этимологию самой жизни», обновление мира. Кстати, с этим же вегетативным мотивом перекликается его знаменитое «люблю грозу в начале мая!», где также речь идет о переустройстве мира.

5. Многие свои философские мысли русский поэт выражает через вегетативные образы. Допустим, в стихотворении «Листья» он рассуждает о хвойных и лиственных деревьях. Хвоя – это вечность однообразной неменяющейся жизни. Листок – это яркая, интенсивная, но короткая жизнь. Естественно, Тютчев с его романтическим воззрением на мир поэтизирует не хвой-

ные деревья, а живую сиюминутную жизнь листика, который за один сезон проживает богатую многокрасочную жизнь, полную радостей и тревог.

6. Для Федора Тютчева характерно использование вегетативных образов даже в сфере «портретной живописи». В качестве примера приведем отрывок из стихотворения, посвященного немецкому поэту Гете:

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом! [3, с. 49].

7. По-нашему наблюдению, в художественном мире Тютчева появляется антитеза «растения–животный мир», «флора–фауна». Герой Тютчева, «мыслящий тростник» «привязан к земле», «обременен корнями», по сравнению с птицей, свободно парящей над землей. Об этом его знаменитое стихотворение о коршуне, которому «природа-мать дала два крыла мощных, два живых крыла».

«А я здесь в поте и в пыли,
Я царь земли, прирос к земле!» [3, с. 60].

Так заканчивается это знаменитое стихотворение. Однако, по его мнению, «приросший к земле» человек рожден для преобразования лика земли как Колумб.

8. Главный вывод: вегетативные образы являются ключом к художественной антропологии Ф. Тютчева, с их помощью автор выражает свое отношение к человеку, обществу, космосу.

Литература

1. *Берберов Б.А.* Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности 1943–2000 гг.). Нальчик: КБИГИ, 2011. 215 с.
2. *Кулиев К.Ш.* Поэт всегда с людьми: Статьи, эссе. М.: Советский писатель, 1986. 335 с.
3. *Тютчев Ф.И.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / предисл. Л.Н. Кузиной, К.В. Пигарева. М.: Правда, 1988. 480 с.

4. Фет А.А. Лирика. М.: Худож. Лит., 1966. 184 с.

5. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной. М.: Высш. шк., 1990. 304 с.

Z.A. KUCHUKOVA, M.S. SHURDUMOVA

**AUTONOMIC IMAGES AS A KEY
TO ARTISTIC ANTHROPOLOGY OF F. TUTCHEV**

The authors of the article deal with a range of issues related to the functional role of autonomic images in philosophical poetry of Fedor Tytchev, an impact of German romanticism on Russian poet's natural philosophy, psychological allegoricality of landscape characters, matching of human society and natural world.

Keywords: poetry, Tutchev, autonomic images, symbols, concept of human, transformation of the world.

А.М. Сарбашева

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ ЖАГАФАРА ТОКУМАЕВА

В предлагаемой статье исследуется арсенал языковых средств и приемов (комедийное иносказание, иноязычные вкрапления в речевой характеристике героя, словесная игра), используемых драматургом для изображения характера, отображения комического в действительности.

Ключевые слова: комедия, языковые средства, характер, стилистический контраст, речевая характеристика.

Мастерство драматурга-комедиографа определяется умением пользоваться разнообразными приемами комедийной, сатирической обработки жизненного материала. Наряду с традиционными художественными средствами (гипербола, гротеск, разоблачение) драматургическому творчеству авторов присущи также особые стилистически-индивидуальные черты, что отражает национальную специфику воссоздаваемых реалий, тем самым «способствуя развитию национальной самоиронии, важнейшей составляющей этнического самосознания» [1, с. 175].

Балкарский драматург Жагафар Токумаев создает многогранные сатирические образы. Герои его комедий «Тени», «Авторитет», «Чонай женится»: бюрократы, карьеристы, анонимщики, взяточники – получают четкую социальную характеристику. В каждом из них заложен определенный потенциал негативных качеств, которые активно проявляются в быту, в работе и других сферах жизни. Эти персонажи, изображенные локально, вместе создают собирательный сатирический характер. Чонай, Шохай («Тени», «Авторитет») и подобные – люди с сутобо личными интересами, узким кругозором, неразвитым вкусом, безразличные к интересам общества. Они зачастую

страдают манией величия, одержимы идеей достижения непомерных эгоистических целей.

В качестве эффективного средства сатирического и юмористического изображения комических характеров и ситуаций используется комедийное иносказание. Обращает на себя внимание своеобразная художественная ономастика действующих лиц в комедиях Ж. Токумаева. Драматург, не нарекая персонажей полноценными именами, создает сатирические клички (Сохта, Конгурбий («Авторитет»)) или в комедийном ключе осмысляет фамилии персонажей: Кынгырбашева, что означает кривоголовая, Тюзбасаров – наступающий правильно, Бермезов – не дающий, Жюнбермезов – не дающий шерсть, Малбермезов – не дающий скот («Тени»), полковник Нохтабаов – принимающий подарки, Сатылмазов – непродávающий-ся, Катытутмазова – крепконедержащая («Чонай женится»).

Фамилии и имена действующих лиц комедий соответствуют поступкам, стилю речи и служат дополнительным штрихом к их характеристике.

Речевая характеристика – точное изобразительное средство, способствующее «отстранению» драматурга от своего героя. Автор каждому персонажу вкладывает в уста индивидуализированную, присущую лишь ему одному речь. Лексический диапазон действующего лица, особенности стиля речи, интонации – все это создает отчетливое представление об облике, социальном статусе, профессиональной принадлежности, интеллектуальном и духовном потенциале.

Ж. Токумаев создает разнообразные речевые характеристики своих персонажей. Лексический диапазон одних (Чонай, Кюмюшхан) заметно широк, у других (Сохта), напротив, словарный запас ограничен. Речевое поведение как элемент самовыражения способствует созданию индивидуального психологического портрета персонажа. Речь становится средством жанрового воспроизведения характера.

Для достижения комедийного эффекта Ж. Токумаев нарочито насыщает речь действующих лиц иноязычными словами, что приводит к возникновению внутреннего языкового стилистического контраста, к стилевому столкновению слов русского и балкарского языков. Так, в комедии «Тени» речь Кюмюшхан изобилует русскими словами:

Кюмюшхан: Редактор сенмисе?

Къушбий: Олтуругъуз... Менме редактор.

Кюмюшхан: Фельетон писать этерге керекди.

Къушбий: Не болгъанды?

Кюмюшха: Эрим къойгъан этгенди. Аны къуллугъундан да, партиядан да, профсоюздан да чыгъарып, фатардан да къыстаргъа керекди... пайнатна!

Къушбий: Да.

Кюмюшхан: Аны бир далыгъы нету. Фельетон и все. Мен аны так не оставляю, клянус. Мен аны республикадан жалан аякъ къачарча этерме.

Къушбий: Кесинги суут, Кюмюшхан!

Кюмюшхан: Угъай, суутурукъ тюйюлме, аны ответственность тартхынчы. ЦК-гъа пойду, сиз фельетон жазмасагъыз!

Къушбий: Да сени эринги барыбызда танийбыз. Ол ахшы адамды.

Кюмюшхан: Хы, мужчина мужчинаны къоруулап башлагъансыз... Не выйдет! Аны юсюнден бу эки кюнде фельетон чыгъармасагъыз, сизни да под суд берликме, пайнатна? Сау къал».

«*Кюмюшхан:* Ты редактор?

Кушбий: Садитесь. Я редактор.

Кюмюшхан: Надо написать фельетон.

Кушбий: Что случилось?

Кюмюшхан: Меня бросил муж. Его надо снять с должности, исключить из партии и профсоюза, выгнать из квартиры. Понятно?

Кушбий: Да.

Кюмюшха: В этом я не вижу никакого «да». Фельетон и все. Я его, клянусь, так не оставляю. Я заставлю его бежать из республики босиком.

Кушбий: Успокойся, Кюмюшхан.

Кюмюшхан: Не успокоюсь, пока не призову его к ответственности. Пойду в ЦК, если вы не напишете фельетон.

Кушбий: Все мы знаем твоего мужа. Он – порядочный человек.

Кюмюшхан: Ха, мужчина защищает мужчину. Не выйдет!

Кюмюшхан: Если в течение двух дней не напишете о нем фельетон, то и на вас подам в суд, понятно? До свидания [2, с. 238].

Эффект употребления чужеродных слов связан с тем, что они произносятся на балкарский лад («*пойнатна*» – понятно, «*кля-*

нусь» – клянусь, «головамы морочить этме» – не морочь голову и т.д.) и необычное их звучание вызывает смех. Иноязычные вкрапления в речевой характеристике отражают человеческую сущность, социальный опыт действующего лица.

Помимо комедийного столкновения слов, в пьесах Ж. Токумаева наблюдается стилевой конфликт различных слоев родного языка. В качестве традиционного художественного средства комедийной обработки жизненного материала драматургом используется комедийный контраст, выраженный в стилистически-языковом противопоставлении.

Показательна сцена выступления на собрании одного из персонажей комедии «Авторитет» Сохты, речь которого насыщена нелепыми выражениями, что усиливает эффект комичности. Герой комедии Ж. Токумаева не обладает красноречием. Для Сохты и подобных характерна «заторможенность мысли и речи» (В. Филипов). «Это – люди, которые часто даже своим ограниченным запасом слов пользуются с трудом, или топчутся на месте, повторяя какое-нибудь одно словечко, ставшее для некоторых из них настолько привычным, что они пользуются им во всех случаях жизни» [3, с. 101].

В речи Сохты много новых, не освоенных им самим слов. Смешение различных стилей речи драматургом – осознанный творческий прием. «Иногда новое слово выделяется тем, что оно контрастно противоречит по своему стилю всему лексическому окружению, – отмечает Е. Холодов. – Иногда это слово употребляется либо неуместно, либо в искаженной морфологической форме» [4, с. 95].

Комическая сущность изображаемой ситуации выражается посредством контраста тона повествования и содержания чередующихся слов. Ж. Токумаев активно использует словесную игру, которая в комедии построена на сопоставлении двух созвучных слов, имеющих различное (противоположное) семантическое значение (*демлешидиргенде* – *тенглешидиргенде* (спорить – сравнивать); *кабинет* – *комбинат* (кабинет – комбинат); *трахтир* – *трехтир* (трактир – директор); *заншап* – *жаишап* (болтать – процветать)). С одной стороны, подобный художественный прием служит для характеристики персонажа: посредством игры слов драматург раскрывает алогичность мышления, невежество действующего лица. С другой – производит сценический эффект, который рассчитан на смеховую реакцию читателей (зрителей).

Обладающие различным семантическим значением и вместе с тем омонимистически близкие по звучанию слова создают возможность отобразить комическое явление. Автор посредством словесной игры в национально-языковой форме передает этнические особенности юмора, его особый колорит, что сложно передать средствами другого языка.

Литература

1. Базиева Г.Д. Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтническом пространстве России. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2010. 280 с.
2. Токумаев Ж. Ауанала (Тени): Повести, рассказы, пьесы. Нальчик: Эльбрус, 1985. 384 с.
3. Филиппов В. Язык персонажей А. Островского // А.Н. Островский – драматург. М.: Сов. писатель, 1946. С. 78–131.
4. Холодов Е. Язык драмы. М.: Искусство, 1978. 240 с.

A.M. SARBASHEVA

LANGUAGE MEANS OF THE IMAGE OF CHARACTER IN WORK OF JAGAFAR TOKUMAEV

In offered article the arsenal of language means and receptions (a comedy allegory, speaking another language imprecations in the speech characteristic of the hero, verbal game), used by the playwright for the image of character, display comic actually is investigated.

Keywords: a comedy, language means, character, stylistic contrast, the speech characteristic.

Ф.Т. Узденова

**САТАНАЙ.
СЕМИОТИКА ОБРАЗА
(к теории архетипов)**

В работе исследованы архетипические представления карачаевцев и балкарцев; рассмотрены механизмы перехода архетипа из наиболее архаичных форм мировосприятия к современным (естественно, сохраняя в виде рудиментов предыдущие). На основе изучения знаковой «природы» Сатанай делается вывод о том, что данный архетип выступает в своих деривационных формах, реализованных частно-ситуативно, и мы можем наблюдать, как и каким образом он деформируется и подвергается расщеплению, превращаясь в текстурально обусловленный образ.

Ключевые слова: архетип, символ, знак, Сатанай, Нартский эпос, мифология.

В интерпретации современного литературоведения архетип – это совокупность устойчивых черт и характеристик, образующих некий сквозной в пространстве художественных представлений объект [1, с. 37–47]. Закономерным качеством архетипа является его устойчивость и консервативность, а в контексте изменившихся социальных практик общества – изолированность и автономность: «...в эпосе пафос беспредельности, текучести бытия, в силу которого оно долгие всякого отдельного дела, цели, события..., – есть одновременное утверждение завершенности бытия, его равновесия с самим собой, внутри себя. Каждый относительно самостоятельный элемент эпического повествования являет собой замкнутый универсум» [3, с. 94]. (Неразличение среды его (архетипа) бытования – миф, эпос, поздний фольклор – приводит к взаимозаменяемости символа и архетипа. Поэтому четкая дифференциация *архетипа, символа,*

знака является необходимым условием объективного отражения процессов эволюционирования коллективного сознания, этико-эстетических представлений народа).

Отождествление архетипа и символа – не ново. Еще на заре становления российского литературоведения В.В. Виноградов утверждал: «В силу своей связанности как элементов целостного «эстетического объекта» символы в составе художественного произведения получают потенциальную силу ассоциироваться с рядами тех образов и эмоций, которые заложены в структуре целого... они ощущаются и воспринимаются как части определенной целостной композиции... характерная особенность символа – обусловленность его значения всей композицией данного «эстетического объекта» [2, с. 374]. В данной трактовке символ практически вытесняет функцию и содержание архетипа, полностью заменяя его. Принять трактовку символа В.В. Виноградовым возможно лишь в случае отказа от концепта архетипа.

Архетип и символ есть разные по своим функциям и происхождению структуры. В оценке К.Г. Юнга, введшего в научный оборот понятие «архетип», последний представляет собой некую праформу, восходящую, по его словам, к концепциям античных и средневековых философов [7, с. 96]. Т.е. речь идет о некой данной свыше сумме априорного знания, к человеческому опыту отношения не имеющей.

Именно последовательность переходов архетипа из наиболее архаичных форм мировосприятия к современным выявляет его семантику и социальную функцию. Архетип в своем эволюционном движении реализуется (на каждом этапе) в коллективном сознании в приемлемых формах, но сохраняя в виде рудиментов предыдущие. Так, Лосев и Тахо-Годи рассматривают переходы персонифицированных стихий из более древних форм к поздним и отмечают, что первичная тератоморфичность, сменяемая зоо- и миксантропичностью, а затем приходящая к завершающей стадии антропоморфизма, сохраняют в этой последней форме компоненты предыдущих эволюционных модификаций: «...классический Апполон Волкоубийца сам некогда был просто-напросто волком-оборотнем, пожирателем детей. Глубинная мудрость земли воплощалась в змее..., а тайное всеведение ночи – в сове с ее горящим холодным светом глазами. И когда мы уже не помнили обо всех этих древних зооморфных фетишах, а мудрость стала воплощаться в прекрасной богине Афине,

ни сова, ни змея не были забыты. Они остались неизменными атрибутами Афины Паллады, которая именовалась «совоокой» и изображалась со змеей, выползающей из-под щита, и с совой, сидящей на плече» [6, с. 31]. В данном случае предыдущее качество архетипа фиксируется в виде нефункциональной детали – видимо, ввиду эволюционной отдаленности конечной ипостаси от исходной и фактической завершенности процесса развития эпоса. Однако этническая среда, близкая в своих социальных параметрах к эпической, среда, сохраняющая эпос в своем культурном обороте, являет нам образцы древнейших архетипов в их живых формах и механизмы их деструкции в ходе изменений социума.

Одним из ярких образцов подобного архетипа – как с точки зрения законченности и определенности его функций, так и с позиции «читаемости» его метаморфоз – как правило, является свойственный всем мифологическим и эпическим системам человечества архетип, который можно условно назвать «первоженщиной», «женщиной-лидером», «женщиной-первоматерью», «высшей женщиной».

При этом чем более архаичной является ее эпическая или мифологическая система, тем четче проявлены черты доминанции данного образа, иногда доходящих до тех масштабов, которые делают невозможным ее существование в пределах человеческого мира, поэтому она уничтожается или изгоняется – таковы Тиамат, отчасти Гея, не побежденная, но забытая, Аллат, Кибела, в библейской традиции – Иезавель.

В карачаево-балкарском эпосе и фольклоре роль высшей женщины выполняет Сатанай. Однако в национальной версии «Нартиады», в отличие от адыгских и осетинских вариантов, Сатанай несет исключительно положительный заряд, она, можно сказать, рафинировано позитивна, хотя в целом карачаево-балкарские сказания знают целый ряд «темных» женских героинь. Систематизация качеств и характерных черт Сатанай свидетельствуют – мы имеем дело с эволюционным изменением образа первоженщины, в исходных своих формах обладавшего всеми типологическими признаками этого архетипа. Для определения знаковой природы образа обратимся к характеристикам и отличительным свойствам Сатанай, которые в процессе эволюционирования и длительного (устойчивого) обращения оформились в знаки.

1. *Способность к свечению* – заметное свойство женщин Нартского эпоса. В эпической хронологии это качество зафиксировано еще до появления в нартском сообществе Сатанай:

На свет не являлась красавица, подобная Ак-Бийче.
Однажды она белье стирать вышла,
Колен ее нагота небу открылась.
С неба глянув, салымчи ее увидели,
Они от вождения чуть не умерли... [5, с. 305]
(Рождение Деуэт-Батыра)

Ак-Бийче была матерью Дебета. Он, в свою очередь, нашел и воспитал Ёрюзмека, ставшего мужем Сатанай. Ее вечно молодое состояние и бессмертие ставят под сомнение логичную расстановку по старшинству, однако даже с учетом этого сама принадлежность Сатанай и Дебета к солярным божествам делают их эпическими сверстниками, а в осетинских сказаниях вполне зрелый Урызмаг вообще выносит младенца-Сатану из погребальной камеры.

Однако Сатанай является первой носительницей света, которая имеет эпическое объяснение этому своему качеству:

Солнце – отец Сатанай,
Луна – родившая ее ласковая мать...
...За Сатанай Суу Анасы ухаживала
Золотые ее волосы она своей рукой расчесывала [5, с. 306]
(Прекрасная Сатанай)

У Сатанай светится лицо – пытаясь бежать от похитителей, она покрывает его краской. Эта ее черта неоднократно подчеркивается, а в ряде случаев участвует в развитии сюжета, или объясняет его перипетии, например, в момент встречи со «старым эмегеном», открытое лицо героини ослепило нападавшего:

Вмиг единственный глаз эмегена ослеп... [5, с. 307].

Охранительные функции «свечения» подчеркиваются еще и еще раз:

...Красота ее камни и горы озаряла,
Всех заставляла на себя глядеть.
Сатанай увидев, даже реки останавливались,
И даже ночью были светлыми равнины и горы... [5, с. 307].

2. *Всезнание* является постоянным качеством Сатанай. В родственных версиях эпоса «Нарты» постоянным эпитетом Сатанай является «обур» («ведьма») или «билгич» («ведунья») в карачаево-балкарском тексте, посвященном Сатанай, также констатируется ее мудрость:

...Отдала (Сатанай) в жены Ёрезмеку,
Ёрезмек у нее мудрости научился.
Сатанай стала матерью нартвов... [5, с. 308].

Однако в одном из произведений, записанном с голоса Д. Малкондуева, по отношению к Сатанай употреблено определение «куртха» [5, с. 314]. (*Ёрюзмек и Краснобородый рыжий Фук*).

В современном карачаево-балкарском языке слово это практически синонимично термину «билгич», однако этимология его указывает, что первоначально его семантика была несколько иной. У Махмуда Кашгарского это слово встречается в значении «старуха» [4, с. 469], но и этот смысл производится от общетюркского «къурт» – «волк». Прямой перевод – «имеющая волчью шкуру», «одетая в волчью шкуру». С учетом того факта, что волк – священное животное древних тюрков и ношение его атрибутики было исключительной прерогативой мужчин-воинов, иногда – мужчин-шаманов, мы можем предполагать, что исключения если и делались, то только для женщин-воинов, женщин-шаманок. В этой связи можно вспомнить, что волчья накидка или шуба – стабильный элемент одежды Ёрезмека, и если боевые качества этого одеяния в эпосе и не упоминаются, то панический страх нечистой силы подчеркивается неоднократно. Итак, «Сатанай-куртха» – это, получается, либо воительница, либо колдунья.

3. *Сакральность*. Еще одна постоянная черта Сатанай (стремление скрыть внешность от людей и высших существей):

...Ведунья Сатанай с собой взяла,
Привела домой и в чулане поселила.
Втайне от всех ведунья ее вырастила... [5, с. 307–308]
(Прекрасная Сатанай).

Сатанай является обладательницей не только актуальной информации, но и знаний о будущем, что проявлено сразу в нескольких сюжетных эпизодах, в которых героиня предрекает

предстоящие события. Это может быть краткая констатация, типа «они задумали убить тебя», вполне объяснимая развитой логикой Сатанай, а может быть – развернутая картина и детализированная последовательность ближайшего будущего:

...Фук посмотрит из своего орлиного и, увидев Ёрюзмека,
Догадается о предстоящей смертельной схватке.
И тогда его зубы кетмени начнут высекать огонь,
Так что от его дыхания искры посыплются.
От ярости его веки вздуются,
Между Ёрюзмейком и Фуком богатырская схватка начнется.
И рассыплются орлиные крылья, из которых сделана крепость...
(Как Ёрюзбек сражался
на небе с Рыжим Фуком) [5, с. 312].

Картину, нарисованную Сатанай, можно было бы посчитать простым предположением, не обязательным в сюжете эпизода, однако это не совсем так. *Пророческий дар* героини в данном месте обуславливает ход развития коллизии, так как указание Сатанай на момент убийства Фука случайным не является:

...Когда в битве с оружием силы Фука иссякнут,
Он бросится загрызть Ёрезмека зубами.
В это время нартский меч в его горло вонзится,
Ёрезмек снесет Фуку голову и на землю ее сбросит... [5, с. 312].

Во всех остальных версиях данного сказания Ёрезмек также убивает Фука в специально оговоренный момент их схватки – тогда, когда враг нартов смотрит вниз, на землю. Очевидно, что Фук в равном бою не мог быть побежден Ёрезмейком, последний прибегает либо к хитрости, либо пользуется предсказанием Сатанай, заранее знавшей, что в какой-то момент битвы Фук попытается загрызть богатыря. По всей видимости, мы имеем дело с утерянным зооморфом Фука, быть может даже, что главный антагонист нартов – оборотень. Тогда все становится на свои места – в одном из вариантов Ёрезмек не может убить Фука и вынужден ждать его превращения в зверя, в другом герой убивает врага с помощью трюка, причем, судя по тому, что меч Ёрезмека зазубрился о зуб Фука [5, с. 328] (*Ёрюзбек и Рыжий Фук*), последний снял шлем, или произвел еще какое-то действие, помогшее уничтожить его.

В любом случае, сюжет этого сказания в одном из своих вариантов прямо указывает на пророческий дар Сатанай. Это, и еще несколько ее умений говорят нам о том, что в ранних своих ипостасях «мать нартов», скорее всего, была реализована в облике колдуньи-шаманки, обладавшей целым набором разнонаправленных познаний и умений. Так излишне указывать, что Сатанай была *знахаркой и собирательницей трав*, ее навыки весьмагодились при уничтожении целого войска эмегенов [5, с. 348] («Как Сатанай победила войско Темир-Капу»).

Ко всему прочему, Сатанай была *оборотнем*, однако не совсем обычным. Если все тюркские оборотни превращаются в волков, Сатанай перекидывалась в лису-кицуне – достаточно редкий вариант оборотничества, характерный для Юго-Восточной Азии, а на территории Европы известный, кроме рассматриваемого сюжета, лишь в фольклоре Молдавии. Еще одна особенность Сатанай в этом качестве – она не классический оборотень, так как последний становится зверем вне зависимости от собственного желания, у Сатанай же этот процесс вполне контролируем, и она, скорее, так называемый анимат:

...Жена Ёрюзмека, обур Сатанай...
...Обернувшись черной лисицей...
...К крепости пришла, говорят.
Эмеген, ее увидев, своих охотничьих собак спустил, говорят.
Лисица побежала – псы за ней, говорят,
Но не смогли догнать и вернулись обратно, говорят.
А Ёрюзбек продолжал ее преследовать, говорят.
Вдруг убегающая лисица исчезла, говорят.
Сатанай, приняв человеческий облик, сказала... [5, с. 350–351]
(Ёрюзбек и белая оленуха).

Сатанай также обладает даром *исцеления*.
Куртха Сатанай быстро к Сосруку прибежала.
Коснувшись губами его раненных колен,
Раздробленные кости колен срастила... [5, с. 388]
(Сосурук в игре с колесом).

В совокупности, все приписываемые Сатанай черты складываются во вполне узнаваемую картину – женская сущность, изначально божественного происхождения, актуализированная в мифологии разных народов с тем или иным преимуществен-

ным качеством: Афина-Паллада древних греков, кельтская Морригу, Эрешкигаль Междуречья, Василиса Премудрая восточных славян и др. Это – один из древнейших архетипов женщины-богини, перешедший из мифологических представлений в эпические, и трансформировавшийся в матриархальный архетип женщины-лидера.

Таким образом, можно утверждать, что Сатанай является носительницей целого комплекса качеств, актуализированных в пограничной зоне магического и мифологического сознания. В эпических произведениях «Нартиады» данный архетип выступает в своих деривационных формах, реализованных частно-ситуативно, и мы можем наблюдать, как и каким образом этот устойчивый архетип деструктурируется и подвергается расщеплению, превращаясь пусть в устойчивый, но текстуально обусловленный образ.

Литература

1. *Большакова А.Ю.* Теория архетипа на рубеже XX-XXI вв. // Вопросы филологии. 2003. №. 1. С. 37–47.
2. *Виноградов В.В.* О поэзии Анны Ахматовой // Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. С. 369–459.
3. *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М.: Изд-во МГУ; Флинта, 2008. 288 с.
4. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
5. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 656 с.
6. *Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф.* Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетейя, 1999. 710 с.
7. *Юнг К.Г.* Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 98–262.

F.T. UZDENOVA

SATANAY.
SEMIOTICS OF THE IMAGE
(*archetypal approach*)

In this paper we explore the archetypal representation of karachaians and balkarians; the mechanisms of the transition of the archetype from the most archaic forms of the worldview to the modern are considered. On the basis of the research of the sign «nature» of Satanay we can conclude that the archetype acts on their diversion forms, done by the private-situational mode, and we can see how it destructures and disintegrates, turning into a textually conditioned image.

Keywords: archetype, symbol, sign, Satanay, Nart epic, mythology.

УДК – 82.09

Болатланы (Атабийланы) А.Д.

СУРАТЛАУ БЕЛГИНИ СЁЗ ИСКУССТВОДА ТОХТАШХАН ЭСТЕТИКА АНГЫЛАМЫ

Бу илму иш суратлау белгини юсюнден эстетикада, философияда эм адабият илмуда тохташхан оюмланы бирикдирип, тинтип, сюзюп, бир ызгъа тизип, тынгылы ангылашындырыугъа жораланнганды. Андан тышында ста-
тъяда белгини башха суратлау мадарладан энчилеген шартлары, аны миф бла кысыха байламлыгъы чертиледди. Илму ишде суратлау белгилени къуралыу эм магъана жаны бла къауумлаугъа да энчи эс бурулады.

Баш магъаналы сёзле: эстетика ангылам, суратлау белги, миф, сыфат, ме-
тафора тенгешдириу, суратлау шартлылыкъ, маданият, котекст.

Суратлау белги – эстетиканы кёп магъаналы ангыламыды, ол бир талай суратлау борчну толтурады. *Сыфат* бла энчи *белги* (знак) бирге келишдирилип, аны магъанасы алай ачыкъланады. Хар суратлау белги – сыфатды, алай, сыфатла барысы да белги-
леге ётюп къалмайдыла. Суратлау белгиде жыйышдырылгъан кёпмагъаналыкъ сыфатда болгъан магъанадан энчиди. Башха-
ча айтханда, белги кесини кёпмагъаналыгъы бла энчиленеди. Белгини жашырын, таша магъанасына тюшюнюрча окъуучугъа акъыл, анг, оюм бла хайырланнган азлыкъ этерикди. Аны ючюн энчи философия оюмлау, дуниягъа энчи кёз къарам керек бо-
ладыла. Белгини *аллегориядан* айыргъан шарт да одду, аны къу-
рамы дунияны суратын кёргозтюуге бойсунады. Ол жаны бла суратлау белгини мифге жууукълугъу шарт эсленеди. Сурат-
лау белгилени къайсы бири да кесине бир тюрлю жууабын из-
лейди, ангылашындырыуун сакълайды. Аны магъана кенглиги чексизди. Сыфатланы символикалыкъ магъаналарын жазычу-
ну мифология оюмлауу жорукълайды. Адабият чыгъармалада ачыкъланнган белгилени метафора тенгешдириуле бла къа-

тышдырыргъа жарамайды. Белги *метафора* бла *метонимияны* жалгъаныуларындан башланады. Алай, *метафоралы тенгleshдириу* бла *метонимия кёчюрюуден* эсе ол кёш кёуралыпды. Суратлау белгини магъанасы жалаңда энчи контекстде ачыкъ болады десек, тюздю.

Бирде жазычула ёз чыгъармачылыкъларында алгъадан айыргъан суратлау белгиге тартыннганлай турадыла. Аллай сыфатла бир чыгъармадан башхагъа кёче, магъаналары байыгъа, кенгере барады. Ол шартлы белгиди дерге боллукъду. Айтханыбыз бла байламлы суратлау сыфатны символика магъанасы къалай кёуралады деген соруу тууаргъа боллукъду. Суратлау белгиле энчи текстде тюзюнлей баямланып къалмайдыла. Хар белгини кесини тарых жолу болады, ол тарых жол а *миф* ангыламдан башланады. *Мифни* кёпле халкъда бурунну заманладан бери жюрютюлген *хапарча* неда *айтыуча* таныйдыла. Ол тюрлю къарам тюздю, алай, биз ангылагъаннга кёре, бираз учхарады. Миф дуния кертиликни, дуния ангны кёуралыу халына тюрюнюрден ангыламды. Мифде тёлюлени бирлешген сынамлары сакъланнганды. Ол заманнга бойсунмайды, замандан азатды. Мифология халкъны ёмюрлюк тарыхыны кёрюмдюсюду дерге боллукъду, адамны ангын, ниет-сезим хазнасын ачыкълагъан амалды. Мифология сезим суратлау белгиле таяннганы да сёзсюзю. Суратлау сыфатха жыйышхан мифологемаланы магъаналарына жалаңда жүрек сезиу (интуитивно) бла тюрюнюрге боллукъду.

Жазычу кесини суратлау чыгъармасында хайырланнган миф жангы илишанла бла жангы магъананы жыйышдыра барады. Авторну кёз къарамы бла философия оюму мифо-поэтика фикирге къатланып, жангы мифни туудурады. Жазычу чыгъармасына салгъан жашырын магъана (подтекст) аллай башхалыкъда ангылашыныулу болады. Алай бла, биз сагъыш этгеннге кёре, суратлау белгиле мифни «тилинде сёлешедиле». Мифология кеси да белгиледен кёуралгъан, тегереги бек (замкнутый) низамды десек тюздю. Ол дуния турмушну гитчеленнген юлгюсюду. Мифологиялыкъ сезимни (ангны) «киритге» ушатыргъа боллукъду, ол кесине жараулу, келишимли «ачхычын» излейди. Мифология оюмлау *затны* бла *сыфатны* айырылмазлыкъ байламлыкъда кёреди. Анда керти жашаудан алыннган болумла бла учунуу халда суратланнган затла бирге ачыкъланадыла.

Суратлау белги суратлау сыфатны танытхан шартыды, анга жыйышдырылгъан магъанасын, иннетин ангылатхан. Белги кеси

аллына магъаналы туююлдо, мифни къалай ангылаталгъаны бла айырмалыды. Суратлау белгиде «сыфат» жокъду, иннетсиз. Иннет а (идея) сыфатдан тышында, неда ансыз жашау этмейди. Мифде аллай суратлау белгилени бир ненчасы чалышханды. Тёгерегиндеги дунияны белгиле бла ангылатыргъа итиниуюк адамны жаныуарладан энчилетген шартды. Адам туугъанлы да белгилеге эс буруп башлайды. Аны жашау-турмуш адетлери окъуна белгиле бла хайырланыудан къураладыла.

Суратлау белги кёп тюрюю магъананы ачыкълагъаны бла энчиленеди, ол битеудуния маданиятны сынамындан алынады. Миллетни поэтика төресинде тынгылы тохташхан белги къауум жангы магъананы ачыкълауу бла айырмалыды. Суратлау белгини магъанасы кенди, айрыды. Ол себепден, хар окъугъаннга да бирча ангылашынып къалмайды, окъуучуну билим даражасына кёре шартланады. Суратлау белги бла хайырланыуну юлгюлери бир сёзню жууукъ контекстледе къайтарылгъанларында кёрюнедиле. *Белгиле* текстде къауум-къауум болуп тюберге да боллукъдула, неда энчи «тамгъачыкълача» орналыргъа. Сёзню контекстте бойсунууун, аны семантикасыны да къоншу сёзле бла текстни магъаналары бла байламлыгъын чертирге тийишлиди.

Алимлени кёбюсю суратлау сыфатны юсюнден сагъышла-рын ачыкълай келгендиле. Ала айтханнга кёре, аны къурамы юч кесекден жыйышдырылады: метафора тенгleshдириуден, суратлау белгиден сора мифден. Белгили орус адабиятчы М.Ю. Лотман, суратлау белгини энчилигин чертгенде, былай жазгъанды: «Символ деген ангылам суратлау низамда кёпмагъаналылыгъы бла айырмалыды» [8, с. 191]. Андан тышында, суратлау белгиге кесини кёз къарамын А.Ф. Лосев да ачыкълагъанды: «Символ эстетикада, сёз искусствода, адабиятда да ахырына дери ангылашынмагъан, къаршы, бирде уа жангылыулу, даулу ангыламладан бириди» [10, с. 5]. Суратлау белги кёп тюрюю илмулада (философияда, эстетикада, культурологияда, адабиятда) тынгылы тохташхан ангыламды. С.С. Аверинцев жазгъаннга кёре, «суратлау белгини къурамына керти жашаудан алыннган сыфат бла жыйышдырыулу магъана бирча къатышадыла» [7]. Бири биринден тышында ала ангылашыныуусуздула.

Хар алим да суратлау белгини магъанасын кесича ангылайды. Болсада, *суратлау белги кёпмагъаналылыгъы бла энчиленнген сыфатды* деген оюм аланы барысын бирикдиреди. Ол эстетиканы айырмалы къауумуна саналгъанын да чертирчады. Суратлау белгини

магъанасы белги бла аллегорияны тенглендириуде ачыкъланады. Алай, къайтарып айтабыз, *белги* (знак) бла *аллегорияны* бир бирден айыра билирге керекди. Суратлау белги суратлау сыфатдан тышында ачыкъланыр амалы жокъду. Аны бир башха белги бла тенглендирип, энчилиги неведи деген соруугъа жууаплагъанда, бу затха эс бурургъа керекди: суратлау белгини магъанасы толу да, жыйышдырыулу да болады. Аны орунунда жашаудан алыннган бир зат, неда затны ышаны, бир тюрю шарты, бирде уа жаныуар, неда табийгъат хал жүрютүлюрге боллукъду. Белгини магъанасы къат-къатды, кёп бетлиди. Анга тюшюнюр ючюн, окъуучу кесини жүрек сезиуне тынгыларгъа керекди. Суратлау белгини бир тюрю ангыларча туюкдю, жалаңда кеси оюмунга, ангылауунга кёре, аны бир талай къаршчы магъаналарын бир бирден айырыргъа, келишдирирге боллукъду.

Суратлау белгини юсюнден айтханда, аны *къауумлаууна* да эс бурургъа тийишлиди. Кеси заманында ол соруугъа белгили акъылман Аристотель жууап излегенди. Ол оюм этгенге кёре, ала *шартлы* (условные) эм *керти* (естественные) белгилеге юлешинедиле. Тюсюн айтханда, ол заманлада *аллегория* бла *символу* бир бирден башхалыгъы хазна белгиленмеген эди. Кёбюсюнде «дидактикалы аллегоризм» деген ангылам жүрютүлгенди. Суратлау белгини къралыу халыны, аны энчилеген шартланы юсюнден дагъыда Ф Крейцер жазгъанды («Символика и мифология древних народов» деген китапда). Кесини илму ишинде алим суратлау белгилени бу тюрюлерин айыргъанды: «мистикалы суратлау белги» сора «пластика суратлау белги»[6]. А.В. Шлегель а былай жазады: «чыгъармачылыкъ – ол чексиз, кыйырсыз суратлау белгилеудю», – деп. Романтизм жорукълагъаннга кёре, адам улуну не тюрю усталыгъында да белгиле тири хайырланыладыла. Гегель ачыкълагъан оюм да «символ бек биринчиден шартлылыкъгъа таяннган къаллай болса да бир белгиди» демекликни чертеди.

Биз оюмлагъаннга кёре, суратлау белгиле юч тюрю боладыла. Бирлери битеудуния маданиятта эрттеден тохташхандыла, ала кимге да таныулудула, магъаналарын ангыларгъа да кыйын туюкдю (кюн, гюл, жулдуз эм д.а.к). Башхалары миллет эсни энчилеген суратлау белгиледиле, ала халкъны мифология сезиминден жаратылгъандыла (таулу халкъда аллай белгилени санында *ташны*, *тауну*, *терекни*, *сууну* сыфатлары жүрютүледиле). Ючюнчю къауумну уа жазыучула кеслери кърарашдыра-

дыла, ёз чыгъармачылыкъларында энчи магъанада хайырланадыла. Мёчюланы Кязимни поэзиясында ол – *чорбат чыпчыкъ* бла жаралы *жугъутурду*. Къулийланы Къайсынны суратлау хазнасында *ташны, къаманы* сыфатлары магъаналы жерни аладыла, неда *акъ къарны* юсюнде *къара ат*. Зумакулланы Танзиляны чыгъармачылыгында аллай айырмалы сыфатладан бири – къаяны къатылыгында ёсген *юлдю*, неда – дунияны бирикдириулю сыфатын къурагъан *мияла аякъ*. Отарланы Керимни бла Бабаланы Ибрагимни поэзияларында кёп кере къатланып суратланган *сынла* да, айтхан оюмубузгъа келише, поэтле ачыкъларгъа итинген философия магъананы ангылатхан белгиледиле. Андан тышында, къара сёз бла жазылгъан адабият чыгъармаланы алып къарагъанда, Тёппеланы Алимни эпика чыгъармачылыгында *кётюрню* сыфаты, неда бир энчи *сан* белги орунунда жюрютюлгенин чертирчады. Юлгюге жазууну «Тогъзкюнлюк жол» деген хапары бла «Сыйрат кёпюр» деген романын келтирирге боллукъду. Былада *сан* энчи жерни алады. Толгъурланы Зейтуну прозасында *тюрсюнню* магъанасы айырмалыды. Бир энчи тюрсюн, жазуучуну философия фикирин ачыкълаугъа бойсунуп, белгини къулулугъун толтурады (*акъ* тыранча; *акъ* жыйрыкъ; къандан *къызыл* болгъан Тала; *кёк* гелеу; сюймекликни, жангызлыкъны ачыкълагъан *сары* чапыракъ эм д.а.к.).

Символизм деген чыгъармачылыкъ амал жорукълагъаннга кёре, суратлау белги кемсиз бийик даражасы болгъан юлгюду (орусча айтханда – *идеал*). Анга ишексиз табынулукъ символизмни биринчи излемиди. Аны келечилери ёз чыгъармачылыкъларында эки магъаналы шартны белгилеуге эс бурадыла: *жыйышдырыулу тинтиу* (синтез) бла *кёлге салыу* (внушение), тюшюндюрюу, ийнандырыу. А. Белый илму статьясында бу соруу бла байламлы оюмун ангылатады: «Искусствону хар тюрюсюнде да суратлау белгилеуню юлголери эсленедиле. Суратлау белгиле кеслеринде дунияны чексиз кенлиги бла заманны жорукъларын жыйышдыргъан сыфатладыла» [1]. А. Белыйни кёз къарамы бла байламлы музыканы тамалы – низамды, поэзияда сыфат магъаналыды, суратчылыкъ усталыкъда уа – тюрсюнлени болушлугъу бла шартланнган сыфат. Бу оюмну андан ары айнытыргъа боллукъду. Суратлау белги жазуучуну сынаун, сезимин ачыкълагъан амал эсе, «жангызда сезим бла сынау хакъдыла».

Философия илмуда суратлау белгиге кёз къарамын ачыкълагъанладан бири В.М. Жирмунский болгъанды. «Метафора в

поэтике русских символистов» (1921 г.) деген ишинде ол кесини оюмларын тизеди: «Суратлау белги метафораны бир энчи шартланыууду. Кеси да адамны жүрек тебиюун ачыкъялаугъа бойсунады» [3]. Башхача айтханда, суратлау белги метафораны айырмалы юлгюсюдю. Дуния халны тенглешидириу бла бир затха ушашлыгына кёре ачыкъяланган сыфатды. Жирмунский жазган бир жаны бла тюздю, болсада, суратлау белгини ангыламын тап келишдирилгъанды, тынгылы ачыкъялаалгъанды дерча туююлдю.

«Биз суратлау белгиге тинтилген затхача, тюрслеп къарагъаныбызча, ол да, бизге къарап, кесинде жыйышдырылган магъаналаны окъуп ангыларгъа онг береди» дегенни чертедиле алимле. *Символ* башха анга жууукъ суратлау мадарладан энчиленирин излейди. Биз сагъына келген *аллегория, метафора, метонимия* адабиятта, сёз искусствода кеслерини энчи къуллукъларын толтурадыла. Суратлау белги аладан эсе кьош ангыламды, аны жорукълары да башхадыла. Ол жалаңда бир магъана бла чекленип неда бир тюрлю ангыланып къалмайды (аллегорияча, метафора тенглешидириуча). Белгиге ётер ючюн, суратлау сыфат кесини чеклеринден чыгъаргъа керекди. Суратлау белги, адамны ангыча, бурун заманладан келген затды. Сёлешиу тилибиз окъуна белгиледен башланнганын унутургъа жарамайды. Биз таныган харфла, неда затны санын кёргюзтген сёзле – бары да белгиледиле. Валентин Иванов жазганнга кёре, «Сёзню кючю ишексиз туююлдю, шартды (оно условно). Сёз жалаңда болган затха таянса, – хайырлыды, жараулуду. Философ, суратчы, жазыучу кеси сёзлерин айтханда, алданыргъа боллукъдула. Сёз миллетни излемин ачыкъялау борчну толтурады» [4, с. 347]. Аны айтханыбыз: суратлау белги сёзню магъана теренлигин жыйышдырады. Ол, кеси белгилеген затны (предмет-вещь) чеклерин кенгертип, затны тюрлю-тюрлю магъанала бла толтурады. Аны себепли, белги суратлау чыгъарманы битеу лексикасындан энчиленеди, синтаксисинде да айырмалы жерни алады. Суратлау белги тохтамай айныганлай турады. Жангы тенглешидириу-ушашдырыу тизгинле къуаргъа ёчлюгю бла аны магъана толудугъу кесинден уллуду. Суратлау текстде, неда *контекстде* дейик, белгиге жангы магъанала кьошула барадыла. Ол магъаналагъа окъуучу кеси ангыламына, дуния къарамына, сынамына кёре тюшюнеди. Суратлау чыгъармада ачыкъяланган белгиле эки тюрлю болганларын да чертирчады. Бирлери тынч ангылашынадыла, бир

бирлери бла да келишедиле. Башхалары уа кьош кьуралгъан белгиледиле, ала кеслеринде энчи белги кьауумну жыйышдырыргъа боллукъдула. Ол шартны В.В. Виноградов кесини илму ишинде ачыкьлагъанды [2, с. 244].

Суратлау белгини тюз ангылауда «текст», «контекст» деген ангыламла магъаналыдыла, нек дегенде, «белги» жалаңда алада шартланады. «Текст кьуру да бир тюрю хапарны жыйышдыргъан орун болуп кьалмайды, ол, кьаллай болса да, бир магъананы ачыкьларгъа онг берген затды» [8]. Аны болушлугъу бла автор окьуучусу бла ушакъ этеди. Суратлау текстни хар окьугъан адам да бирча ангыламайды, ёз оюмлаууна кёре, аны магъанасына алай тюшюнеди. Айтханыбыз бла байламлы «маданият контекст» деген ангылам ачыкьлананын излейди. Биз таныгъан суратлау белгиле битеудуния миллетлени кёдден чыгъармачылыкьларында тохташхан поэтика төрелеринден, мифлеринден алыннгандыла. Аны себепли, аллай белгиле кьайсыбызгъа да таныулудула. Алаңы магъаналарына биз ич сезиуюбюз бла (интуитивно) тюшюнебиз. Сёз ючюн, символист поэтикагъа келише, «ариулукъ» бизни оюмубузда «тюз жарашыу» (гармония целого) бла тенгди, адамны бу дуняда жашауу да *тюшча* ангыланады, кюндюзгю кюнню жарыгъы огьурлудукъ бла тенгleshдириледи. Бу тизмени учсузкыйырсыз кенгерте барыргъа боллукъду.

Текст кёбюсюнде суратлау белгини магъанасын жорукьлайды, символикалыкъ магъананы жюрютген а – суратлау сыфатды. Суратлау белги да текстни бирлешлигин сакьларгъа амал береди. Текст, суратлау белгини башха сыфатланы арасына кийирип, аны кёпмагъаналыгъын ачыкьланмагъа кьоюп, окьуучугъа туура этеди. Болсада, «белги текстге дери тохташхан затды, ол себепден, анга бойсунуулукъдан азатды» [9, с. 243]. Белги жазучуну акьылына маданият эсден келеди, сора «топуракъгъа тюшюп тирилген мирзеулей, жангы контекстде ачыкъ болады». Битеудуния адабиятда *эрттеден тохташхан суратлау белгиле* бла *жангыдан жаратылгъан белгиле* боладыла.

Суратлау текстни кенглигинде бир ненча белги-сыфат басыныргъа боллукъду. Ол кезиуде битеу чыгъарманы ниет магъанасы аллай энчи айырылгъан сёзле бла байламлы ачыкьланады. Символну орунунда жюрютюлген сёз жалаңда контекстде ангылашыныулу боллукъду. Алайсыз ол бош сёзлей кьалады, бир тюрю бир жыйышдырыулу магъананы ачыкьлар онгу жокъду. *Текст* бла *суратлау белги* диалектикалы байламлыкьны жюрюу

тедиле. *Символ* белги (знак) болгъанындан сора да, ол белгини жайма магъана бла толтурады. Суратлау белги *сыфат* бла аны *ангыламындан* кёуралады. Ол тарих-маданият төреле бла байламлыды. Аны миллет эс жорукълайды десек, жалгъан сёз айтырыкъ туююлбюз.

Белгини сезим-магъана ачыкълагъан даражасы кемсизди. Суратлау белги жыйышдырыулуду, жорукълаутга таянады, абстракция халда кёуралады. Ол болум аны суратлау сыфатдан энчилейди. *Сыфат* жалаңда бир формада, бир магъанада бериледи. *Белги* уа, кыйтарып айтайыкъ, кёпмагъаналылыгы бла айырмалыды.

Э. Кассиэр былай жазгъанды: «Адам – белги бла энчиленген жаныуарды. Миф, дин, искусство, илму, тил, усталыкъ – была барысы да белгини кёп тюрлю ачыкъланнган кёрюмдюлеридиле. Аланы болушлукълары бла адам улу төгерегиндеги кыатышлыкъны (хаос) энчи жорукъга, низамга салгъанды» [5]. Анга кёре, жаныуарла бла тенгледиргенде, тюрлю-тюрлю сезимлеринден сора да, адамны аладан энчилеген зат – белги бла хайырлана билгениди. Суратлау белгини магъана кенглиги учсуз-кыйысызды. Ол да, суратлау сыфатча, «жашау кертиликге бойсунады, аны ачыкълаутга жораланнганды. Хар сыфат – суратлау белгилеудю»[10]. Бу оюм бла жарашыргга кыйынды, нек дегенде, битеу сыфатла суратлау белгилеге кёчюп бармайдыла. Аланы араларында Лосев былай кёауумларын айырады: илму белгиле, мифологиялыкъ белгиле, иннетлик (идеологические) эм дин белгиле.

П. Флоренский суратлау белгини магъанасын былай ангылатады: «Бир затдан башха затха кёчюрюлген магъана анга алай терен сингеди, бирин биринден айыыргга амал болмай кыалады. Суратлау белги ачыкъланнган зат бла аны ачыкълагъан ниет суратлылыкъны (идейная образность) биригиулеринде шартланады». Лотманны теориясы да, Лосевни оюмларында жетишмей кыалгъан жерлерин толтура: «Суратлау белгиле, маданият эсни бла сынамын магъаналы кесеги болуп, текстлени, сюжет низамланы, неда башха семантика кёурамланы бир маданият кыатлаамдан (пласт) бирсиге кёчюредиле» – дегенни чертеди. Башхала уа (М. К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский) суратлау белгилени эки тюрлюсюн айырадыла: *башлангыч белгиле* (первичные) бла *экинчи кыат белгиле* (вторичные символы) [11]. Кесигиз кёргенликден, суратлау белгини магъаналарын ангылатыуда келишимсизликке, чюйреликке да кёпдюле. Суратлау белги

кёпмагъаналы болгъаны себепли, аны тюз эм толу ангыламын бир адам кеси тынгылы ачыкълаялыр деп, ышаныу азды. Битеудуния философияда бла маданиятда тохташхан талай къаршы оюмну жыйышдырып, бир бирге келишдирмегенлей, неда бир ызга тизмегенлей, анга тюшюнюрге къыйынды.

Бирле ангылатханнга кёре (В.В. Колесов, В.В. Виноградов), адам улуну эсинде, ангында тохташхан суратлау белгиле анга керти жашауну ангыларгъа болушхан амалдыла. Суратлау белги, адабият чыгъармагъа терен сингнген, аны къурамына, сюжет айныууна да къатышхан стилистика кесегиди. Текстни къуралыуунда аны магъанасы уллу болгъанын да айтыр кереклиси жокъду.

Суратлау белгиле къуру бир жазычуну чыгъармачылыгында ачыкъланып турмайдыла. Аланы бир къаууму, алгъадан берилип, миллет эсде сакъланнгандыла. Башхаларын а сёз усталаны суратлау фахмулары туудурады. Ол илишан *белгини* мифге жууукълашдырады. Белги энчи контексте кёре ангылашыныулу болады. Текстде бир сёзню неда сёз тутушну кёп кере къатланып сагъынылыуу энчи суратлау белгини башха сыфатладан айырыргъа болушады. Бир-бир белгиле адабиятда кимге да таныулу сыфатлача тынгылы тохташып къалыргъа боллукъдула.

Дунияда суратлау белгилени чексиз-сансыз кёп тюрлюлери барды. Алай, аланы магъаналы къауумлары быладыла: 1) *миллет белгиле*, 2) *маданият белгиле* эм 3) *илмугъа неда усталыкъгъа жараулу белгиле*. Миллет белгиле бир энчи халкъ неда адам къаууму хайырланнган сыфатладыла (юлгюге викингле къурашдыргъан руналары, китайлылары неда египетни иероглифлерин, друидлени терек, ёсюм символларын келтирирге боллукъду). Маданият белгилени санында бешмюйюшлю жулдузну (совет властыны белгисин), неда фашизмни свастикасын сагъыныргъа боллукъду. Гюл суймекликни белгиси болгъанын ким да биледи. Андан тышында, акъ тюрсюн кёп миллетлени сезим хазналарында тазалыкъны белгисиди.

Кесигиз кёргенликден, суратлау белгини сездириу кючу реализмни жоругъуна бойсуннган адабият чыгъармалагъа дуния журюшюню «тасхаларын» ачыкъ этерге онг береди. Ол себепден, белгиле не заманда да хайырланыулу боллукъдула. Ала суратлау сыфатха теренлик, ачыкълыкъ къошхан амалладыла.

Литература

1. Белый А. Эмблематика смысла (Предпосылки к теории символизма) // Белый А. Символизм: Книга статей. М.: Мусaget, 1910. С. 49–143.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
3. Жирмунский В.М. Метафора в поэтике русских символистов // Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 162–197.
4. Иванов В. О национально-исторических традициях русской государственности // Иванов В. Златая цепь времен. М.: Современник, 1987. С. 320–357.
5. Кассиэр Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 784 с.
6. Крейцер Ф. Symbolik und Mythologie der alten Völker (Символика и мифология древних народов, в особенности греков). Лейпциг, 1843. 900 с.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003. 800 с.
8. Лотман Ю.М. Избранные статьи в двух томах. Таллин: Александра, 1992. Т. I. 478 с.
9. Лотман Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
10. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.
11. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические размышления о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.

А.Д. БОЛАТОВА (АТАБИЕВА)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИМВОЛ КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ (устойчивые определения)

Предлагаемая статья посвящена концептуальному анализу понятия символа как эстетической категории в оценке известных ученых и мыслителей прошлого, а также принципам его разграничения в системе изобразительно-выразительных средств. Цель исследования – дать наиболее полное и точное определение символа. Особое внимание в работе уделено классификации символов и их локализации в художественном тексте.

Ключевые слова: образы-символы, реализм, художественная условность, символ, миф, метафора, аллегория, мифологема.

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D.

**ART SYMBOL AS AN AESTHETIC CATEGORY
(STABLE DEFINITIONS)**

Offered article is devoted to the conceptual analysis of concept of a symbol as to an aesthetic category in an assessment of known scientists and thinkers of the past, as well as to principles of its distinction in system of graphic-expressive means. Objective of research – to give the fullest and precise definition of a symbol. The special attention in work is given to classification of symbols and their localization in the art text.

Keywords: images-symbols, realism, art reserve, a symbol, a myth, a metaphor, allegory, a mythologeme.

И.А. Кажарова

**ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ
РОМАНА С.Г. КАНУКОВА
«ДЕВУШКА ИЗ ЛЕНИНГРАДА»
В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ**

В статье кратко обозначены этапы творческой истории С.Г. Канукова, предшествовавшие появлению романа «Девушка из Ленинграда», рассмотрены содержательные разночтения, обусловившие неравнозначность ценностных установок в оригинале и переводе романа. Акцентируется проблема возвращения художественного произведения в адекватный контекст литературно-критического и читательского восприятия.

Ключевые слова: С.Г. Кануков, творчество, роман, оригинал, перевод, сюжет, герой, трансформация, доминанта, ценность.

О Саадуле Галиевиче Канукове (1927–1987), авторе романа «Девушка из Ленинграда» (1971), сегодня вспоминают нечасто. Помимо опубликованного в 2001 году газетного очерка З. Камбиева, за последнее время возникла лишь строчка с именем прозаика и названием его произведения в разделе «Авторы, не состоявшие в союзе писателей» словаря «Кабардинские писатели» (1999) и короткое упоминание о романе в «Истории кабардинской литературы» (2013).

В союзе писателей Саадула Кануков, действительно, не состоял, да и к активному взаимодействию с писательской средой, за редкими исключениями, склонен не был. Путь его творческого становления был непрост и довольно прерывист. Быть другим он и не мог. Сначала в него вторглась реальность войны, затем последовало разветвление его на две трудно соотносимые сферы – сельскохозяйственную и писательскую. Суровый быт и обязанности старшего ребенка в большой семье, лишившейся кор-

милыца, заставили рано приобщиться к тяжелому труду, а искра таланта, еще в юности побудившая С. Канукова к стихотворству, вызывала постоянные метания между желаемым и должным. «Закончив свой трудовой день, каждый вечер садился за стол, чтобы продолжить мною начатую повесть», – такими словами он открывает автобиографическую повесть «Неудержимое стремление» [3]. Именно это стремление в свое время подвигнет его, дипломированного специалиста сельского хозяйства, вернуться к учебе на филологический факультет Нальчикского пединститута. Можно с уверенностью сказать, что все, рождавшееся под пером Канукова, рождалось вопреки обстоятельствам.

Наиболее систематично С. Кануков начинает работать над своими произведениями в 1960-х. В этот период он пробует себя в прозе, настойчиво ищет свою тему. Конец 60-х – начало 70-х – время господства в кабардинской литературе романа и Кануков движим стремлением создать масштабное эпическое полотно. Именно в этот период появляется уже упомянутое «Неудержимое стремление» (1963) – искренняя исповедь писателя о периоде творческого распутия, а несколько позднее – проникнутая революционным пафосом повесть «По следам отца». В конце концов, он останавливается на теме, которая ему хорошо знакома и близка – война и детство, – и разворачивает ее в романе «Девушка из Ленинграда».

Оценивая роман сегодня, по прошествии почти сорока лет с момента его опубликования, убеждаешься прежде всего в том, что «Девушка из Ленинграда» сумела сохранить редкую для романной масштабности способность: не отпускать внимание своего читателя, всецело удерживая его от первой строчки до последней. Это при том, что в произведении нет никакой психологической заостренности, нет эпизодов, «цепляющих» воображение. Очень выдержанная манера повествования, ситуации и события вполне типичные для произведений о военном времени. И тем не менее, в пространство, созданное С. Кануковым, читатель входит очень быстро и так же быстро в него вращается. Обаяние искренности пронизывает все уровни романа, потому безыскусность его особого свойства, отсюда и его притягательность.

В 1974 г. роман, переведенный на русский язык А. Волковым, вышел в московском издательстве «Детская литература». В ту пору, когда художественная литература признавалась одной из безусловных и высоко ценимых составляющих духовной жизни

ни, опубликование национального автора в переводе на русский в центральном издательстве было знаком вхождения его в ряды лучших. Событие оказалось знаковым не только для самого Саадулы Канукова, но и для всей области, откуда он был родом. Как вспоминает об этом писатель и журналист З. Камбиев, в домах культуры Кабардино-Балкарии устраивались встречи с писателем, велись оживленные обсуждения, по книге писали сочинения студенты и школьники [1]. Но вот что интересно: отправной точкой такого повышенного и шумного интереса оказалась именно переводная версия романа. Можно сказать, она перетянула на себя все внимание местного читателя. Во многом это объяснимо, ведь книга вышла в столице, сюжетом и пафосом благополучно вписывалась в настроение эпохи, отвечая идеям патристического воспитания. Определяющую роль здесь сыграли и ценностные ориентиры эпохи, в свете которых русскоязычный перевод обретал большой резонанс в сознании национального читателя, и большую авторитетность в глазах исследователей национальной литературы. Литературно-критические работы тех лет апеллируют преимущественно не к подстрочным, а именно к художественным переводам, при том, что последние, как правило, ориентированы на язык перевода и в своем осуществлении неизбежно несут потери. Так или иначе, оригинальный текст романа «Девушка из Ленинграда», опубликованный тремя годами раньше переводной версии, оказался в тени.

Сейчас, при прочтении и сопоставлении обеих книг, подобный перекося кажется какой-то мистификацией, ведь, по сути, кроме Раи – имени главной героини – в произведении не осталось ничего от оригинальной версии. Так, полновесный роман Саадулы Канукова был нещадно сокращен и преобразован в повесть для детей среднего возраста, сильно изменен и приукрашен его сюжет, перетасованы герои, введены новые. Изменения коснулись и названия: «*Девушка из Ленинграда*» («*Ленинград къикIа хъыджэбз*») стала «*Девочкой из Ленинграда*» – трансформация на первый взгляд незначительная, на самом же деле, – изменившая концептуальный вектор произведения.

Из произведения совершенно исчез дух города Нальчика, исчезли те его штрихи, те черточки, момент узнавания которых так дорог местному читателю, ибо делает хронотоп романа, особенно на его послевоенном отрезке, родным до щемящего чувства, а погружение в него – абсолютным.

Кроме всего, нивелировалась национальная специфика, исчез дух адыгства, этнические ценности, упорно проступавшие в оригинале сквозь мрачные условия изображаемой реальности. Конечно, в переводе А. Волкова был сохранен кавказский колорит, но он достигался главным образом посредством пейзажных зарисовок. В остальном же, а это частое использование тюркизма «джигит», употребление непривычных для русскоязычной аудитории имен (так, спаситель Раи военврач Мажид становится в переводе Мамедом Махмудовичем, учитель Мухарби – Абдурахманом Исаевичем), индивидуальность культурного контекста уверенно шла на убыль. Была ли в том необходимость соответствовать шаблонам художественных текстов патристической направленности или своеобразная возможность самовыражения, но переводчик А. Волков создал поверх произведения С. Канукова нечто свое.

Многое из того, о чем повествует С. Кануков в романе, ему пришлось прочувствовать еще в нежном возрасте, в пору формирования своей личности. «Девочка из Ленинграда» – произведение о тяжелом периоде военной оккупации, но оно мало соприкасается с эпизодами сражений, боевой доблести. Здесь примечательна не столько тема, сколько угол зрения, под которым она раскрывается. Жизнь в оккупированном Нальчике читатель наблюдает глазами девочки-подростка, оказавшейся здесь в поисках спасения от гибели, нависшей над ее семьей в родном Ленинграде, прошедшей через ужасы бомбежки, во время которой погибла ее мать. Война и детство, взгляд повзрослевшего до времени ребенка – это сокровенное самого автора.

К произведениям прежних лет о войне чаще всего приступаешь с невольным предчувствием того, что возвышенно-героическое и патристическое так или иначе будет стремиться заслонить в них земного человека. Эпизод, в котором Рая оказывается в окопах, встреча с подпольем во время скитаний ее и бабушки по селениям, усиливает ожидание какого-то стереотипного хода, внедрения шаблонов, и всякий раз, к счастью, это ожидание оказывается обманутым. На каждом витке романного действия писатель остается верен принципу «малых величин».

В переводной версии образ главной героини вполне подчиняется шутливому определению ее бабушки – «солдат в юбке». В оригинале же это обычная девочка, и читателю, погружившемуся в реальность романа, она тем и становится дорога, что все

ее страхи, переживания, а также преодоление этих страхов и переживаний воссозданы с жизненной достоверностью. Причем достоверность этого преодоления достигается не за счет психологической детализации. Мысль о предательстве отца ложится грузом на детскую душу и омрачает те редкие минуты радости, которые дарит ей жизнь. Подавленность, которая тихо живет под спудом постоянно меняющихся событий, автором никак не акцентируется, и, тем не менее, ощущается в подтексте постоянно. Именно на этом и основана «драматургия» романа, которая оказалась совершенно проигнорированной в переводе, и в этом его главная утрата.

Роман в оригинале гораздо тоньше и многограннее того, что в гипертрофированном виде отразил перевод. В русскоязычной версии история Раи – история юного партизана. Героико-патриотические мотивы звучат, конечно, и в оригинале, но без какой-либо патетики.

Полная трансформация ценностных доминант совершается даже за счет незначительных, на первый взгляд, деталей. Так, семья главной героини представлена уже в экспозиции оригинала через скупой на описания эпизод воскресной прогулки, в которой участвуют Рая с родителями и ее младший брат. Тот же эпизод сохранен в переводе, однако замена имен трансформирует духовный облик этой семьи. Теплое старорусское звучание фамилии Димитриевы (в переводной версии – Дмитриевы), судя по всему, было выбрано С. Кануковым не случайно. Все члены этой семьи связаны цепью передающихся из поколения в поколение имен, и это «созвучие» косвенно свидетельствует о ценностях семьи, о приверженности традиции. Рая, по всей видимости, наречена в честь бабушки Раисы Николаевны (в переводе – Арина Павловна), маленький Коля (в переводе стал Вовкой) – в честь своего отца – Николая, сам же Николай, судя по отчеству своей матери, – в честь деда.

Уважение к традициям прочитывается и в отношении главной героини к приютившей ее среде. Рая осваивает кабардинский язык, охотно впитывает в себя обычаи, проникается ими настолько, что в одном из эпизодов она уже с точки зрения носителя адыгской ментальности бросает упрек перешедшему на сторону немцев офицеру: «Зи фащэ щыптІэгъа фашистхэм уазэрыхуэдэ дыдэр мис иджы къэбгъэлъэгъуаш, адыгагъэ гуэри пхэмылгыжу...» / «Вот теперь ты доказал, что

такой же, как те, чью форму ты надел, не осталось в тебе ничего адыгского...» [2, с. 118].

В отличие от переводной версии, здесь крайне скупы упоминания внешности главной героини. Сначала появляется короткая характеристика, мелькнувшая в сознании немецкого солдата, ввалившегося в дом, в котором квартировали Рая с бабушкой: «хъыджэбз зыхэуфӕйя цӕкӕу» («девчушка-замарашка»). Позднее автор опишет болезненность переживаний Раи по поводу того, что ей пришлось облачиться в мальчишескую одежду. (В переводе же ее очень забавляет мальчишеский облик). И ближе к финалу – прелесть ее преображения. Не случайно вынесенная в заглавие фраза «девушка из Ленинграда» прозвучит почти в самом конце романа. Эту фразу, перешептываясь, будут произносить абитуриенты техникума, в котором появится Рая. Во двор техникума, скромно опустив голову, вступает стройная девушка в красивом платье из красного штапеля, автор описывает ее светлые волосы, заплетенные в свободную косу, прекрасные серо-голубые глаза, вздернутый носик (только теперь мы и видим лицо главной героини). Появляется не просто красивая девушка, она особая, словно из другого мира: «...она напоминала красавицу-тхаухуд из сказок» [2, с. 277]. Эта особость – итог ее духовной стойкости. Нет следов тяжелого труда, лишений. И здесь вовсе не очередная вариация банального сюжета преображения гадкого утенка в прекрасного лебедя. Это торжество человеческого духа над чередой лишений, своеобразная награда за преодоление бесконечных страданий, преодоление боли и страха, которыми было отравлено ее детство. Что интересно, только после такого апофеоза духовной стойкости автор «спасает» свою героиню, показав в финале романа, что ее страдания были следствием чудовищной ошибки. В переводе же все это отсутствует, и главная героиня в финале все еще подросток.

Как было замечено нами выше, одной из метаморфоз перевода оказалось значительное сокращение текста произведения. В автобиографическом рассказе «Денежное вознаграждение», рукопись которого хранится в личном архиве дочери писателя, Зарины Кануковой, сам он объясняет это обстоятельство так: «... роман вышел повестью в Москве в «Детгизе». Там включили в план издания в 16 листах романом, но отдельные товарищи создали препятствия вокруг моего произведения, и заведующей «Детгиза» Каримовой пришлось отступить, и издавали «Девуш-

ку из Ленинграда» повестью в 11 авторских листах» [3]. О том, кто именно возводил препятствия, история деликатно умалчивает, но это уже и не важно. Важна возможность восстановить роман в его правах на читательский интерес.

Литература

1. Камбиев З. Дыгулыбгъуей Бальзак (Бальзак из Дыгулыбгея) // Адыгэ псалъэ (Адыгское слово). 2001. № 132 (19.05).
2. Кануков. С. Ленинград кыкIа хъыджэбз (Девушка из Ленинграда). Наъчик: Эльбрус, 1971. 311 с.
3. Личный архив З. Кануковой.

I.A. KAJAROVA

AXIOLOGICAL DOMINANTS OF S.G. KANUKOV'S NOVEL «THE GIRL FROM LENINGRAD» IN THE ORIGINAL AND IN TRANSLATION

The article summarized the stages of the creative history of S.G. Kanukov, prior to the onset of the novel «The Girl from Leningrad», describes the substantial discrepancies that led to the disjunction of values in the original and the translation of the novel. Accentuated the problem of the return of the artwork in the appropriate context of literary criticism and reader response.

Keywords: S.G. Kanukov, creativity, novel, original, translation, plot, character, transformation, dominant, value.

УДК – 398.2

Х.Х. Малкондуев

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА «СЫН ЫНДЫРБАЯ МАХАМЕТ» И ЕЕ ВАРИАНТЫ

До настоящего времени волшебная сказка остается одной из слабоизученных проблем в карачаево-балкарской фольклористике. Данная статья посвящается композиционным и сюжетно-повествовательным особенностям указанной народной волшебной сказки и ее вариантов, бытующих в различной субэтнической среде народа.

Ключевые слова: волшебная сказка, типология, пространство, сюжет, диалог, сказочник, сын Ындырбая Махамет, ведьма.

Несмотря на то, что сказка является одним из древнейших видов устной словесности, серьезно к ней начали обращаться лишь в последние годы, о чем свидетельствуют работы Ф.А. Урусбиевой [6], Х.Х. Малкондуева [5], Л.С. Гергоковой [4]. Тем не менее, многие аспекты данной проблемы все еще остаются нераскрытыми в должной мере. В круг этих вопросов входит и изучение сюжета и композиции произведений указанного жанра.

Небольшая по объему волшебная сказка «Ындырбай улу Махамет» – «Сын Ындырбая – Махамет» [1] представляет интереснейшее произведение данного жанра.

Сказитель Сарбашев Исмаил Каншауович, считавшийся в с. Булунгу одним из лучших знатоков родного фольклора, продемонстрировал в данной записи высокое мастерство владения искусством народного языка.

Сюжет сказки прост. Вступление начинается с диалога двух людей, которые рассказывают друг другу интереснейшие приключения. Один из собеседников вспоминает, что однажды он убил дикую козу и, пожарив из нее шашлык, только приступил к трапезе, как дичь вдруг ожила и выскочила на свободу.

«Твой рассказ не совсем интересен. Более интересную историю поведает сын Ындырбая Махамет, если ты с ним увидишься», – отвечает ему собеседник.

Рассказ сына Ындырбая Махамета, переданный сказочником в форме диалога, состоит из нескольких мотивов, где наиболее детерминантными мы бы признали следующие повествовательные элементы, переданные от первого лица, в которых волшебные мотивы значительно доминируют над остальными: наш герой женится на красивой женщине, у которой в первую брачную ночь умирают и первый, и второй ее мужья; в первую же ночь, когда Махамет остался с женой, раздался стук в дверь; когда он открыл ее, какой-то незнакомый человек ударяет его плетью, сказав: «Аллах, преврати его в лошадь!»; до утра он был лошадью, а потом, ударом плети, снова был превращен в человека; вечером следующего дня, когда на стук опять открыл дверь, ударив плетью, тот самый человек заговаривает: «Аллах, преврати его в собаку», – и герой стал собакой; бродя по селу, голодный, сын Ындырбая однажды пробрался на кошару, где его заметил хозяин и хотел накормить, как и остальных псов, из корыта, но тот отказался есть; тогда он понял, что в собаке скрывается что-то необыкновенное, и стал давать ему пищу в тарелке; хозяин был в тревоге, беспокоен от того, что какой-то волк уничтожал его стада; поняв это, Махамет поймал волка и разорвал его перед кошарой, после чего хозяин стал к нему относиться значительно лучше; однажды его брат попросил, чтобы необычный пес три дня посторожил его саклю, так как какая-то ведьма поздно ночью душит его дочь; пес поймал ведьму, когда она спускалась из очага в саклю, но она пообещала: «Я знаю, что ты сын Ындырбая. Теперь я не буду беспокоить девушку, а тебе когда-нибудь пригожусь!» – и он отпустил ее; на радостях брат хозяина повесил на шею псу золотые монеты и отправил обратно, но тот побежал домой; жена, догадавшись, что это Махамет, сняла с его шеи золотое ожерелье и ударом плети превратила его в сову; после этого, герой летал в виде совы, которую обижали дети, а однажды сломали ему лапку; отпущенная им когда-то ведьма пожалела его, вылечила и сказала: «Плеть, которой ударили тебя, находится внутри дома. Ты зайди туда, когда никого не будет, потришь об эту плеть»; он так и поступил и снова превратился в человека; подождав до вечера, когда придут жена с любовником, ударил их этой пле-

тью и превратил в ослон, которых превращал, если пожелает, то в быков, то в ослон и заставлял их работать на себя.

Сказку «Бай улу Махамет» – «Сын Бая Махамет» [3] мы бы назвали одним из вариантов произведения «Сын Ындырбая Махамет», хотя кое-какие мотивы и композиционные элементы незначительно расходятся в них.

Особой разницы не наблюдается во вступлении и развитии действия, если не обратить внимания на следующие сюжетные элементы, в которых представлены своеобразные, присущие данному произведению мотивы: у героя была жена-красавица, которую он застал с любовником в постели; после этого ударом плети она превращает мужа в собаку; на кошаре, где она охраняла стада, удивляла пастухов своей сообразительностью; местный бай попросил ее на время, чтобы охранять своего ребенка от ведьмы, которая обычно съедала только-что родившегося младенца; пес ловит ведьму, которая обращается к нему со словами: «Оставь меня, теперь я не приду сюда. Тебя еще ожидает неприятность, и я помогу тогда, спасу тебя», – и он отпускает ее; с золотым ожерельем собака возвращается к себе домой, жена же, опознав мужа, отбирает золото и ударом плети превращает его в сову; однажды ведьма видит, что дети издеваются над совой, и, отобрав ее у них, ухаживает за ней и вылечивает птицу; прощаясь с героем, ведьма советует через очаг пробраться в дом, натереть себя снадобьем, которое она дала, потихоньку достать из-под кровати плетель и, ударив, превратить их либо в ослон, либо в коней; Махамет поступил так, как его научила ведьма, и они превратились в черных ослон.

Сказка заканчивается словами сына Бая Махамета, что один из этих ослон некогда был его женой, а другой – ее любовником. А та ожившая коза послала тебя ко мне, чтобы я обо всем случившемся рассказал тебе!».

В своём монологе сказочник употребляет термин «тамаша хапар» – «удивительное повествование», что следует понимать в научном осмыслении или переводе, как «волшебная сказка».

Хотя в названии произведения имеется незначительное различие, касающееся имени отца сказочного персонажа Махамета, в них наблюдается явная вариативность и повествовательная индивидуальность в ряде мотивов исследуемых текстов, которые заключаются в следующих повествовательных микросхемах: в первом варианте Махамет женится на красивой женщине, у которой при загадочных обстоятельствах умирают первый и второй мужья,

тогда как Баев сын Махамет был первым мужем красавицы; в первом тексте, превращенного в собаку Махамета просит остерегать от ведьмы свою семью брат хозяина кошары, а во втором местный бай; в первом тексте не говорится прямо, что женщина распознала в раненой сове сына Ындырбая Махамет, а во втором, ведьма знает эту тайну и помогает Махамету одержать победу над коварной женой и ее любовником и снова превратиться в человека.

В чем волшебные элементы данного произведения? Они заключаются в следующих мотивах, представляющих знаковые элементы повествовательных микросхем: коза, которая, будучи убитой и зажаренной, когда охотник приступает к трапезе, оживает и обращается к нему на человеческом языке; плеть, которая может человека превратить в лошадь, в собаку, в сову, в осла или в быка.

Особая роль в сказке отводится образу собаки, в которую был обращен главный персонаж Махамет, удивляя своей сообразительностью пастухов на кошаре. Ей доверяют поймать «обур къатын» – ведьму, творящую зло, но отвечающую на добро добром, помогая Махамету, освободиться от колдовства и снова превратиться в человека.

В 2005 г. в с. Булунгу Чегемского района мне пришлось несколько дней заниматься сбором фольклорного материала, и мы убедились, что в народной памяти все еще сохранились предания старины: сказки, песни, басни, легенды и этно-исторические материалы, касающиеся отдельных патронимий и заселения ныне занимаемой ими территории.

Неплохой знаток фольклора Юсуп Салахович Сарбашев нам рассказал ряд фольклорно-этнографических текстов, которые представляли бесспорный интерес в исследовании родной словесности. Тогда же была записана в его исполнении и небольшая сказка «Ындырбай улу Мухамет» – «Сын Ындырбая Мухамет», которая мало чем отличается от исследуемого нами текста. На наш вопрос, имела ли она присказку, сказитель ответил: «Жомакъ быллай айтыу алгыш бла башлана эди» – «Сказка начиналась следующей присказкой-заговором»:

Сейир жомакъ жолунга,
Жарашсын акъылынга.
Жолоучу жолда ажашма,
Кесинги сен аддатма.
Адам аманд обурдан,
Къаргыш этген къаргъадан.

Волшебная сказка тебе в путь,
Пусть усвоится твоим разумом.
В пути не потеряйся,
Не дай соблазнить себя.
Человек – хуже ведьмы,
Вороны, посылающей проклятье.

Изучение языка сказки показало, что в ее лексику вошел ряд слов, которые несколько осовременивают текст. Так, влияние ислама как веры, которая довольно поздно (в XVIII в.) проникла в карачаево-балкарскую этническую среду, прослеживается в обоих вариантах сказки. Чтобы ударом волшебной плети превратить Махамета в животное, его жена или ее любовник обращаются с просьбой к Аллаху, тогда как в некоторых произведениях в подобной ситуации сказочные персонажи обращаются к Тейри (Тенгри), верховному божеству тюрко-монгольского пантеона, которого долго почитали в карачаево-балкарской этнической среде.

Ни столько типологически, сколько по структуре содержания близко к рассмотренным нами сказкам кратко изложенное произведение «Бай улу Бат» [2], в котором явно прослеживаются атрибуты композиции национальной волшебной сказки, как полноценного, завершенного текста.

Если учесть, что материал был записан в Теберде в 1958 г. А.З. Холаевым у карачаевского сказителя О.Л. Канаматова, вполне допустимо, что в отличие от чегемских вариантов, здесь могут быть кое-какие вкрапления в текст, что придаст ему определенное своеобразие и индивидуальность.

При присутствии основных мотивов рассматриваемых нами сказок, различие мы уловили в следующем: волшебная плеть, ударом которой можно было превратить человека в животное, в прошлом, якобы, принадлежала нарту Карашауаю, а от него переходила к другим и оказалась позже в доме той коварной женщины, которая стала женой сына Бая Бата; в данном варианте не указывается, в кого был превращен Баев сын Бат, а лишь его устами передается, что он принял прежнюю форму человека, когда спустился в дом через отверстие очага и потерялся об волшебную плеть Карашауая. А свою жену и ее любовника превращает то в осл, то в свиней.

Как видно из содержания материала, текст значительно ограничен смыслонесущими мотивами: в нем отсутствует образ ведьмы; не указано, когда, как и в какое животное был превра-

щен герой, кто ему помог снова принять свой обычный облик человека.

В целом, рассмотренные нами тексты представляют прекрасные образцы искусства народного языка и мышления, в содержании и мотивах которых волшебные сюжетные элементы являются доминирующими.

Литература

1. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. П. 19, п. 4.
2. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. П. 19, п. 10.
3. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. П. 19, п. 11.
4. Гергокова Л.С. Карачаево-балкарская сказка: внутрижанровые особенности сказок о животных // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2015. № 1. С. 252–257.
5. Малкондуев Х.Х. Карачаево-балкарская народная сказка. Мотивы о Змее и Лисе. Композиция // Вестник КБИГИ РАН. Нальчик, 2014. № 4 (23). С. 96–116; *Он же*. Карачаево-балкарские народные сказки и легенды в записи Е.З. Баранова. Особенности жанра и повествовательных элементов // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 2 (64). С. 223–228; *Он же*. Карачаево-балкарские народные сказки о животных. Мотивы об Овце и Козе (Аймуш и Маккуруш) // Вестник КБИГИ. 2015. Вып. 3. С. 81–91; *Он же*. Карачаево-балкарское сказковедение в XX – начале XXI веков // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 5 (67). С. 199–206.
6. Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 128 с.

H.H. MALKONDUEV

MAGIC FAIRY-TALE «INDIRBAY'S SON MAHAMET» AND ITS VERSIONS

To date the magic fairy-tale remains to one of the slightly studied problems in karachay-balkarian folklore studies. Given article is devoted to composite and plot-narrative features of the specified national magic fairy-tale and its versions occurring in the various subethnic environment of people.

Keywords: a magic fairy-tale, typology, space, a plot, dialogue, the storyteller, Indirbay's son Mahamet, a witch.

Б.А. Берберов

ПОЧЕМУ СТАРИКОВ НЕ СТАЛИ ИЗГОНЯТЬ
*(сравнительно-типологический анализ
одного архетипического мотива)*

Касаясь проблемы «бродячих сюжетов», автор статьи исследует историческое движение одного из интернациональных фольклорных сюжетов «о том, как перестали изгонять стариков из общества». Данная архифабула встречается в фольклоре самых разных народов мира, в том числе, карачаевцев и балкарцев, демонстрируя моральную эволюцию и победу просвещенного человеческого разума. О стойкости древней традиции свидетельствует пронизанность современной карачаево-балкарской литературы идеями геронтогимии.

Ключевые слова: фольклор, бытовая сказка, бродячий сюжет, архифабула, геронтогимия, карачаево-балкарская литература.

В художественной культуре любого народа важное место занимает народная сказка. Не является исключением и карачаево-балкарская народная сказка. В настоящее время российскими и зарубежными учеными по теории сказок даются различные характеристики их жанрово-стилевой классификации. Авторы «Литературного энциклопедического словаря» с опорой на концепцию Э.В. Померанцевой предложили в самом обобщенном виде следующую классификацию:

1. Сказки о животных.
2. Волшебные сказки.
3. Авантюрные сказки.
4. Бытовые сказки.
5. Сказки-небылицы [8, с. 383].

Однако каждая из названных сказок может иметь внутри-жанровую вариативность, исходя из этнокультурных, исторических и географических корней. Так, интересно отметить, что

Х.Х. Малкондуев, конкретизируя классификацию карачаево-балкарских сказок, приведенный список дополняет «нартскими сказками» (нарт жомакъла), «героическими сказками» (батырлыкны юсюнден жомакъла), «сказками о Насреддине» (Насрахожаны жомакълары), «детскими сказками» (сабий жомакъла), «сатирическими сказками» (чам жомакъла) [9, с. 99].

Сказка сопровождает человека с самого его рождения. По мнению многих ученых, бытовая сказка, являясь разновидностью общих сказок, помимо прочих характеристик отличается выраженным драматизмом и нагруженностью социальным материалом. Действие в ней происходит зримо, ощутимо, узнаваемо, словно речь идет о реальной жизни. «В основе вымысла бытовых сказок лежат не чудеса, а действительность, народный повседневный быт. Их события разворачиваются в одном, условно реальном пространстве. Эстетика бытовых сказок требует необычного, неожиданного, внезапного развития действия. Фантастические образы (черт, Горе), появляющиеся иногда в бытовых сказках, нужны только для того, чтобы выявить реальный жизненный конфликт. Сюжет развивается благодаря столкновению героя не с волшебными силами, а со сложными жизненными обстоятельствами, из которых он выходит невредимым благодаря неожиданной удаче или собственной изворотливости» [7, с. 991].

Давно замечено, что мировые сказки, в том числе, бытовые, пронизаны типологически сходными фабулами, имеющими единую архетипическую основу. Чем объясняется совпадение сюжетных мотивов и образных структур в бытовых сказках? На этот счет существуют разные теории.

В статье «Бродячие сюжеты» говорится о странствующих сюжетах, «объясняющих сходство фольклорных сюжетов разных народов результатом их культурно-исторического взаимодействия», «миграционная теория, она же теория заимствования, возникла в качестве реакции на господство мифологической школы» [7, с. 99]. По мнению А.Н. Веселовского, «Сюжеты – это сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности» [7, с. 99].

Вот как пишет об интернациональности народных сказок известный фольклорист В.Я. Пропп: «Каждый народ имеет свои национальные сказки, свои сюжеты. Но есть сюжеты и друго-

го рода – сюжеты интернациональные, известные на всем земном шаре или хотя бы группе народов. Замечательно не только широкое распространение сказок, но и то, что сказки народов мира связаны между собой. До некоторой степени сказка – символ единства народов. Народы понимают друг друга в своих сказках. Независимо от языковых или территориальных или государственных границ сказки широко переходят от одного народа к другому. Народы как бы сообща создают и развивают свое поэтическое богатство» [13, с. 46]. Касаясь вопроса интернациональности сюжетов, доктор культурологии Ф. Урусбиева справедливо отмечала, что наряду с каналами устной передачи, «паломнических сказок», существовала и лубочная традиция, иллюстрированные издания, книжные сюжеты Библии, Корана, «Панчатантры», «Рассказов Попугая», «Калилы и Димны», житий святых и хадисы о мусульманских пророках» [15, с. 114].

В своей работе мы предприняли попытку рассмотреть сказки, в основу которых вложен архетипический сюжет о возникновении культа старости, об эпохальном пересмотре отношения человечества к нетрудоспособным членам общества, к старикам. Об универсальности данной фольклорной темы говорит тот факт, что аналогичные сказки встречаются повсеместно, на Востоке и Западе, в культуре испанцев, итальянцев, латышей, эстонцев, румын, шведов, турков, китайцев, японцев и др.

Продолжая географический «маршрут», можно отметить северокавказские версии названного архетипического сюжета, под разными наименованиями бытующего в фольклоре горцев. Здесь можно привести перечень названий сказок: у абазин – «С этого дня не хороните стариков заживо» [1], у кабардинцев – «Как и почему перестали убивать стариков», «Внуки Инала» [4] и «Советы отца» [4], у карачаево-балкарцев – ««Мудрый ребенок» [5] и «Орайда» [6], у ногойцев – «Ум старика» [11], у русских «Почему стариков не стали изгонять» [12].

Фольклорист Ж.Г. Тхамокова, рассматривая вопрос архетипичности кабардинской сказки «Сын с тобой поступит так же, как ты поступал с отцом», отмечает, что «в указателе латышских сказок дано 54 варианта этого типа; в восточно-славянском – 14 (рус. – 3, укр. – 9, белор. – 2)» [14, с. 69].

Проведенное нами исследование семи типологически сходных сказок с единым архетипическим сюжетом позволило обнаружить следующее:

1. Общим для всех изученных текстов является двучастность композиции: в первой части речь идет об узаконенности избавления общества от стариков, а во второй – о гуманистическом пересмотре данной традиции.

2. Во всех сказках ключевая роль в гуманизации социума принадлежит фигуре внука, символизирующей просветительское начало новой цивилизационной эры.

3. При общности сюжетного ядра в проанализированных сказках ясно различимы специфические образы, продиктованные географическими, этнокультурными факторами. Здесь уместно сослаться на культуролога и философа Г.Д. Гачева, который считает, что «первое очевидное, что определяет лицо народа, – это ПРИРОДА, среди которой он вырастает и совершает свою историю» [2, с. 28]. Во всех сказках указывается некое приспособление, при помощи которого стариков изолировали от общества. Так, интересно отметить, что в русской сказке для этого используются сани [12, с. 286], в кабардинской версии – плетенка [14, с. 69], в карачаево-балкарской – носилки [5, с. 58].

4. Характерно, что у представителей горских северокавказских культур «старика, перевернувшего мир», народная фантазия помещает в пещеру. В ногайской версии убежищем становится погреб [11, с. 173]; в абазинской – яма [1, с. 339]; в русских – осеть (постройка для сушки снопов) [12, с. 286].

5. Во всех исследованных сказках «контрольный старик» должен по эпическим законам жанра решить несколько судьбоносных проблем этноколлектива. Почти во всех текстах по советам «заповедного аксакала» народ спасается от неминуемого голода (он посоветовал в неурожайный год распахать две стороны дороги, по которым возили зерно). Столь же константным является мотив решения проблемы с приплодом (посоветовал держать овец в пещере, где до этого содержались мужские особи одомашненных животных).

6. Во многих эпических текстах имя старика-первопроходца, благодаря которому была совершена «моральная эволюция», сохраняется как эмблематический знак победы разума. Так, в карачаево-балкарской версии зафиксировано имя «Орайда» [6, с. 200], в кабардинской – «Оури-дада» [4, с. 125].

В 1957 году в «Киргизгосиздате» был издан небольшой сборник карачаево-балкарских сказок, ставший выражением народного духа спецпереселенцев. Весьма примечательно, что в этот

сборник включена и сказка «Мудрый ребенок» [5, с. 58] в лаконичной форме. Этот факт говорит о безусловной самооценности культа старости в среде горских народов. Данную сказку приведем здесь целиком:

«Много лет тому назад у карачаевцев существовал такой обычай: когда старик не мог уже ходить, его клали на носилки и сбрасывали со скалы, чтобы он не обременял семью.

И вот однажды у одного человека по имени Каншау состарился отец, и стал Канашау мастерить носилки. Подошел его маленький сын и спросил?

– Папа, что ты делаешь?

– Да вот готовлю носилки, чтобы отнести дедушку на скалу и сбросить в пропасть. Очень уж он старый стал.

– Это хорошо, что ты готовишь носилки, – сказал мальчик. – Ты их сохрани, а потом, когда ты состаришься, я тебя на них также отнесу на скалу и также сброшу в пропасть.

Задумался Каншау над словами сына. Страшно ему стало, как представил себе, что его будут сбрасывать в пропасть, и тут же разбил носилки. С того дня никто в ауле не стал придерживаться жестокого обычая» [5, с. 58].

Объясняя феномен геронтофобии (букв.: почитание стариков), Х.К. Геграев справедливо объясняет причины кавказского долгожительства «ярко выраженными геронтофильными тенденциями», «социальной востребованностью представителей старшего поколения», «особым статусом старых людей» [3, с. 615]. Интересные сведения приводит Х. Малкондуев о почтительном отношении карачаево-балкарской общины к старшему возрасту. «Их ублаживали в специальных колыбелях «ёмюрлюк бешик». Иногда к четырем сторонам шкуры буйвола или быка подвязывали веревки, поднимали ее на метр от земли, закрепляли веревки на толстых балках, что проходили через крышу дома, укладывали туда старцев и ухаживали за ними, как за детьми. Такое приспособление называлось «тери бешик» (колыбель из шкуры), и оно было, по преданиям, весьма удобным для ублаживания, так как оно легко двигалось и было простым в обращении» [10, с. 165].

До сих пор почитание стариков является одной из фундаментальных основ кавказской духовной культуры. Данный мотив в художественно преломленной форме фигурирует в произведениях многих профессиональных поэтов и прозаиков Карачая и

Балкарии. В их числе «Серебряный дед» М. Батчаева, «Тяжкий путь» А. Теппеева (о Кязиме Мечиеве), «Старым горским мастерам» К. Кулиева, «Моя бабушка» Т. Зумакуловой и мн. др.

Литература

1. Абазинские народные сказки. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. 411 с.
2. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
3. Геграев Х.К. Архетипы геронтоимии и многодетности в традиционном балкарском обществе // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929–2008) (г. Нальчик, 24–26 октября 2014 г.). Нальчик, 2015. С. 613–623.
4. Кабардинский фольклор. Изд-е 2, доп. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 649 с.
5. Карачаевские и балкарские народные сказки. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1957. 88 с.
6. Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2003. 1600 стб.
8. Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1987. 750 с.
9. Малкондуев Х.Х. Карачаево-балкарская народная сказка. Мотивы о Змее и Лисе. Композиция // Вестник КБИГИ РАН. Нальчик, 2014. № 4 (23). С. 613–623.
10. Малкондуев Х.Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 2001. 176 с.
11. Ногайские народные сказки. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1979. 184 с.
12. Русская бытовая сказка. Л.: Лениздат, 1987. 510 с.
13. Сказки. Книга I (Библиотека русского фольклора). М.: Сов. Россия, 1988. 544 с.
14. Тхамокова Ж.Г. Адыгская бытовая сказка (Сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 222 с.
15. Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарская сказка (Вопросы жанровой типологии). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 128 с.

B.A. BERBEROV

WHY EXPULSION OF OLD PEOPLE STOPPED

(comparative and typological analysis of one archetypical motive)

Touching upon the problem of «immigrant subject» the author explores the historical movement of one of the international folk stories «how stopped the expulsion of the old people from the society». This archifable is found in the folklore of various peoples of the world, including the Karachay and Balkars, showing the evolution of a moral victory and enlightened human mind. A great number of gerontotimiya ideas in the modern karachay-balkarian literature prove the firmness of this ancient tradition.

Keywords: folklore, domestic fairy-tale, immigrant subject, archifable, gerontotimiya, karachay-balkarian literature.

Л.Х. Махиева, Л.Б. Кучмезова, Л.С. Гергокова

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале карачаево-балкарского нартского эпоса)**

В статье исследуются некоторые особенности заимствованной лексики на материале карачаево-балкарского нартского эпоса. В ней проводится сравнительный анализ изучения особенностей адаптации заимствованных слов и основных направлений в их изучении. Кроме того, оцениваются различные приемы их привнесения в современный карачаево-балкарский язык.

Ключевые слова: заимствованная лексика, лингвофольклористика, нартский эпос, лексическая единица, наддиалектность, словарный состав, устно-поэтическое творчество.

Карачаево-балкарский нартский эпос является наименее изученным в лингвистическом плане жанром фольклора, между тем он играет немаловажную роль в формировании карачаево-балкарского литературного языка. Язык фольклора для карачаево-балкарского языка является неувядаемым актуальным образцом. Он доходчив и лаконичен, богат наддиалектными формами, которые отличаются от повседневной речи большей устойчивостью и обобщенностью [3, с. 106]. Тексты фольклорных произведений содержат характерные черты, свойственные данному языку на различных этапах его развития. Им присуща так называемая норма, отличающаяся от живой речи своими стереотипными формулами, то есть особой лексикой, а также некоторыми архаичными особенностями стилистики, грамматики и фонетики.

Карачаево-балкарский литературный язык – исторически сложившаяся и развивающаяся разновидность карачаево-балкарского языка, представленная в многочисленных и разнообразных текстах нартского эпоса с определенными характерными признаками (письменная закреплённость, стабильность, обработанность, наддиалектность, универсальность, наличие взаимосвязанных стилевых разновидностей, нормированность и т.п.). Он выступает средством устного и письменного общения в различных сферах карачаево-балкарского общества [7, с. 178].

Займствование иноязычной лексики является универсальным лингвистическим явлением, характерным для каждого языка, ибо нет языка, свободного от влияния других языков [4, с. 82]. Так, в карачаево-балкарском языке функционирует значительное количество займствованных лексических единиц, что предопределяется, в первую очередь, экстралингвистическими факторами: культурными, экономическими, торговыми и военными отношениями между носителями карачаево-балкарского языка и другими народами [5, с. 21].

Безусловно, исследование текстов нартского эпоса – историко-героических песен, сказок, сказаний, легенд, мифов, систематизация всего многообразия их языковых выразительных средств – является важным условием в формировании и становлении лексических норм современного литературного карачаево-балкарского языка. Ведь, как известно, язык эпических произведений – язык наддиалектный, отличающийся от повседневно-бытовой речи устойчивостью форм, обработанностью, архаичностью лексики и некоторыми фонетико-грамматическими особенностями [3, с. 5].

Например, в текстах нартского эпоса можно выделить лексические диалектизмы: **кичи** (ц-диал.) – **гитче** (ч-диал.) «младший, маленький», **сауут юй** (ч-диал.) – **аш юй** (ц-диал.) «кухня», **къаугъа** (ц-диал.) – **къайгы, хахай** (ч-диал.) «переполох, смятение, внезапная тревога»; **уууз** (ц-диал.) – **ырпыс** (ч-диал.) «молозиво», **чоъгожлен** – (ц-диал.) – **сокъуран** – (ч-диал.) «передумать, пожелать», **эрик** (литер.) – **къыфца** (ц-диал.) «слива» и т.д.

В результате многовековой шлифовки тексты нартского эпоса обогащались арабо-персидскими займствованиями, а также займствованиями из соседних языков: осетинского, кабардинского языков, которые наряду с исконной карачаево-балкарской лексикой образуют словарный состав памятника. Однако

усиленное заимствование из арабского языка относится к более позднему периоду, после принятия ислама [1, с. 41].

Известно, что изначально у истоков литературного карачаево-балкарского языка был нартский эпос. Народное наследие, создававшееся еще до появления письменности, является продолжением вековых традиций карачаево-балкарского устно-поэтического творчества. Как и в любом языке, в карачаево-балкарском языке, имеется определенное количество заимствованных слов.

Иноязычные заимствования могут заимствоваться двумя путями: устным и письменным. Так как нартский эпос является произведением устного народного творчества, то здесь происходит заимствование через живое общение [2, с. 36].

Так, в нартском эпосе можно выделить следующие группы заимствований из арабского языка:

а) Слова, связанные с религией, исламом: **Аллах** «бог», **садакъя** «подавание, милостыня», **тоба** «раскаяние, обет, залог», **шайтан** «злой дух, сатана», **жин** «бес, злой дух, дьявол, демон», **ажал** «смерть», **гюнах** «грех» и др.:

– **Аллах, Аллах, адамланы нек къыраса? – деп сорду [Сосурук]**

«– О господи, ты зачем людей уничтожаешь? – спросил [Сосурук]».

Так как арабские заимствования, входящие в систему карачаево-балкарского языка, имеют общую с исконными словами систему словообразования и словоизменения, карачаево-балкарский язык использует свои морфологические элементы для образования новых слов из заимствованных при помощи различных аффиксов. Например, слова **жинли** «помешанный, сумасшедший», **хурметли** «почетный», **налла** «подковать» морфологически освоены, т.е. к заимствованным существительным прибавились исконные аффиксы: **жин** «демон» + **ли** (афф. кар.-балк. яз.), **хурмет** «почет» + **ли** (афф. кар.-балк. яз.), **нал** «подкова» + **ла** (афф. кар.-балк. яз.) и др.:

[Фук] Хурметли жерине барып чёкдю «[Фук] Пошел и сел на свое почетное место».

б) Слова, связанные с названиями одежды, украшений: **накъут** «яхонт, рубин», **налмас** «алмаз» и др.:

Суу анасы анга [Сатанайгъа] кесини ариу накъут, налмас ташчыкъларын ойнаргъа бере тургъанды «Мать воды давала ей [Сатанай] поиграть свои красивые камни алмаза и рубина».

в) Слова с темпоральным значением: **ёмюр** «век», **заман** «время, эпоха» и др.:

Эртте, бурун ёмюрледе, нарт батырла болгъандыла «Давно, в прошлые века, жили-были нартские богатыри»;

г) Слова, связанные с военным делом: **аскер** «армия, войско», **къазауат** «война» и др.:

Алайда аскерлерин сынар ючюн, садакъда атып кёрдюле «Там же, решив испытать войско, пустили стрелы».

д) Слова, связанные с наименованием качеств: **зор** «насильственный», **залим** «угнетатель, тиран», «смелый», **факъыр** «нищий, бедный» и др.:

Кюнлени биринде, факъырача кийинип, нарт элдее сыбызгысын согъуп айланганды «Однажды он, одевшись как нищий, играя на свирели, ходил по нартским селам»;

е) Слова, связанные с конкретными и абстрактными понятиями: **файда** «польза», **дуния** «мир, свет, вселенная», **мал** «скот», **арба** «телега», **азат** «свобода», **заран** «вред, ущерб, убыток», **зат** «вещь», **акъыл** «ум», «разум», **палах** «несчастье», «напасть», «беда», **салам** «приветствие», «привет», **хыйла** «хитрость», «мошенничество», **ырысхы** «состояние, богатство», **жууап** «ответ», **сабий** «ребенок», «дитя» и др.:

Заранлы сарыуеклени да [нартла] къурутхандыла «[Нарты] уничтожили и вредных драконов».

В данных примерах из заимствованных имен существительных при помощи словообразовательных аффиксов карачаево-балкарского языка образованы прилагательные: **заран** «вред» + **лы** (афф.) «вредный», **акъыл** «ум» + **сыз** (афф.) «тупой».

По приводимым тематическим группам арабских заимствований можно проследить основные направления контактов между карачаево-балкарским и арабским языками. Заимствованные слова обогащают не только лексический состав карачаево-балкарского языка, но и создают базу для образования новых слов путем аффиксации и калькирования.

Также значимы персидские заимствования в карачаево-балкарском нартском эпосе. Их можно отнести к широкому кругу лексических разрядов. Здесь можно выделить следующие:

а) Слова, связанные с человеком: **батыр** «храбрый, смелый», **душман** «враг, неприятель, противник», **нёгер** «товарищ, союзник, партнер», **пелиуан** «силач, богатырь», **чолакъ** «безрукий», **тукъум** «фамилия, род» и др.:

Аланы душманны садакъ огъу бла сырпынны тешалмазча, Дебет аллай кюбе бла такъыя хазырласын «Чтобы их вражеская стрела или меч не смогли пробить, пусть Дебет сделает такие кольчугу и щит».

б) Слова, связанные с пищей: **боза** «хмельной напиток буза», **азыкъ** «еда, провиант, съестные припасы», **жау** «масло», «жир», **шорпа** «бульон (отвар из мяса)» и др.:

Нартла уа аланы тюрлю-тюрлю азыкъландан ичлерин толтуруп, артха къайтаргъандыла «Нарты их наполняли разной едой и отправляли обратно».

в) Слова, связанные с одеждой: **хуржун** «карман», **чабыр** «чабуры, чуваки из сыромятной кожи с плетеной подошвой, удобные для хождения по крутым, скользким склонам», **кямар** «пояс женский» и др.:

Дагъыда эмегендени терилеринден чабырла этигиз «Еще из шкуры великанов сделайте чабуры»;

Сосурукъ аны чыгъарып, Сатанайгъа кёргюзтеме десе, ол а хуржунундан думп болуп къалды «Когда Сосурук хотел его вытащить и показать Сатанай, его в кармане не оказалось».

г) Слова, связанные с наименованием животных: **жаныуар** «животное», **гаммеш** «буйвол», **марал** «олень», **чабакъ** «рыба» и др.:

[Сосурук] алагъа союп, бир буу, бир доммай, бир жугъутур, бир тууар, бир къабан, бир гаммеш, бир да айыу тудукъла бергенди «Он [Сосурук] для них убил оленя, зубра, тура, быка, кабана, буйвола, медведя и снял с них шкуры».

д) Слова, связанные с другими понятиями: **патчах** «царь», **кенгеш** «совещание», **дарман** «лекарство», **халкъ** «народ», **айып** «стыд» и др.:

Ол [къызыл таякъ] алагъа уу, нартлагъа уа дарман болгъанды «Она [красная палка] для эмегенов была ядом, а для нартов – лекарством».

В нартском эпосе немало также заимствований из осетинского языка: **назы** «ель», **дорбун** «пещера», **сылхыр** «глупый, сумасбродный, ошалелый», **ныгъыш** «место, куда собираются жители села в свободное время для беседы и отдыха», **ушхол** «кишка, пищевод», **антау** «стог сена, скирд», **Шаушюгют** «местность в Карачае (сау «черный» + сигит «земля»), **Шауурдат** «городище на берегу Черема Балкарского (сау «черный») и др.:

Жашагъанлары чегетледе, батмакълада, дорбунлада болуп, тоюмлары болмагъанды «Они жили на северной стороне, в болотах, в пещерах и были ненасытными».

В некоторых текстах встречаются и **кабардино-черкесские** заимствования: **хауле** «бездельник, бродяга, развратник», **хыйны** «яд, колдовство, отрава», **ушкоок** «ружье» и др.:

1. Ол заманда юйню иеси: «Къайда болса хаулеле да мында къаладыла», – дейди «Тогда хозяин дома сказал: «Всекие бродяги, не желающие работать / шатающиеся без дела приходят и здесь остаются».

Редко, но встречаются и русские заимствования, что связано с новыми вариантами текстов нартского эпоса:

Ёрюзмек турбин бла къычырды «Ёрюзмек кричал в трубу» и др.

Все это свидетельствует о том, что, передаваясь из поколения в поколение, нартский эпос благодаря контактам карачаевцев и балкарцев с представителями других народов вобрал в себя заимствования из их языков, которые являются одним из основных источников развития и обогащения любого языка, в том числе и карачаево-балкарского.

Следовательно, язык эпоса в лингвистическом понимании можно рассматривать как особый языковедческий пласт, противопоставленный языку художественной литературы, а вместе с ним и другим языковым стилям (научному, деловому и т.д.). Изучение языкового богатства произведений карачаево-балкарского нартского эпоса, его стилистических и художественно-образительных средств дает возможность не только глубоко и разносторонне оценить эти произведения, но и помогает изучению карачаево-балкарского языка в целом [6, с. 213–214].

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что карачаево-балкарский нартский эпос непрерывно обогащался и развивался в процессе многовекового функционирования, что послужило источником и питательной средой для формирования и дальнейшего развития национальной художественной литературы.

Литература

1. Батчаев А.-М.Х. Словарь арабо-персидских заимствований в карачаево-балкарском языке. Черкесск. 2010. 156 с.
2. Гергокова (Этезова) Л.С. Язык героического эпоса «Нарты». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2015, 145 с.

3. Кучмезова Л.Б. Формирование и развитие наддиалектных типов карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИПИ РАН. 2014. 135 с.

4. Махиева Л.Х. Лингвистическая терминология карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. 148 с.

5. Улаков М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. 117 с.

6. Улаков М.З., Кучмезова Л.Б. Особенности функционально-стилистического варьирования слов карачаево-балкарского языка // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 5 (67). С. 212–218.

7. Улаков М.З., Кучмезова Л.Б. Преемственность наддиалектных форм в современном карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2009. № 2. Нальчик. С. 176–182.

L.H. MAHIEVA, L.B. KUCHMEZOVA, L.S. GERGOKOVA

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES
OF THE BORROWED LEXICON IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE
(*on material of karachay-balkarian nart epos*)

In article features of the borrowed lexicon on the material karachai balkarian nartsky epos are investigated. In it the comparative analysis of studying of features of adaptation of loan words and the main directions in their studying is carried out. The borrowed lexicon functioning in karachai balkarian language on the basis of folklore works comes to light and systematized. Besides, various methods of their introduction into modern karachai balkarian language are estimated.

Keywords: the borrowed lexicon, the nart epos, a lexical unit, dictionary structure, oral and poetic national creativity.

Ф.Х. Гулиева (Занукоева)

К ПРОБЛЕМЕ ВНУТРИЖАНРОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Несмотря на то, что сказка всегда оставалась в кругу интересов собирателей и исследователей устного народного творчества карачаевцев и балкарцев, многие аспекты, касающиеся ее, все еще остаются неразработанными до конца. Данная работа посвящена одному из актуальных вопросов современного карачаево-балкарского сказковедения – внутрижанровому разграничению произведений данного вида фольклорной прозы.

Ключевые слова: сказки о животных, волшебные (фантастические, чудесные), героические, бытовые (новеллистические) сказки.

Сбор и публикация сказочных произведений карачаево-балкарского народа начались еще в конце XIX – начале XX в. [8]. Тогда же стали появляться и первые заметки Л.Г. Лопатинского, который в сравнительном аспекте рассматривал особенности структуры и содержания публикуемых текстов [8, с. 132–140, 207].

В советский период стали проводиться специальные фольклорно-этнографические экспедиции. Тем не менее, подлинно научное изучение сказок, да и вообще карачаево-балкарского фольклора в целом, в силу известных обстоятельств, началось только во второй половине XX в.

На сегодняшний день существует ряд классификаций карачаево-балкарских сказок. Так, авторы «Материалов и исследований по балкарской диалектологии, лексике и фольклору» предлагали разбить балкарские сказки на три группы: «а) сказки с фантастическим содержанием, б) сказки бытовые, в) сказки о животных» [9, с. 21].

А.И. Караева, считает, что сказочный эпос представлен «сказками о животных, чудесными, или волшебными, сказками, бы-

товыми, или новеллистическими» и отмечает, что «резкую грань между ними не всегда можно провести» [7, с. 17].

А.З. Холаев выделял сказки о животных, бытовые, волшебнo-фантастические и авантюрно-новеллистические [14, с. 25], но в дальнейшем последняя группа под названием новеллистических и сатирических рассматривалась автором как разновидность бытовых сказок [14, с. 28].

В вводной статье к хрестоматии «Карачаево-балкарский фольклор» Т.М. Хаджиева подразделяет карачаево-балкарские сказки на мифологические (*миф жомакъла*), волшебные (*тамаша жомакъла*), бытовые (*жашау-турмуш жомакъла*), сказки о животных (*хайыуанланы, жаныуарланы юсюнден жомакъла*), небылицы (*ётюрюкле*) и анекдоты (*чамла*) [13, с. 6]. Однако, при подробном описании анекдоты, наряду с новеллистическими, включаются в бытовые сказки. Мифологические сказки упоминаются, но характеристики, к сожалению, не получают. Тем не менее, говоря о сказках о животных, автор отмечает, что среди карачаевцев и балкарцев бытуют произведения, объясняющие, откуда появились те или иные внешние или поведенческие черты домашних и диких зверей [13, с. 15–16]. Примерно ту же картину мы наблюдаем и во введении, написанном исследователем к сборнику «Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания». Но имеются и небольшие отличия: волшебные сказки представлены под названием «*сейир-тамаша жомакъла*»; анекдоты не выделяются в отдельную группу, а сразу даются как одна из разновидностей бытовых сказок [12, с. 3].

Ф.А. Урусбиева в своих трудах вычленяла сказки о животных, волшебные и бытовые сказки [10, с. 43–53; 11, с. 6–16].

В свою очередь, Т.Ш. Биттирова предлагает классифицировать данный вид прозы на сказки о животных (*жаныуарланы юсюнден*), волшебные (*ажайып жомакъла*), героические (*батырланы юсюнден*), бытовые (*юй турмушну юсюнден*) сказки [5, с. 5].

Как видим, все исследователи сходятся на том, что карачаево-балкарский сказочный эпос условно можно разделить на сказки: 1) волшебные / фантастические / волшебнo-фантастические / чудесные (*тамаша, сейир-тамаша, ажайып жомакъла*), 2) о животных (*хайыуанланы бла жаныуарланы юслеринден жомакъла*) и 3) бытовые / новеллистические (*жашау-турмуш, юй-турмуш жомакъла*). Все же остальные выделяемые учеными жанровые формы можно включить в одну из названных групп. Так, например, мифоло-

гические сказки по содержанию и преобладающим признакам могут быть причислены к строящимся на элементе чуда волшебным сказкам или к сказкам о животных, если в тексте речь идет о появлении неких отличительных черт, особенностей птиц и зверей. А анекдоты и небылицы вполне успешно могут войти в сказки бытовые, как ее разновидности.

Здесь следует отметить, что анекдоты и небылицы являются своеобразными пограничными между сказочной и несказочной прозой жанрами, поскольку их персонажи могли иметь реальных прототипов, но причислялись к сказочной прозе из-за утраты имен героев (анекдоты) или же вследствие вымышленности описываемых ситуаций, событий [6, 56–57].

Более сложно обстоит вопрос об отнесении к волшебным сказкам или вычленении в отдельную группу так называемых героических сказок. Данный вид произведений в карачаево-балкарском фольклоре встречается в двух видах – чисто героическом и волшебного-героическом. В первом случае элемент чуда сведен к минимуму, главный персонаж активен, умен, храбр и проходит через все испытания и выходит победителем благодаря своим личным качествам и помощи своих друзей (например, «Тазрет» [1], «Таурух» [4] и др.). Во втором – главный герой менее активен, а победы добывается благодаря помощи чудесных предметов (волшебных пуль, мечей и т.п.) и помощников – коней, диких зверей и птиц, побратимов-эмегенов и т.д. («Жарыкбий» [3], «Пегие кони» [2] и др.). Первые произведения по ряду признаков можно было бы отнести к бытовым сказкам, однако, более «высокий» предмет повествования делает это не вполне оправданным. Думается, было бы логичнее выделить их в отдельную группу. В то же время, второй вид, на наш взгляд, вполне успешно может быть поглощен волшебными сказками.

Исходя из вышеизложенного можно предложить следующую классификацию карачаево-балкарского сказочного эпоса: 1. волшебные и волшебного-героические сказки; 2. героические сказки; 3. сказки о животных; 4. бытовые сказки: а) бытовые или новеллистические; б) сатирические.

Тем не менее, данная классификация не претендует на окончательность и может быть дополнена и изменена в зависимости от научных позиций того или иного исследователя.

Таким образом, можно констатировать, что сказочный фонд карачаевцев и балкарцев весьма богат и разнообразен

и все еще представляет значительный интерес для научной общественности.

Литература

1. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. П. 6, п. 7.
2. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. П. 19, п. 2.
3. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. П. 20, п. 1.
4. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. П. 20, п. 7.
5. Биттирова Т.Ш. Ал сёз (Введение) // Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...(Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору (Для студентов педколледжа) / Сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 3–22.
6. Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Карачаево-балкарская сказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
7. Караева А.И. Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1966. 320 с.
8. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост. А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.
9. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору: Тексты. Переводы. Комментарии. Словарь / под ред. А.Ю. Бозиева. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1962. 200 с.
10. Урусбиева Ф.А. Избранные труды: очерки, эссе, статьи. Нальчик: Эльбрус, 2001. 176 с.
11. Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 128 с.
12. Хаджиева Т.М. Ал сёз (Введение) // Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х томах. Т. 2 / сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 3–6.
13. Хаджиева Т.М. Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары (Народно-поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев) // Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): Хрестоматия / сост. Хаджиева Т.М. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37.
14. Холаев А.З. Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.

F.H. GULIEVA (ZANUKOEVA)

**TO THE PROBLEM OF INTRAGENRE CLASSIFICATION
OF KARACHAY-BALKARIAN NATIONAL FAIRY-TALES**

In spite of the fact that the fairy-tale always remained in a circle of interests of collectors and researchers of oral national work of karachay and balkar people, many aspects, concerning it, still remain undeveloped up to the end. The given work is devoted to one of actual questions of modern karachay-balkarian fairy-tale studying – to intragenre distinction of works of the given type of folklore prose.

Keywords: fairy-tales about animals, magic (fantastic, wonderful), heroic, household (novelistic) fairy-tales.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аппоев Алим Каншауович – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», appoev74@mail.ru

Атабиева Любовь Хизировна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», atabieva2012@mail.ru

Ахматова Мариям Ахматовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», mari.ahmatova@yandex.ru

Ахматова Фатима Хасановна – ассистент кафедры германской филологии Карачаево-Черкесского государственного университета, ahmatova123@yandex.ru

Бекулова Жаннета Сейитовна – магистрант 2 года обучения кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», zhanneta2901@mail.ru

Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», burhan_berberov@mail.ru

Биттирова Фериде Хусейновна – магистрант 2-го года обучения кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», tanzilya007@mail.ru

Бичекуева Танзиля Юсуфовна – кандидат филологических наук, преподаватель балкарского языка и литературы МКОУ «СОШ № 9», tan1302@yandex.ru

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора балкарской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», bolatovaatabieva@mail.ru

Боташева Фатима Таубиевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом карачаево-балкарского и ногойского языков Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований, fatima-taubievna@mail.ru

Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Дагестанского государственного университета, nur1@yandex.ru

Газаева Гульнара Жабраевна – соискатель кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», methotcentre347@mail.ru

Геляева Жамиля Абдуловна – магистрант 2-го года обучения кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», ketenchiev@mail.ru

Гелястанов Танзиля Салиховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», tanzilya007@mail.ru

Гергокова (Этезова) Лейла Созакбайовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», leylagergokova79@mail.ru

Губжева Карина Заурбековна – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», boris_tetuev@mail.ru

Гулиева (Занукоева) Фаризат Хасановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», gfariza37@mail.ru

Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, зав. сектором адыгского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», kbigi@mail.ru

Девеева Айшат Абдулкеримовна – аспирантка кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», julduz_892010@mail.ru

Додуева Аминат Таубиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», daminat57@mail.ru

Доттуева Зулфия Магомедовна – магистрант 2-го года обучения кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», zylfiya-9666@mail.ru

Кажарова Инна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», barsello@rambler.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», ketenchiev@mail.ru

Кумыкова Дина Мухарбиевна, кандидат филологических наук, доцент. Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, ул. Пушкина, д. 18, г. Нальчик, 360000, Россия. E-mail: dina07-09@mail.ru

Кучмезова Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», larisakuchmезova@mail.ru

Кучукова Зухра Ахмедовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», kuchuk60@list.ru

Локьяева Жаухар Магомедовна – стажер-исследователь сектора балкарской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», lokuаeva2015@mail.ru

Магрелова Фатима Асланбиевна – аспирантка 2-го года обучения сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», kbigi@mail.ru

Малкандуева Люба Махтиевна – магистрант 1-го года обучения кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», khubol@yandex.ru

Малкондуев Хамид Хашимович – доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», malkanduev47@mail.ru

Махиева Людмила Хамангериевна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по науке ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», kbigi@mail.ru

Мизиев Ахмат Магометович – кандидат филологических наук, докторант кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», kbgui@mail.ru

Мусуков Борис Абдулкеримович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», kbigi@mail.ru

Сарбашева Алена Мустафаевна – доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора балкарской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», alenasarb@mail.ru

Текуев Мусса Масхутович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВПО

«Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», kbgui@mail.ru

Тетуев Борис Инзрелович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», boris_tetuev@mail.ru

Толгуров Зейтун Хамидович – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором балкарской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», kbigi@mail.ru

Узденова Фатима Таулановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора балкарской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», ligidov75@mail.ru

Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», maxtti@mail.ru

Хуболов Сахадин Магометович – кандидат филологических наук, доцент кафедры балкарского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», khubol@yandex.ru

Хужева Людмила Корнеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом кабардино-черкесского и абазинского языков Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований, fatima-taubievna@mail.ru

Шурдумова Мадина Сафраиловна – магистрант кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», inhotep93@gmail.com.

Эбзеева (Эркенова) Фатима Пахаратовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела карачаево-балкарского и ногайского языков Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований, kchigi@rambler.ru

Научное издание

Макет и техническое редактирование
И.Х. Кушховой

Корректор

Художественное оформление
И.Х. Кушховой

Подписано в печать 15 г. Формат 60х84¹/₁₆. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. . Тираж 500 экз. (1-й завод – 150). Заказ №

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru

The federal state budgetary science establishment
The Kabardian-Balkarian institute of humanitarian research
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
E-mail: kbigi@mail.ru